

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1986

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
М. З. ЗАКИЕВ, С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ,
Х. Г. КОРОГЛЫ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор).
Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Х. Г. НИГМАТОВ, Р. ХАЛМУРАДОВ

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ЧЛЕНА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Как в русском, так и в тюркском языкознании ни один из второстепенных членов предложения не вызывает такой полемики, какая возникает при выделении обстоятельств и определении их места в предложении [3; 4; 5; 11; 18 и др.]. Поэтому данный вопрос все еще нельзя считать окончательно разрешенным, так как до сих пор один и тот же член предложения толкуется и как обстоятельство, и как дополнение [3, с. 334]. Единственным критерием их разграничения в таких случаях является весьма ненадежный для грамматического определения признак — конкретное (речевое) лексическое значение (или его оттенок) [4; 18, с. 68—80]. В связи с этим некоторые языковеды вообще считают нецелесообразным выделение многих видов обстоятельств, относя их к разряду различного рода дополнений и определений [7, с. 248].

В ряде работ, особенно в школьных и вузовских учебниках по тюркским языкам, выделение обстоятельства покоится на еще более шатком фундаменте — на сочетаемости зависимых слов, классифицируемых как обстоятельство, с глаголом. Ненадежность этого критерия подтверждается выделением особых детерминирующих обстоятельств, которые относятся целиком к предложению, а не к какому-либо одному его члену [19]. Перечень таких нерешенных вопросов, связанных с выделением обстоятельств, можно продолжить. Однако сказанного достаточно для того, чтобы выдвинуть проблему о необходимости установления собственно грамматических критериев выделения обстоятельства как члена предложения и средств его выражения в тюркских языках, что представляется нам вполне возможным на материале современного узбекского языка.

Объектом данного исследования являются примеры, представленные в разделах, посвященных обстоятельству, в двух основных вузовских учебниках по синтаксису узбекского языка [6; 2]. В этих учебниках приведен 271 пример на функционирование восьми семантических типов обстоятельства¹. В зависимости от способа выделения обстоятельственности эти примеры можно подразделить на четыре типа: 1) собственно грамматические средства; 2) лексико-грамматическое

¹ В наиболее полном исследовании — монографии Ф. Убаевой [18] выделяются четырнадцать разновидностей обстоятельства, однако различия между учебником и монографией в основном относятся к семантическим типам. Поскольку в данном случае нас интересуют вопросы выделения грамматических средств сигнализации обстоятельственности, мы не касаемся их семантических подгрупп.

значение зависимого компонента (обстоятельства); 3) лексико-грамматическое значение доминирующего слова, к которому относится обстоятельство; 4) конкретное лексическое значение словоформы, выступающей в позиции обстоятельства.

Грамматические и иные средства выражения обстоятельственности в узбекском языке, как правило, в учебниках особо не рассматриваются, и обстоятельство определяется исключительно семантически как член предложения, указывающий время, место, причину, цель и способ совершения действия [2, с. 80]. Поэтому остановимся более подробно именно на этом вопросе. Для выделения собственно грамматических и иных средств, сигнализирующих обстоятельственность словоформы, воспользуемся известной методикой грамматического анализа, которую широко применял академик Л. В. Щерба, — десемантизированными предложениями. В десемантизированных предложениях типа *taramnin sararini arib, varga tardim* лексические значения слов отступают на второй план, а на первый выступают лишь грамматические значения словоформы. В этом «грамматическом предложении» с точки зрения выражения обстоятельственности нас интересуют две словоформы *arib* и *varga*. Из них словоформа *arib* в предложении выступает только как определенный семантический вид обстоятельства, так как деепричастия в иной функции, кроме как обстоятельства, в речи не реализуются². Даже в тех случаях, когда некоторые деепричастные словоформы по нормам узбекского школьного и вузовского синтаксического анализа классифицируются как сказуемые придаточного предложения (*Кун ботиб, қош қорайди* 'Солнце село, и вокруг стемнело'), они выступают как сказуемые отдельных семантических видов обстоятельственных придаточных предложений. Таким образом, в приведенном предложении на основании сигнализации формой *-ib* синтаксической функции словоформы можно безошибочно классифицировать *arib* как обстоятельство, так как обстоятельственность в данном случае выражается грамматическими средствами. Этого мы не можем сказать о словоформе *varga* в том же предложении, ибо классификация последнего как дополнения или обстоятельства определяется исключительно лексическим значением словоформы, которая занимает позицию *varga* в предложении. Если она отвечает на вопросы «кому?», «чему?» — то здесь выступает косвенное дополнение, если же требуются вопросы «куда?», «когда?» — обстоятельство. Следовательно, в данном случае имеет место четвертый тип выражения обстоятельственности — семантический способ.

Формализуем еще два словосочетания: 1) *яхши қизинг* 'хорошей девушки'; 2) *яхши ёзди* '(он) хорошо писал'. Их модели с русским эквивалентом: *vari qarning* (русс. глокой куздры) и *vari tardi* (русс. штеко будланул), то есть в узбекском языке *vari* может сочетаться как с именем существительным, так и с глаголом. Определительный характер *vari* в первом и его обстоятельственность — во втором, по нормам современной узбекской грамматики, определяется исключительно значением ведущего (главного) слова как части речи. В первом примере в качестве такого слова выступает имя существительное, а во втором примере — глагол, что и составляет второй из указанных нами выше способов выражения обстоятельственности. Кроме атрибутивных слов, которые могут сочетаться как с именами, так и с глаголами, имеются и

² Исключение составляют только аналитические формы глагола типа *arib ob-, arib qoj-* и т. д., которые образуются по строго определенным грамматическим моделям.

такие атрибутивные слова, которые сочетаются только с глаголами: *аста/секин юр* 'тихо/медленно ходить' и реализуются в речи только как обстоятельство. Такие слова являются собственно наречиями, характеризующимися негативными признаками: а) невозможностью принятия словоизменительных аффиксов и б) невозможностью сочетания с именами [13].

Следовательно, обстоятельственность этих слов в строе предложения сигнализируется лексико-грамматическим значением (то есть значением как части речи) этих слов, выступающих в качестве распространителей глагола, что и составляет третий способ выражения обстоятельственности. Поскольку наречия в узбекском языке не характеризуются специфическими, выраженными формальными (морфологическими) признаками, сочетания типа *аста юрди* мы можем формализовать: Adv.+V или Adv.+tardi, то есть «наречие+глагол».

Сопоставив все четыре модели: 1) arib+tardi, 2) vari+tardi, 3) Adv.+tardi, 4) varga+tardi, легко заключить, что во всех четырех моделях в качестве второго компонента выступает глагол. Но глагольность второго компонента играет решающую роль для определения обстоятельственности зависимой словоформы лишь во второй модели, а конкретно-лексическое значение слова выступает как основной фактор лишь в четвертой модели. Это позволяет сделать важный вывод о том, что критерий выделения обстоятельства в современном узбекском грамматическом учении являются различными, не вытекающими друг из друга и несовместимыми.

Остановимся на конкретных формах реализации каждого из четырех способов выражения обстоятельственности в узбекском языке.

1. Грамматический способ. Анализ фактического материала показывает, что данный способ в количественном отношении является доминирующим — из 271 примера в 140 (52%) имеются специальные грамматические (морфологические) средства сигнализации обстоятельственности словоформы. Таковыми выступают: все деепричастные аффиксы (-б/-иб, -а/й, -май, -гунча, -гани и др.); спрягаемая условная форма на -са, показатели местного падежа -да и предельного падежа на -гача³; послеложно-падежные аналитические образования. Послеложная часть таких аналитических образований может быть выражена собственно послелогам, послелогам-деепричастиями, послелогам-наречиями, послелогам-именами. В обоих указанных учебниках выделяются следующие послеложно-падежные образования как сигнализаторы обстоятельной функции словоформы: -дан бери/-дан буён 'с тех пор, как...', -дан сўнг/-дан кейин 'после того, как...', -дан нари 'дальше того места...', 'вне', -га кўра/-га яраша 'согласно...', -га қараб 'по направлению к...', 'соответственно с...', -га қарамай 'не взирая на...', -га томон (основной падеж+томон) 'по направлению к...', -га қадар/-га довуր 'до', основной падеж+сари 'к', 'по мере того, как...', основной падеж+бўйи 'в течение всего/целого...', -га биноан 'согласно с...', основной падеж+сабабли/туфайли 'из-за', 'по причине...'.

На основании исключительно обстоятельной функции местного падежа на -да и обстоятельных лексических значений слов ҳол 'положение, состояние', мақсад 'цель', тақдир 'предопределение,

³ Выделение особого предельного падежа на -гача в узбекском языке спорно. Некоторые исследователи рассматривают -гача как сложное аналитическое образование — аффикс направительного падежа — га+послелог -и [1]..

судьба, случайность', *тартиб* 'порядок' и др. Словоформы *ҳолда*, *мақсадида*, *тақдирда*, *тартибда* тяготеют к десемантизации и к превращению в грамматические сигнализаторы обстоятельственности: *пахта планини машина ишлатган тақдирда бажара оламиз* [6, с. 145] 'мы можем выполнить план заготовки хлопка лишь при условии (широкого) применения техники'; *мамлакатимизда аҳолини маҳсулотлар билан маркизлашган тартибда таъминлаш системаси амалга оширилмокда* [2, с. 79] 'в нашей стране снабжение населения товарами осуществляется централизованно (в централизованном порядке)'; *у ўқиш мақсадида келди* [6, с. 144] 'он приехал учиться', *тўхтовсиз равишда* [2, с. 142] 'беспрерывно'; *у қувонган ҳолда гапирди* [6, с. 141] 'он радостно (радуясь) говорил'.

Перечень грамматических средств сигнализации обстоятельственности показывает, что в их числе имеются чисто морфологические аффиксы (деепричастные показатели, аффиксы: *-са*, *-да*, *-гача*), служебные слова (*сўнг*, *кейин* и т. п.) и грамматикализирующиеся единицы (*ҳолда*, *равишда*). Неоднородность грамматических средств сигнализации обстоятельственности является отражением разнотипности характера языковой системы, когда в ее строе сосуществуют как элементы роста, так и реликты прошлых состояний [8; 10]. В анализируемых учебниках грамматические средства сигнализации обстоятельственности словоформы служат для обозначения всех восьми семантических видов обстоятельства.

II. Сущность второго способа выделения обстоятельства [модель *vari tardi* (*чиройли ёзди*)] основана на том, что определение при глаголе должно быть классифицировано как обстоятельство и восходить к внешнему для тюркских языков явлению — к формальным различиям приименного и приглагольного определений в индоевропейских языках (в частности, в русском). Никаких грамматических примет и оснований для классификации *чиройли* в *чиройли ёзди* как обстоятельств не имеется. В подлинно грамматическом смысле в таких сочетаниях *чиройли* должно быть квалифицировано как приглагольное определение, что одновременно внесло бы ясность в вопросы так называемой омонимии прилагательных и наречий, образования наречий путем конверсии и т. д. В качестве приименных и приглагольных определений, по данным учебников, выступает значительное количество качественных прилагательных (а), наречий (б), числительных (в), местоимений (г), атрибутивных словосочетаний (е), подражательных слов (д), производных слов, образованных с помощью аффиксов *-дай/-дек* (ж), *-сиз* (з), *-(лар)ча* (и), *-симон* (к): а) *У яхши гапирди* [6, с. 142] 'Он хорошо говорил'; б) *У кам гапирди* [6, с. 145] 'Он мало говорил'; в) *Юз айтдим, минг айтдим* [6, с. 141] 'Сто (раз) сказал я, тысячу (раз) сказал'; г) *Партизан ҳаёти ҳам бу масалага анча-мунча ўргатиб қўйган эди* [2, с. 30] 'Кое-чему в этой области научила его и партизанская жизнь'; д) *Анорхон пик-пик йиғлади* [2, с. 79] 'Анорхан плакала всхлипывая'; е) *Бола кўкраги очик юради* [2, с. 87] 'Подросток носит (халат) нараспашку'; ж) *Олмаотанинг олмасидай қип-қизилдир* [6, с. 142] 'Ярко-красные, как алмаатинские яблоки'; з) *Поёнсиз осмон гумбази яна ҳам чексиз кенгайди* [2, с. 80] 'Бесконечный небосвод расширился беспредельно'; и) *Ортиқ Артамонов билан дўстларча кўришди* [2, с. 79] 'Артык дружески поздоровался с Артамоновым'; к) *Кулола яширингансимон унга якин келди* [2, с. 80] 'Кулала, будто прячась, приближилась к нему'.

Формально-грамматическая недифференцированность вышеприведенных групп слов при реализации в качестве приименного и пригла-

гольного определений заставляет призадуматься о целесообразности выделения таких обстоятельств вообще, так как они могут быть успешно классифицированы как приглагольные определения.

III. Третий способ выделения обстоятельственности [модель (Adv.+tardi), например, *секин юрди*] связан со значением наречия как части речи, то есть основан на лексико-грамматическом категориальном значении слова. Выделение же наречий в тюркских языках относится к числу довольно трудных вопросов, так как наряду с собственно наречиями, характеризующимися неизменяемостью⁴ и сочетаемостью только с глаголами (такие слова, как *энди* 'теперь'; *ичра* 'в, среди'; *аста* 'медленно'; *хамииша/доим* 'всегда'; арабские заимствованные наречия на -о и -ан: *аввало* 'сперва', *тахминан* 'приблизительно'; лексикализованные формы: *бирдан* 'вдруг', *бирга* 'вместе', *олга* 'вперед'; образования с помощью аффикса -лаб: *яхишлаб* 'хорошенько', *ўн(та)лаб* 'десятками' и обстоятельственные нумеративы: *марта*, *сафар*, *бора*, *дафъа* 'раз') имеется большое количество недифференцированных имен-наречий, которые свободно могут обозначать и предметность, и пространство//время (*бугун*—1. 'сегодняшний день', 2. 'сегодня'; *кеча*—1. 'вечер', 2. 'вчера'; *кеч*—1. 'вечер', 2. 'поздно'; *эрта*—1. 'завтрашний день', 2. 'завтра', 3. 'рано'; *орқа*—1. 'спина', 2. 'сзади', 3. 'позади'; *ора*—1. 'средний', 2. 'посреди' и многие другие), имен-нумеративов (в качестве которых может выступать огромное большинство имен существительных; ср., например: *бир мактаб бола* 'целая школа учеников', *уч кишлок одам* 'население трех кишлаков', *уч туя ўтин* 'количество дров, которыми можно нагрузить трех верблюдов'), местоимений-наречий (*бу ер* 'здесь', *уён* 'там' и др.) [13]. Элементы, выступающие как включенное третье в привативных оппозициях «имя существительное—наречие», «имя существительное — имя числительное», «местоимение — наречие» и т. д., численно намного превышают общее количество собственно наречий, так что однозначное решение вопроса о том, имеем ли мы дело с дополнением, определением, подлежащим или с обстоятельством, в конечном счете опирается на конкретное речевое значение словоформы. Это обусловлено неразвитостью в тюркских языках классифицирующих грамматических категорий и семантическим характером ведущего принципа выделения частей речи в этих языках [14]. Наряду с этим в различные периоды истории тюркских языков можно выделить специальные формальные средства выражения обстоятельственности, присоединяемые к именам. К таковым относятся древнетюркское -ды/-ты (*қатыгды* 'крепко'), старотюркское -лайу (*арсланлайу* 'как лев'), староузбекское -лайын (*танглайын* 'утром'), современное узбекское -лаб (*яхишлаб* 'хорошенько', *атайлаб* 'нарочно', *ўнлаб* 'десятками'). В качестве таких средств преимущественно выступали изолированные показатели деепричастий. Однако ни один из них не получил развития и не нарушил закон формальной нерасчлененности наречий от других частей речи.

В упоминавшихся вузовских учебниках примеров на выделение обстоятельства по модели Adv.+tardi всего лишь 28, что составляет 9,5% из числа всех обстоятельств, и они служат для выделения четырех семантических разрядов обстоятельств: образа действия (а), меры и степени (б), места (в) и времени (г): а) *у бирдан кичкирди* [6, с. 141] 'вдруг он крикнул', б) *у уч марта қичқирди* [6, с. 14] 'он крикнул триж-

⁴ Только некоторые из них на основании обстоятельственных значений падежей могут сочетаться с афф. -да(а), -га, -дан (б): а) *ахён—ахёнда отлиқ ўйловчилар ҳам ўтиб туради* [2, с. 82] 'очень редко проезжают и всадники'; б) *йигит... нарида... тулар эди* [2, с. 81] 'молодой человек... стоял... подальше'.

ды'; в) *уни бу ёққа чақиринг* [6, с. 143] 'пригласите его сюда'; г) *уўтган йили саёҳатга кетган эди* [6, с. 141] 'в прошлом году он ездил в путешествие'.

Поскольку в модели Adv.+tardi разграничение наречия от других частей речи в конечном счете дается на семантической основе, критерии выделения обстояательства в этой модели приходят в соприкосновение с четвертым — **лексико-семантическим критерием**, который является ведущим в четвертой группе выделенных обстоятельств. По материалам учебников, лексико-семантическим способом, то есть на основании конкретного речевого значения словоформы, в 66 случаях обстоятельство разграничивается от косвенного дополнения. Релевантным в этих случаях является конкретное лексическое значение как словоформы, так и глагола, к которому относятся данные словоформы. Например, сочетание *урушга кетди* 'ушло (ушли) на войну' на основании значения *кет* — 1. 'уходить (глагол движения)', 2. 'расходиться' может быть интерпретировано как обстоятельство (*ҳаммаси урушга кетди* 'все ушли на фронт') и как косвенное дополнение ('все ушло на (нужды) фронта'). Точно так же глагол *ет* имеет два лексико-семантических варианта: 1. «хватать, быть достаточным», 2. «достигать, дойти, доехать», и сочетание *мактабга етмади* с ЛСВ I *ет* — должно быть классифицировано как сочетание косвенного дополнения+глагольное сказуемое, а с ЛСВ II — как обстоятельство места+глагольное сказуемое. Основные формы выражения нерасчлененных дополнений-обстоятельств, по материалам учебников, следующие: имя/имя действия+*-дан/-га*, имя/имя действия+аффикс принадлежности+послелог *учун/билан, -га+қараб*. По отношению к таким формам нам представляется весьма удачным предложенный А. Н. Кононовым термин «обстоятельственное дополнение» [9], который вскрывает двойственную природу этих словоформ. Ведущий компонент словосочетания, в зависимости от своего лексического значения, требует косвенного дополнения или же обстоятельства; так что обстоятельство не всегда является периферийным членом предложения; при значительном количестве слов оно может быть таким же необходимым для полного раскрытия значения слова, как и косвенное дополнение [20.] Поэтому двойное наименование для таких форм, как это предложил А. Н. Кононов, является совершенно необходимым («обстоятельственное дополнение» или «дополняющее обстоятельство»).

Таким образом, на основании материалов двух вузовских учебников по синтаксису узбекского языка в узбекском языке можно выделить специальные средства, сигнализирующие обстоятельность словоформы—деепричастия, местный и предельный падежи, специальные послелогии, выражающие пространственно-временные, причинно-целевые отношения. Словоформы с этими грамматическими показателями выступают в речи только как различного вида обстоятельства и в иной функции не реализуются. На основании этого можно сделать следующий важный вывод: возможность выделения обстоятельства как особого члена предложения поддерживается наличием специальных форм, сигнализирующих обстоятельность. Поэтому отрицание существования **обстоятельства как особого члена предложения** вообще является недостаточно обоснованным и базируется на тех переходных случаях, когда одна и та же форма может квалифицироваться и как обстоятельство, и как другой член предложения. Наряду с формами сигнализации обстоятельности (I тип) и чистого дополнения (винительный падеж) имеются также нерасчлененные формы обстоятельства-дополнения

(IV тип), а также примыкающие приглагольные определения (обстоятельственные определения) (II тип). Это, на наш взгляд, отчетливо показывает, что явления, классифицируемые как включенное третье, как общий сегмент двух взаимно перекрещивающихся полярностей (противоположностей), свойственны не только морфологии [15], но и синтаксическому строю тюркских языков.

Рассмотрение критериев выделения обстоятельства в узбекском языке ставит перед тюркологами еще два следующих вопроса: какова связь частей речи и членов предложения в тюркских языках? и представляет ли собой обстоятельство собственно синтаксическую категорию?, а если — да, то можно ли интерпретировать все случаи, приведенные в вузовских учебниках и рассмотренные здесь, как обстоятельства?

Первый вопрос неоднократно ставился перед лингвистами и в какой-то степени был решен на основании анализа огромного материала типологически различных языков И. И. Мещаниновым [12], который выдвинул тезис о хронологическом предшествовании членов предложения частям речи. Анализ принципов выделения обстоятельства в узбекском языке не говорит ничего определенного о справедливости данного положения, так как при формальной нерасчлененности в тюркских языках наречий и других частей речи в этих языках существуют специальные формы обстоятельственности. С другой стороны, формальная недифференцированность наречий от других имен делает ведущим семантический способ разграничения наречий от имен (соответственно—обстоятельства от дополнения и подлежащего). Наряду с этим неразвитость классифицирующих грамматических категорий наречий в тюркских языках компенсируется развитостью функциональных форм глагола и аффиксов, придающих именам атрибутивную функцию (афф. -дай/-дек, -ча, -сиз, -ли, -даки и др.), а также формальной нерасчлененностью приименной и приглагольной определительной функции. Это свидетельствует о том, что специальные формальные показатели обстоятельственности могут формироваться изолированно, не в связи с наречиями. Вместе с тем при наличии довольно развитой системы специальных форм обстоятельственности в тюркских языках наречия могут оставаться морфологически не вполне обособившимися.

На первую часть приведенного выше второго вопроса можно ответить однозначно: обстоятельство является собственно синтаксической категорией и представляет собой синтаксическую функцию определенного набора синтетических и аналитических морфологических форм (I тип сигнализации обстоятельственности). Значительно труднее ответить на вторую часть этого вопроса, так как если под обстоятельством понимать синтаксическую функцию определенной формы, то второй и четвертый способы сигнализации обстоятельственности не удовлетворяют таким требованиям, и они должны быть рассмотрены как приглагольные определения (или обстоятельственные определения) и как обстоятельства-дополнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ф. Абдурахмонов, А. Рустамов.* Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984.
2. *Ф. Абдурахмонов, А. Сулаймонов, Х. Холияров, Ж. Омонтурдиев.* Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. Тошкент, 1979.
3. *Н. М. Александров.* Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. — «Ученые записки Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена», т. 236, Л., 1963.

4. М. Л. Ванилова. О границах между обстоятельством места и дополнением. — «Русский язык в школе», 1938, № 4.
 5. В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.
 6. А. Фуломов, М. Аскарлова. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. Тошкент, 1965.
 7. М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
 8. С. Н. Иванов. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. — «Советская тюркология», 1973, № 6.
 9. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
 10. Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. III, М. 1963.
 11. К. Г. Крушельская. К вопросу о смысловом членении предложения. — «Вопросы языкознания», 1956, № 5.
 12. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
 13. Х. Г. Нигматов. Соотношение частей речи в восточно-тюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 6.
 14. Х. Г. Нигматов. О классификации грамматических категорий в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1984, № 4.
 15. Х. Г. Нигматов. Включенное третье в морфологической системе тюркских языков. — «Советская тюркология», 1976, № 5.
 16. В. М. Никитин. Обстоятельство как второстепенный член предложения в русском языке в его противопоставлении дополнению. — «Ученые записки Ленинградского госпединститута», том XXVI, Л., 1961.
 17. А. С. Сафаев. Исследование по синтаксису узбекского языка. Ташкент, 1968.
 18. Ф. Убаева. Ҳол категорияси. Тошкент, 1971.
 19. Н. Ю. Шведова. Существуют ли все-таки детерминантные распространители предложения? — «Вопросы языкознания», 1968, № 2.
 20. А. А. Цалкаламанидзе. Обстоятельство в языке «Атебат-ул-Хакаиқ». — «Советская тюркология», 1975, № 6.
-

Я З Ы К О В Ы Е С В Я З И

Л. Ш. АРСЛАНОВ

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВ КАРАГАШЕЙ И ЮРТОВСКИХ
ТАТАР (НОГАЙЦЕВ) С КАЗАХСКИМ ЯЗЫКОМ

Казахско-ногайские языковые и этногенетические контакты своими корнями уходят в глубокую древность. По общему мнению ученых, ногайский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков и образует вместе с каракалпакским и казахским языками кыпчакско-ногайскую подгруппу [1, с. 165]. Предки нынешних ногайцев (в том числе карагашей и юртовских татар) жили на обширной территории Северо-Западного Казахстана. Но в то время они не назывались еще ногайцами [2, с. 20]. Термин «ногай» и «ногайская орда» как собирательное имя для всего тюрко-монгольского населения мангытского юрта возник в 20-е годы XIX века [2, с. 20; 3, с. 18]. Известно, что многие племена, составлявшие союз кочевых узбеков Дешт-и-Кипчака, впоследствии раздробились и часть их вошла в состав казахов, каракалпаков, башкир, ногайцев, сохранив свои племенные названия [4, с. 5]. Следовательно, наличие общих элементов в языке ногайцев и казахов объясняется и общностью их происхождения.

По мнению Н. А. Баскакова, «языки каракалпакский и отчасти казахский оформились сравнительно поздно в составе Большой ногайской орды. Самую позднюю группу кыпчакских языков составляют кыпчакско-ногайские языки, сформировавшиеся в XIV—XVI веках, к которым относятся ногайский, каракалпакский, некоторые диалекты узбекского и казахского языков» [5, с. 74].

При интерпретации заимствованной лексики или грамматических явлений, особенно при определении заимствованных элементов казахского в ногайском и ногайского в казахском языках, это обстоятельство имеет большое значение, ибо некоторые явления в пограничных зонах могут представлять результат случайного сохранения реликтов древних общностей [6, с. 81]. Следовательно, при изучении результатов взаимодействия казахского языка и языка астраханских ногайцев (карагашей и юртовских татар) необходимо строго дифференцировать заимствованные элементы от древних языковых черт, присущих этой древней языковой общности.

Языковые контакты между казахами и астраханскими ногайцами — карагашами и юртовскими татарами — относятся к типу маргинальных (пограничных). Хронологически их можно разделить на два следующих периода:

1. Казахско-ногайские языковые контакты, имевшие место до переселения под давлением калмыков отдельных ногайских племен на Северный Кавказ (первая половина XVI века), то есть до появления за-

падных казахов в Астраханском крае [2, с. 31]. О древних контактах между ногайцами и казахами свидетельствует наличие отдельных ногайских родов в составе казахов Младшей орды [7, с. 111; 8, с. 283; 9, с. 377, 417]. О наличии древних связей между ними, как уже отмечалось выше, свидетельствуют черты, общие для ногайского и казахского языков [1, с. 167; 10, с. 5], а также некоторые общие черты в фольклоре этих народов [11, с. 134—135].

2. Контакты казахов с карагашами и юртовскими татарами (ногайцами) после появления западных казахов Букеевской орды в Астраханском крае в начале XIX века [12, с. 19—20; 13, с. 151].

Язык западных казахов взаимодействовал в основном с языком карагашей и частично с говорами юртовских татар (говоры сел Тулугановка Володарского района и Килинчи Наримановского района). В этих говорах казахских элементов представлено немного, поэтому ниже мы остановимся на казахских элементах в языке карагашей. Ногайские элементы в казахском языке рассматриваются на материале, собранном и опубликованном казахскими диалектологами.

Языковые контакты между казахами и карагашами со времени появления казахов на данной территории были перманентными. В результате этих контактов появились казахские особенности в карагашском языке и ногайские — в языке казахов этого региона. По данным А. Тасымова [14], большая часть специфических особенностей в языке южных и западных казахов возникла в результате иноязычного влияния астраханских ногайцев и татар.

Карагаши на современной территории, то есть в Красноярском районе Астраханской области, живут с 1741 года [15, с. 1—30; 16, с. 120, 209, 155]. Более тесные контакты между казахами и карагашами устанавливаются с 1801 года после присоединения Букеевской орды к России. Земля карагашей граничила и поныне граничит с землями казахов Гурьевской области Казахской ССР. В результате почти двухвекового контактирования с западными казахами карагашский язык испытал некоторое воздействие казахского языка, хотя этнического смешения между носителями этих языков и не было.

Влияние казахского языка сказалось в основном на лексике и частично морфологии, в области же фонетики это влияние не отмечалось, что объясняется, по-видимому, наличием большого сходства между фонетическими системами данных языков. Необходимо учесть и то обстоятельство, что взаимодействовали не литературные языки, а диалекты, ибо карагашский язык не имеет литературной формы и бытует как разговорный язык отдельной этнической группы.

В области морфологии влияние казахского языка проявилось в следующем:

1. В карагашском языке личные местоимения в дательном-направительном падеже имеют формы *таға* 'мне', *саға* 'тебе', *оға* 'ему, ей'. Данное явление мы считаем результатом влияния казахского языка. Это предположение подтверждается тем, что аналогичные местоимения бытуют в говоре кундровских татар села Тулугановка Володарского района, которые также контактируют с казахами.

2. В ногайском литературном языке сравнительная степень прилагательных образуется посредством аффикса -гаq, -gäk, -угаq, -егäk. В карагашском языке эти аффиксы отсутствуют, и в значении сравнительной степени здесь могут употребляться аффиксы -law, -lew, -paw, -pew, которые в казахском языке образуют преуменьшительно-приблизительную степень и выражают признак ослабленного качества [17, с. 207].

3. Характерное для казахского языка употребление в карагайском имени действия на -ıw, -ıw в значении инфинитива в сочетании со словом кегек 'надо' и без него [17, с. 353].

4. Отрицательная форма прошедшего категорического времени образуется в ногайском языке от отрицательной основы глагола в сочетании с аффиксом времени и лица: baɣmadım 'я не ходил'. В карагайском же языке отрицательная форма этого времени образуется, как и в казахском, от причастия на -ɣap, -ɣep плюс модальное слово ʒoq//çoq: baɣɣap çoɣım 'я не ходил', baɣɣap çoqsın 'ты не ходил', baɣɣap çoq 'он не ходил'. Подобное явление наблюдается в говоре кундровских татар села Тулугановка Володарского района, которые также контактируют с казахами.

5. В речи карагашей села Малый Арал наблюдается употребление частицы emes 'не, нет' (в карагайском—tuwy). Эта частица проникла из казахского языка.

Влияние казахского языка сказывается сильнее всего на лексике. Некоторые слова казахского происхождения в языке карагашей, возможно, являются древними, усвоенными карагайским языком еще с той поры, когда предки карагашей-ногайцев кочевали между Волгой и Уралом. Строгая дифференциация казахских заимствований на древние и современные не представляется возможной из-за отсутствия исследований по исторической лексикологии и этимологического словаря ногайского языка. Необходимо учесть и то обстоятельство, что при взаимодействии близкородственных языков бывает затруднительно разграничить языковую интерференцию от элементов прошлой общности языков. Некоторые явления могут оказаться результатом конвергентного развития [18, с. 26]. Единственным критерием, позволяющим отнести те или иные факты к заимствованиям из казахского языка, является отсутствие их в ногайском литературном языке и его диалектах. Однако, исходя из характера лексических заимствований, можно утверждать, что большинство слов казахского происхождения проникло в язык карагашей за последние двести лет.

В количественном отношении казахские заимствования в лексическом составе карагайского языка занимают достаточно большое место. Они относятся к различным областям жизни: быту, этнографии, экономике и т. д. Среди них много слов с отвлеченным значением. Казахские заимствования встречаются во всех частях речи: а́заг 'облик, цвет лица', а́жуг 'вилы', а́лақап 'ладонь', ба́йқаусыз 'нечаянно', бо́сапау 'рожать, родить', бө́лөк 'отдельно', ке́мре̇г 'старуха', ке́не 'клевш', кө́že 'похлебка', ла́улау 'сильно гореть, пламенеть', па́п 'большой, огромный', ша́ршау 'устать, уставать', қо́ғуау 'защищать, охранять', қо́ғбу 'сверстник', қо́ғарт 'бесплодный', зу́уыт 'хитрый', да́ла 'улица', да́ғуыш 'постоянно', да́ңг 'сплошь, одни', қо́рпу 'надгробие' и т. д.

Выделяя ногайские элементы в казахском языке, мы основываемся на материале казахских диалектологов. Поэтому трудно разграничивать ногайские элементы по происхождению и не всегда удается установить, из какого источника они заимствованы. Из-за отсутствия конкретных данных нельзя точно определить и хронологию их проникновения в казахские говоры.

Согласно данным казахских диалектологов [19, с. 165, 290, 313, 343; 20; 21; 22, с. 110], большая часть специфических особенностей в языке южных и западных казахов возникла под иноязычным влиянием, в частности под воздействием ногайского языка и его диалектов.

Отдельные ногайские элементы в казахских говорах можно было бы связать с ногайским субстратным явлением. А. Нурмагамбетов в

своем исследовании [23, с. 189—190] отмечает, что в северных говорах казахского языка есть слова, имеющие параллели в ногайском и отсутствующие в казахском языке. К ним относятся: *adanas* 'двоюродный брат', *atu* 'ичиги', *zat* 'вещь, что', *küjente* 'коромысло', *qasqa* 'ласкательное слово', *kēlt* 'замок', *ног. kērt, qaqyра* 'навес открытый', *oram* 'улица', *ottuq* 'ясли для корма', *suayash* 'коромысло', *senek* 'вилы', *terme üj* 'кибитка', *tegeršēk* 'колесо', *tajaw* 'подпорка', *ujuq* 'носки', *šaga-гоги* 'принимать меры', *sekkē* 'весы' и т. д.

По данным А. Тасымова [14, с. 29], в языке казахов Астраханской области наблюдается большое количество слов ногайского происхождения, относящихся к различным семантическим группам. Нет сомнения в том, что большая часть из них проникла в язык западных казахов из языка юртовских татар и карагашей. К ним автор относит следующие слова: *qyzyl tas* 'кирпич', *nälbek* 'блюдо', *zembēl* 'плетеная из камыша сумка', *atu* 'обувь в виде ичигов', *žataq* 'тюбетейка', *šandaz* 'красивый', *adanas* 'сестра, родственник', *žograp* 'одеяло', *ötpek* 'хлеб', *gerem* 'раз', *bürše* 'блоха', *sekkē* 'весы', *qaqyра* 'навес', *senek* 'вилы', *tegeršēk* 'колесо', *atawyz* 'клеши', *otuyuş* 'стул', *biälaj* 'варежки', *astyq* 'мука', *arys* 'оглобля', *ataw* 'остров', *kerkēr* 'дуршлаг', *šetep* 'плетень' и др.

Ряд грамматических особенностей, встречающихся в казахских говорах, может быть объяснен на основе материалов ногайского языка, в частности астраханских ногайцев — карагашей и юртовских татар. К этим особенностям следует отнести:

1. Употребление глагольной формы на *-ažaq* в языке казахов Поволжья, которую можно связать с ногайской формой на *-ajaq, -ejek* [24, с. 105—106].

2. Форма на *-aj, -ej* — показатель деепричастия [вместо *-ур, -ēr/-р* казахского литературного языка] проникла в язык казахов Поволжья, очевидно, из языка карагашей или юртовских татар.

3. В свою очередь, в ногайском языке следует отметить такую особенность, как сочетание деепричастий на *-ур, -ер (р)* со словами *bēlīi* 'знать', *baslaw* 'начинать', характерную для языка казахов Поволжья [14, с. 20; 22, с. 115].

4. Глагольную форму прошедшего длительного времени на *-taууп*, встречающуюся в говоре казахов Поволжья [24, с. 106], можно возвести к аналогичной форме в языке карагашей и юртовских татар.

Таким образом, взаимодействие между языком западных казахов и астраханских ногайцев (карагашей и юртовских татар) происходило в условиях маргинальных контактов. Следы взаимопроникновения обоих языков наблюдаются прежде всего в лексике и морфологии. В фонетике взаимопроникновение элементов описываемых языков не прослеживается. Отсутствие региональных атласов казахского, ногайского и татарского языков пока не позволяет в полной мере вскрыть причины и пути взаимопроникновения элементов казахского языка и языка карагашей и юртовских татар в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Баскаков. Тюркские языки, М., 1960.
2. Б. Б. Кочераев. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX — начале XX в. Алма-Ата—Ставрополь, 1973.
3. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.
4. Б. Ахмедов. Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайр-хане. Автореф. канд. дисс., Л., 1961.

5. Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.
6. Н. З. Гаджиева. Явления языковой интерференции в пограничных зонах тюркских языков Средней Азии.—«Ареальные исследования в языкознании и этнографии», Л., 1977.
7. Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.
8. В. В. Востров, С. М. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.
9. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
10. «Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология», Черкесск, 1973.
11. А. И. Сикалиев. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы.—«Советская тюркология», 1970, № 4.
12. «Астрахань и Астраханская губерния». Издание постоянной комиссии народных чтений. СПб., 1902.
13. А. Тасымов. Языковые особенности казахов Поволжья. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1975.
14. «К истории Букеевской орды».—«Астраханский край», 1906.
15. П. И. Небольсин. Иностранцы Астраханской губернии. — «Вестник императорского русского географического общества», СПб., 1851, ч. 2, кн. 3—4.
16. В. Трофимов. Татары-Карагачи. — «Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького», 1933, т. 6.
17. «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962.
18. Л. И. Баранникова. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения.—«Язык и общество», вып. I, Саратов, 1967.
19. С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. I, Алма-Ата, 1959.
20. А. Борибаев. Языковые особенности урдинских казахов. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1966.
21. Т. Айдаров. Лингвогеографическое изучение лексики казахских говоров на территории Узбекистана.—«VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1973.
22. А. Нурмагамбетов. Грамматические особенности как один из дифференцирующих признаков западных групп говоров. — «VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков».
23. А. Нурмагамбетов. Западная группа говоров казахского языка. Докт. дисс., Алма-Ата, 1974.
24. А. Тасымов. Языковые особенности казахов Поволжья. Канд. дисс., Алма-Ата, 1975.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Х.-М. А. САБАНЧИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Общность этногенеза и культуры балкарцев и карачаевцев обусловила и общность фольклора этих тюркоязычных народов Северного Кавказа, центральное место в котором занимают нартские сказания.

Первая фиксация балкаро-карачаевских нартских сказаний относится к 1879 году. В четвертом томе «Вестника Европы» П. Остряков со слов Сафар-Али и Науруза Урусбиевых, сопровождавших его в путешествии по Баксанскому ущелью, приводит содержание нескольких сказаний¹. Публикация П. Острякова осталась в свое время незамеченной и только впоследствии с усилением интереса к эпосу кавказских горцев стала привлекать внимание исследователей. Своим названием — «Народная литература кабардинцев и ее образцы» — она ввела в заблуждение нартоведов: тексты долгое время рассматривались как кабардинские. Сравнительно недавно была определена их принадлежность к балкаро-карачаевским сказаниям и близость к урусбиевским текстам, опубликованным двумя годами позднее².

Балкарский просветитель Сафар-Али Урусбиев первым начал записывать сказания родного народа и предпринял попытку научно прокомментировать их. В 1881 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» он издал переводы четырех нартских сказаний балкарцев: «Урызмек», «Шауай», «Рачикау», «Сосурук»³. Публикации было предпослано небольшое предисловие «Несколько слов от собирателя и переводчика», свидетельствующее о хорошей осведомленности С. Урусбиева в области кавказского фольклора своего времени. Там же приводились сведения о нартских сказаниях и отмечалось, что они «сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности». Опубликованные С. Урусбиевым сказания дополнили в литературе галерею героев нартского эпоса народов Северного Кавказа новыми именами — Алауган и Рачикау. Тексты были снабжены автором комментариями и паспортными данными.

Следует отметить, что с самого начала в упомянутом «Сборнике...» особое внимание уделялось фольклорным материалам. Уже во втором его выпуске (1882) были опубликованы «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов» известного путе-

В основу статьи положен доклад автора на XII пленуме Советского комитета тюркологов (Нальчик, май 1986 г.).

шественника и фольклориста Г. Н. Потанина, в котором выдвигались темы и проблемы, представляющие научный интерес, давались рекомендации собирателям фольклора. Следует отметить также большую роль в собирании и изучении местного фольклора русской периодической печати на Кавказе, публиковавшей отдельные образцы устного народного творчества горцев.

Карачаевские тексты нартского эпоса впервые были опубликованы учителем местного горского училища М. Алейниковым. Он записал у карачаевских сказителей три оригинальных сказания о нартах—«Ачемез и Хубун», «Девлер» и «Эмегены»⁴, которые значительно отличались от сказаний, записанных С. Урусбиевым. Собирателю были известны и другие сказания карачаевцев, однако он ограничился указанием, что они весьма близки балкарским и отличаются от них лишь в деталях.

К наиболее ранним записям эпических текстов балкарцев и карачаевцев относится и осуществленное воспитанником Закавказской учительской семинарии Али-беком Боташевым запись сказания «Богатырь Ецемей, сын Ецея»⁵. До последнего времени это произведение не включалось в число нартских сказаний и, очевидно, этим объясняется невнимание к нему нартоведов. Между тем оно представляет собой лучший вариант записанного М. Алейниковым сказания «Ачемез и Хубун».

В предисловии к XXI выпуску «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» А. Г. Лопатинский отмечает некоторые общие черты малышей-богатырей: балкарского Ецемя, карачаевского Ачемеза, кабардинского Ашемеза, осетинского Тотраза⁶.

В конце прошлого века в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона⁷ была опубликована статья «Нартские богатыри», в которой неизвестный автор в целом верно передал содержание эпоса, определил сюжет и выделил главных героев. Основой для статьи послужили балкарские сказания⁸, в первую очередь тексты С. Урусбиева, упомянутые в перечне литературы.

В самом конце XIX века вышла работа А. Н. Дьякова-Тарасова, посвященная истории, этнографии и культуре карачаевцев. Автор привел пять новых вариантов нартских сказаний карачаевцев, записанных в старом селении Карт-Джурт: «Сосука и эмеген пятиголовый», «Ала-уган», «Генджакешауай», «Смерть Ерюзмека», «Княжна Сатанай»⁹. Здесь же была опубликована песня «Чюэрды», которую автор, а вслед за ним и некоторые исследователи балкаро-карачаевского нартского эпоса отнесли к числу нартских. В этой песне старший нарт носит имя Борай (ср.: Бора осетинского эпоса). Основанный на этом созвучии имен вывод представляется весьма сомнительным¹⁰, ибо герои-нарты в песне не наделены чертами истинных нартово, а сюжет является традиционным для историко-героической песни. Следует признать ошибочным и мнение А. Н. Дьякова-Тарасова, что «Сосука считается главой нартово; иногда его заменяет Ерюзмек»¹¹.

Собирание балкарского фольклора продолжил Н. П. Тульчинский. Он опубликовал с отдельными комментариями четыре сказания о «главном нарте» Ерюзмеке¹². Эти небольшие по объему сказания интересны тем, что тексты об Ерюзмеке здесь приводятся как в стихотворной, так и в прозаической форме. Публикация Н. П. Тульчинского имела «важное значение для уточнения сюжетного состава и круга балкарских нартских сказаний»¹³. Часть материалов была записана самим собирателем, а другая часть, как пишет он сам, заимствована из «тетради Науруза Урусбиева».

К числу первых публикаций балкаро-карачаевского нартского

эпоса следует отнести и сказку «Кто сильнее»¹⁴, записанную Е. Барановым.

В многообразном и богатом устном народном творчестве балкарцев и карачаевцев одно из важных мест занимают сказки. Первые записи балкарских сказок были сделаны известным собирателем фольклора Кавказа Е. Барановым. В 1887 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» он опубликовал «Сказки горских татар»¹⁵. В сборник были включены девять сказок, записанных у жителей сел ряда ущелий Балкарии. Е. Баранов сопроводил текст сказок примечаниями и комментариями, по настоящее время не утратившими своего научного значения. Сопоставляя параллели из сказочного фольклора других народов и отмечая специфические особенности балкарских сказок, Е. Баранов попытался показать общность некоторых имен, мотивов и сюжетов в сказках соседних народов.

В тридцать втором выпуске того же сборника Е. Барановым была напечатана подборка сказок горцев Северного Кавказа, в том числе и балкарцев¹⁶. Многие из собранного им фольклорного материала было напечатано в выходивших на Кавказе газетах. В 1914 году в Москве вышла его книга «Иналук и лесная волшебница. Сказки северо-кавказских татар».

Зная балкарский язык, Е. Баранов собирал кроме сказок также легенды и предания балкарцев и переводил их на русский язык. Тем самым он положил начало выходу в свет значительных материалов балкарского фольклора¹⁷. Благодаря целеустремленной и многолетней работе этого неутомимого труженика и энтузиаста были опубликованы произведения устного народного творчества и других народов Северного Кавказа.

Несколько сказок вошли и в упомянутые выше публикации М. Алейникова и Н. П. Тульчинского.

Собирателями фольклора балкарцев и карачаевцев были записаны разные сюжеты сказочного репертуара — волшебные, реалистические, бытовые, о животных. Большинство сказок имеют социально-этический смысл, раскрывают особенности семейно-родственных взаимоотношений, а также темы богатства и бедности, добра и зла.

Некоторые материалы об устном народном творчестве балкарцев и карачаевцев приводят в своих трудах члены Русского географического общества Н. Ф. Грабовский, Н. Я. Динник, Н. А. Караулов, Б. В. Миллер, В. М. Сысоев, Н. Н. Харузин, балкарский историк М. К. Абаев, а также такие видные деятели русской науки и культуры, как В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков и др. Эти авторы использовали народные сказания, топонимические, генеалогические легенды для иллюстрации отдельных мест своих историко-этнографических работ. В научный обиход, таким образом, вводился неизвестный или малоизвестный русской науке материал.

В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский к работе по сбору фольклора балкарцев привлекали и местных жителей. Так, по просьбе академика В. Ф. Миллера сбором и записью памятников устного народного творчества занимался Сафар-Али Урусбиев¹⁸, который писал, что делал это и для профессора М. М. Ковалевского во время его путешествия по Кавказу¹⁹.

Самая ранняя запись музыкального фольклора балкарцев принадлежит крупному русскому композитору М. А. Балакиреву. В 1863 году он записал в Пятигорске мелодии горцев, специально исполненные для него князем Исмаилом Урусбиевым. «Записки кавказской народной музыки» М. А. Балакирева, по словам музыковеда Б. М. Доброволь-

ского, состоят из одиннадцати нотных записей мелодий и наигрышей горцев²⁰, которые легли в основу знаменитой фортепьянной фантазии композитора «Исламей».

Музыкальный талант И. Урусбиева высоко оценил С. И. Танеев, который видел в нем тонкого знатока музыкального и устно-поэтического наследия горцев²¹. Именно от него композитор записал двадцать старинных песен, нотные оригиналы записей которых ныне хранятся в доме-музее П. И. Чайковского в Клину.

Из числа балкарских напевов С. И. Танеев записал три нартские песни, обрядовые — «Долай», «Инай», «Афсаты», «Гумная песня», «Горская охотничья песня», а также несколько историко-героических. В специальной таблице он дал свой анализ композиции приведенных им записей, уделив особое внимание характеристике ладового строя музыки горцев.

Во время посещения аула Урусбиева С. И. Танеев с интересом смотрел народные танцы, слушал сопровождавшие их музыку и песни. Свои наблюдения он изложил в статье «О музыке горских татар»²².

Впервые в истории исследования балкарского музыкального фольклора С. И. Танеев, исходя из информации И. Урусбиева, определил основные жанры народной песни. Примечательно, что суждения И. Урусбиева относительно балкарских песен в основном совпадают с современной их научной классификацией.

Публикация значительного количества текстов балкаро-карачаевских песен относится к 1903 году. Во многом это оказалось возможным благодаря активной собирательской деятельности Науруза Урусбиева, предоставившего в распоряжение Н. П. Тульчинского свои записи²³. Судьба же «тетрадей Урусбиева» неизвестна, и они считаются безнадёжно утраченными.

Песни в публикации Н. П. Тульчинского различны по жанру. Сюда входят трудовые, нартские и обрядовые песни, представляющие наиболее древний песенный пласт, а также песни исторические и лирические. Идейно-художественный анализ песен в публикации Н. П. Тульчинского отсутствует: автор ограничился лишь краткими замечаниями о той или иной песне. Особый интерес представляют песни «Долай» и «Охотничья песня», которые приводятся в двух вариантах.

Помимо песен, сказок и эпических текстов, Н. П. Тульчинский в своем сборнике впервые опубликовал в русском переводе 115 балкаро-карачаевских пословиц и поговорок²⁴, раскрывая в некоторых случаях смысл их лапидарной образности.

Публикации Н. П. Тульчинского охватывали основные жанры народного поэтического творчества, в них впервые была сделана попытка показать многообразие, богатство идейно-тематического содержания балкаро-карачаевского фольклора. Тексты снабжены примечаниями и комментариями автора, содержащими ценные сведения по истории, этнографии, религии и фольклору балкарцев.

Широтой и разнообразием фольклорных жанров отличаются и публикации известного венгерского ученого В. Преле. Его поездки в Карачай и Балкарию в начале XX века оказались чрезвычайно плодотворными. В. Преле побывал во многих селениях, где собрал интересные данные по этнографии, языку, фольклору балкарцев и карачаевцев. В результате в двух номерах журнала «Keleti Szemle» (Budapest, 1909, № 10; 1916, № 16) были опубликованы статьи ученого, отразившие быт и диалекты языка карачаево-балкарцев того времени.

Зафиксированные В. Преле произведения устного народного твор-

чества стали примечательным явлением в истории изучения фольклора балкарцев и карачаевцев, как единственные дореволюционные записи на языке оригинала. Образцы фольклора горцев, изданные В. Преле, имеют большую ценность для фольклористов и лингвистов, занимающихся балкарско-карачаевской филологией.

Наконец, следует упомянуть «Предисловия» Л. Г. Лопатинского к балкарско-карачаевским фольклорным публикациям в 21, 23, 25 и 34 выпусках «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Содержащиеся в них характеристики образцов устного поэтического творчества балкарцев и карачаевцев в сравнении с аналогичными произведениями фольклора других кавказских народов, представляют определенный интерес и для современных фольклористов.

В изучении фольклора балкарцев и карачаевцев дореволюционного времени особое место занимают отец и сыновья Урусбиевы. Подвижная деятельность Исмаила Урусбиева была отмечена золотой медалью Русского географического общества, он получал награды и от некоторых зарубежных научных обществ. Русскими исследователями вместе с представителями нарождавшейся балкарско-карачаевской интеллигенции были собраны и изданы ценные образцы основных жанров устного народного творчества. Тексты, опубликованные в русском переводе, выполнены с учетом требований, выработанных к тому времени русской академической наукой. Они представляют большой познавательный интерес для тюркологов.

¹ П. Остряков. Народная литература кабардинцев и ее образцы.—«Вестник Европы», СПб., 1879, т. IV, стр. 697—710.

² А. З. Холаев. К вопросу о балкарско-карачаевском нартском эпосе.—В кн.: «Сказания о нартах—эпос народов Кавказа», М., 1969, стр. 285—287.

³ С. Урусбиев. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), Тифлис, 1881, вып. 1, отд. 2, стр. 1—42.

⁴ М. Алейников. Карачаевские сказания. — СМОМПК, 1883, вып. 3, отд. 2, стр. 139—155.

⁵ А. Богашев. Богатырь Ецемей, сын Ецея. — СМОМПК, 1896, вып. 21, отд. 2, стр. 76—88.

⁶ Л. Г. Лопатинский. Предисловие к XXI тому СМОМПК, 1896, вып. 21, стр. 21—24.

⁷ «Нартские богатыри». — «Энциклопедический словарь». СПб. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 1897, т. XX, стр. 600.

⁸ Ю. С. Гаглойти. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977, стр. 25.

⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Заметки о Карачае и карачаевцах. — СМОМПК, 1898, вып. 25, отд. 2, стр. 73—81.

¹⁰ Ю. С. Гаглойти. Указ. раб., стр. 170.

¹¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. раб., стр. 87.

¹² Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области.—«Терский сборник», Владикавказ, 1903, вып. 6, стр. 297—301, 329—330.

¹³ Ю. С. Гаглойти. Указ. раб., стр. 165.

¹⁴ См.: Е. Баранов. Сказки горских татар. Ингушские сказки. Кабардинские предания и легенды. Чеченские сказки. — СМОМПК, 1903, вып. 32, отд. 2, стр. 1—3.

¹⁵ Е. Баранов. Сказки горских татар.—СМОМПК, 1897, вып. 23, отд. 3, стр. 3—48.

¹⁶ Е. Баранов. Сказки горских татар, ингушские сказки... стр. 4—26.

¹⁷ Е. Баранов. Легенды Кавказа. Ростов-на-Дону, 1913; его же. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа. М., 1914; его же. Сказки кавказских горцев. М., 1913; его же. Солнечное затмение в горах Кавказа. Балкарское предание. — «Черноморское побережье», 1912, № 91, 92; его же. Трус.—«Терские ведомости», 1896, № 47 и др.

¹⁸ См.: И. Иванюков, М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса.—«Вестник Европы», СПб., 1886, т. I, кн. I, стр. 105.

¹⁹ *С. Туккаев, С. Урусбиев.* Письмо в редакцию.—«Отечественные записки», СПб., 1884, т. 268, № 4, стр. 276.

²⁰ *М. А. Балакирев.* Записки кавказской народной музыки. Подготовка публикации Б. М. Добровольского.—В кн.: «Балакирев М. А. Воспоминания и письма», Л., 1962, стр. 434.

²¹ *С. И. Танеев.* Избранные письма. В 2-х томах, М., 1958, стр. 491.

²² *С. И. Танеев.* О музыке горских татар. — «Вестник Европы», 1886, стр. 94—98.

²³ См.: *Н. П. Тульчинский.* Поэмы, легенды, песни.... стр. 274.

²⁴ Там же, стр. 330—334.

О Н О М А С Т И К А

Г. Ф. САТТАРОВ, Ф. Л. МАЗИТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФАМИЛИЙ В ТАТАРСКОЙ
АНТРОПОНИМИИ

В последнее время все настойчивее высказывается мнение, что предками казанских татар были болгары и кыпчаки. Это в свое время отмечал еще М. Г. Худяков — известный исследователь-краевед. «В древних татарских селениях, основанных болгарскими, — писал он, — татары считают болгар своими предками, а болгарские кладбища — могилами своих отцов»¹. Исходя из результатов исследования ономастического материала болгаро-татарской эпиграфики, подобного же мнения придерживается и Г. В. Юсупов², а также некоторые другие современные татарские ученые³. Поэтому в качестве примеров татарских имен нами в настоящей статье использовались антропонимия болгар, кыпчаков и других тюркоязычных народов, некогда проживавших на территории современной Татарии.

В местах обитания татарского населения издавна были распространены одночленные имена исконно татарского происхождения, например: Арслан, Айбарс, Илбэк, Илбуга, Канак, Килдеураз, Карачура, Суан, Тимер, Уразай и т. д., а с принятием предками татар ислама распространились имена арабо-персидского происхождения, например: Булат, Баһман, Мөхәммәт, Хәсән, Шәриф, Яздан, Әхмәт и многие другие.

Однако уже в памятниках енисейской письменности тюрков (V—VII вв.) встречаются имена, состоящие из двух, а иногда даже и трех членов, например: Онг-Тутук, Олуг-Тархан, Огуз-Бильге, Эль-Туган-Тутук и др.⁴ Один из членов подобных имен выполнял дополнительные различительную и определительную функции.

Двучленные имена, принадлежавшие болгарским ханам, структурно оформлялись по арабским образцам и фиксировались на болгарских монетах X века, например: Талиб ибн-Ахмед, Мумин ибн-Ахмед, Мумин ибн-ал-Хасан и т. д.⁵ Более четкое выражение дополнительных определений в личных именах встречается в письменных источниках и археологических памятниках XI—XIII веков.

Как показывают исторические материалы и документы, первые усложненные личные имена появились у болгаро-татарской знати, стремившейся и этим подчеркнуть свое особое привилегированное положение. Со временем усложненные имена распространились и среди остального населения. Свою роль в этом сыграли также важные экстралингвистические факторы. Превращение Волжской Булгарии в крупный экономический и торговый центр⁶ повлекло за собой рост городов и поселков городского типа, а вместе с тем и увеличение численности населения.

В этих условиях один антропоним со временем стал утрачивать свою различительную функцию. Небольшой по объему арсенал оригинальных и даже заимствованных личных имен, приток которых с Востока начинается с принятием в начале X века населением ислама, оказался недостаточным, что привело к возникновению тезоименности, то есть «использованию одного имени для разных объектов в одном онимическом поле»⁷. Кроме того, не все имена пользовались среди населения популярностью. Так, из большого количества заимствованных арабо-персидских личных имен широкое распространение у татар получили лишь благозвучные имена и имена с понятным для них значением, например: Гали 'великий; старший', Гомәр 'жизнь', Хәсән 'хороший, красивый', Әхмәт 'самый прославленный', Фатыйма 'отнятая от груди', Әминә 'верная; надежная' и др. (арабские имена); Баһман 'мечта', Нияз 'подарок', Рәстәм 'могучий', Зифа 'статная', Маһия 'красивая, подобная луне' и др. (персидские имена). В основном же булгаро-татарское население предпочитало оригинальные булгаро-татарские имена типа Байтимер, Илбәк, Ишбирде, Тимерхан, Уразбәк, Хантимер, Айсылу, Минсылу и т. д., большей частью двусоставные по структуре. Это позволяло варьировать их компоненты, увеличивая тем самым количество имен, например: Айтуган—Туганай, Байтимер—Тимербай, Хантимер—Тимерхан, Айсылу—Көнсылу, Байиш—Айиш, Акчура—Тинчура и др. Подобному варьированию подвергались компоненты и в заимствованных арабо-персидских личных именах, в результате чего возникали гибридные образования, например: Бәхетбай—Котлыбай—Уразбай; Сәгадәтхан—Мөбарәкхан; Сәгадәтжан—Бәхетжан—Котлыжан — Мөбарәкжан — Уразжан и др.

Однако и это не избавляло от нарастающей тезоименности. Метоконпонентонимы⁸ — личные имена, образованные путем перестановки компонентов, хотя и получили широкое распространение, однако их индивидуализирующая функция удовлетворяла лишь недолгое время и в узком кругу лиц.

Немаловажную роль в усложнении системы имен населения Волжской Булгарии сыграла ее связь с Арабским Востоком, где личные имена, состоящие из двух антропонимов: чаще всего — личного имени и имени отца, соединенных словом *ибн* 'сын', были к тому времени уже широко распространены. Способствовали этому также тесные контакты булгаро-татарского населения с русскими, у которых, по замечанию А. М. Селищева, двойные имена отмечались в письменных документах X—XI веков, например: «в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир» — посадник Новгородский (1056 г.)⁹.

Дополнительными именными определениями у населения Волжской Булгарии, как, впрочем, и у других народов, стали патронимы, прозвища, сословные титулы и названия профессий, топонимы и этнонимы, которые позднее и легли в основу зарождающейся антропонимической категории — фамилий. Об этом, приводя в качестве примеров антропонимы из надписей на булгарских надгробиях, относящихся к XIII веку, Г. В. Юсупов писал, что известны «случаи, хотя и не частые, существования двойных имен—Алп-Хаджи, Арс-Сирадж, Татар-Балтук и др.,—что, очевидно, говорит об употреблении наравне с собственными именами также прозвища, быть может, родового или племенного происхождения»¹⁰.

Согласно существующему в ономастической литературе определению, фамилия характеризуется «как собственное имя, объединяющее членов семьи и передаваемое наследственно дальше двух поколений»¹¹. Дополнительные именованья, бытовавшие во времена Булгарского го-

сударства и даже Казанского ханства, нельзя еще называть фамилиями в полном смысле этого слова, ибо они выполняли лишь функцию фамилий, однако не передавались, как правило, по наследству и исчезали вместе с их носителями. В ряде документов очень редко встречаются факты передачи дополнительных именовании от отца к детям. Однако это еще не дает достаточных оснований, чтобы говорить о появлении фамилии как официальной антропонимической категории. К тому же эти дополнительные именовании редко передавались дальше второго поколения. А. В. Суперанская пишет, что «как класс фамилии выделялись лишь тогда, когда они стали словами массовой номинации, а не случайными прозвищами отдельных лиц»¹².

Самым распространенным дополнительным именным определением у предков татар было личное имя отца или деда, которое ставилось до или после личного имени того или иного лица. Имя отца употреблялось чаще всего со словами *улы* 'сын' или *кызы* 'дочь'. Подтверждением этому являются надписи на надгробных памятниках XIV века, например: *Йосыф хажы улы Хөсәен* 'Йусуфа-хаджи сын Хусейн'¹³, *Ракиаж кызы Агъмаш* 'Ракияджа дочь А'маш'¹⁴ и др.

Следует заметить, что в письменных источниках встречаются не только дву- и трехчленные именовании, но и именовании, содержащие большее количество членов, например: *Болгар Тутай улы Салих* 'Булгарского Тотая сын Салих'¹⁵, *Умар улы Йосыф улы Мөхәммәд* 'сын Умара, Йусуф (его) сын Мухаммед'¹⁶ и др. Часто наряду с именем отца употреблялось имя деда, прадеда и далее по линии родства, в результате чего появлялись громоздкие образования типа «...Абд-ал-Халик (его) сын Абд-ал-Баки (его) сын мулла Сайид (его) сын Касым (его) сын Ишмухаммед хадиз (его) сын Ишбулат (его) сын Ирхусайн (его) сын Тиләш (его) сын Шайх-бий (его) сын Тамты Хытайи ал-Булгари»¹⁷. Подобные усложненные именовании были, по-видимому, характерными для именитых татар, кичившихся своей родовитостью.

Многочисленные именовании возникали также и в результате употребления наряду с именем отца или деда других дополнительных имен: сословного титула, названия профессии, прозвища, топонима и этнонима. Помимо индивидуализации личности, они указывали также на сословную принадлежность того или иного человека, на место его происхождения, род занятий и т. д.

В письменных источниках чаще всего фиксировались имена богатых и знатных татар. Об этом свидетельствуют, например, дополнительные определения, выраженные сословными титулами. К наиболее распространенным из последних относятся слова: *шаһ* 'шах, правитель', *хан* 'правитель', *бәк* 'правитель, князь', *солтан* 'султан', *бай* 'богач'; 'хозяин', *эмир* 'приказывающий, повелевающий', *мулла* 'духовное лицо у мусульман', *баһадир* 'богатырь, силач', *бикә* 'госпожа, барыня; хозяйка' и др. Эти сословные обозначения характерны для многих тюркоязычных народов. Об элементе *бай*, например, В. В. Бартольд пишет: «В Средней Азии слово „бай“ часто присоединяется к личным именам: тем самым носители этих имен обозначают себя как зажиточных и независимых людей в противоположность простому народу»¹⁸. Сословноразличительных элементов в именах было множество, однако в основном односложные сливались с личными именами, образуя новые антропонимические единицы, которые нередко передавались из поколения в поколение, превращаясь в фамилии, например: Тимерхан, Әхмәтша, Нугайбәк, Уразбай; Ханов, Бәков, Шаһов, Баев и др.

Возможно, в какой-то степени функцию фамилий у татар выпол-

няли и компоненты личных имен типа *-жан-, -иш-, -ай-, -бай-, -бәк-* и многие другие, когда один и тот же компонент присутствовал в именах членов одной семьи, будучи как бы «зародышем» фамилии. Подобные компоненты особенно приближались по своим функциям к фамилиям, когда передавались по вертикальной линии родства, то есть от родителей к детям и т. д. Например, в схеме шеджере Ишмухамета, относящейся к одной из многочисленных татарских шеджере, исследованных М. И. Ахметзяновым, нами были обнаружены следующие ветви родства: основатель рода **Ишмухамет**, его сын **Байыш**, его сын **Айыш** — антропокомпонент *-иш- (-ыш-)* присутствует в именах представителей трех поколений. То же родословное древо дает нам еще одну ветвь родства с антропокомпонентом *-мак:* сын Булата **Баймак**, сын Баймака **Сармак**, сын Сармака **Кадирмак**¹⁹.

Р. З. Шакуров называет подобные антропокомпоненты «фамильными (семейными) основами-антропорифмами» и пишет: «...рифмующиеся личные имена — это весьма своеобразное явление антропонимии, возникшее, без сомнения, еще в условиях патриархально-родового строя и явившееся вполне действенным средством выражения и закрепления особо близких родственных отношений как по прямым, так и по косвенным линиям родства в пределах одной семьи, но и нередко среди наиболее тесно связанных между собой членов рода...»²⁰. В настоящее время рифмующиеся личные имена у татар — явление довольно частое, хотя их фамильная функция не столь ярко выражена, как это было прежде, и сохранилась эта традиция главным образом в деревнях, где люди достаточно близко знакомы и по компоненту личного имени узнают, о какой семье в том или ином случае идет речь. Например, в деревне Новое Демкино (Яңа Дума) Аксубаевского района Татарской АССР есть семья Гильмутдиновых, в которой личные имена всех детей, родителей и даже прародителей содержат антропокомпонент *миң-* (от *миңле-*): родители Минэхмәт Миңабутдинович и Миңгаян Миңгалиевна; дети — Миңталип, Миңсалих, Миңсабир, Миңжиһан, Миңтаһир, Миңзаһит, Миңлегөл, Миңжия. Подобных примеров можно привести множество.

Помимо сословных титулов, в качестве дополнительных именных определений у предков татар, принадлежавших к социальной верхушке, а также по роду деятельности связанных с наукой, литературой и искусством, употреблялись топонимы, указывавшие на место рождения или жительства их носителей или на название принадлежащих им земель (значительно реже употреблялись этнонимы), например: Тамты Хытайи аль-Булгари — надпись на камне XVIII в.²¹, Абдуль-Фарадж ибн-ан Надим аль-Багдади (багдадец), аль-Катиб (писец) аль-Варрак (изготовитель или продавец бумаги) — имя болгарского ученого²², Туркмен Мухаммед, Татарин Белтюк²³ и др.

Из приведенных выше примеров следует, что болгаро-татарская антропонимия обогащалась за счет арабских и персидских заимствований не только в плане антропонимических единиц, но и самих форм именований. Широкое распространение в кругу лиц, связанных с наукой, литературой и искусством, нашла, например, арабская форма именования — *нисба*, образуемая путем добавления к личному имени, топониму или этнониму антропоелемента — *-и, -ий:* Садреддин аш-Ширвани, Салар Булгари²⁴ и др. Кроме того, еще болгарские феодалы и просвещенные круги местного населения, подражая арабским именованиям, стали заменять татарское слово *улы (углы)* 'сын' арабским *ибне (ибн), бине* 'сын'. Уже на болгарских монетах X века были вычеканены следующие имена болгарских ханов, по структуре совпадающих с арабскими, например: Микаил ибн-Джафар, Талиб ибн-Ахмед, Мумин ибн-ал-Хасан²⁵. Од-

нако подобные формы именования не получили массового распространения и встречались лишь у немногих лиц из привилегированных слоев населения, например: Абу Исхак Ибрагим ибн-Мухаммед — болгарский князь (XI в.), Бурхан ад-дин Ибрахим ибн-Юсуф — болгарский ученый²⁶ и др.

Имена лиц среднего и низшего сословий не отличались сложностью и разнообразием форм. Обычно они были двучленными, а дополнительное именное определение выражалось чаще всего именем отца со словом *улы* 'сын' или *кызы* 'дочь', именем деда или прозвищем без каких-либо дополнительных указаний на сословную принадлежность лица, например: Ибрахима сын Исхак²⁷, Абу-Бекр сын Ахмеда²⁸ и др. В иных случаях лиц именовали по профессии предков или по собственному занятию, например: *Тимерче Мамли* 'Кузнец Мамли'²⁹, *Таишы Эхмедулла* 'Каменщик Ахмедулла'³⁰ и др.

Особый интерес представляет определение времени возникновения татарских фамилий. Первые татарские фамилии принадлежали, по-видимому, татарской знати, и возникли они приблизительно в период зарождения русских фамилий или же несколько позже, поскольку тесные многовековые контакты татарского народа с русским, а затем и включение Казанского ханства в состав России в XVI веке, не могли не оказать соответствующего влияния на систему татарского языка. Однако единое мнение по этому вопросу отсутствует, так же как и по вопросу о времени возникновения русских фамилий. Еще в конце XIX века А. О. Балов высказал сомнение по поводу установления точного времени появления русских фамилий, но полагал, что в XII веке еще не было обычая давать человеку наряду с личным именем или прозвищем также родовое прозвание или фамилию³¹. По мнению А. М. Селищева, формирование русских фамилий происходило в XVI—XVIII веках, однако не исключена возможность появления первых фамилий и в более ранний период³². Все ученые единодушны в признании того, что становление фамилий у большинства народов — процесс длительный, протекавший несколько веков, причем в различных социальных слоях населения фамилии возникали в разное время.

Зависимость времени появления фамилий от социальной градации общества характерна для всех народов: становление фамилий начиналось в социальной верхушке общества и завершалось в его низших слоях. Сказанное, разумеется, относится к развитию фамилий естественным путем.

Можно предположить, что первые татарские фамилии появились в XV—XVI веках у той части татарской знати, которая занималась государственными делами и поддерживала тесные деловые контакты с представителями других государств, поскольку это требовало более точного и полного официального именования. Кроме того, поскольку фамилия указывала на принадлежность к определенной семье, на владельцев всех ее богатств и их наследников, в ней были прежде всего заинтересованы татарские ханы, эмиры и мурзы. Так, в состав имен одного из самых влиятельных казанских ханов Сафы-Гирея, правившего в Казанском ханстве с перерывами с 1524 до 1549 года, и его сыновей Утямыш-Гирея и Булюк-Гирея входило одно и то же дополнительное определение — Гирей. Сам Сафа-Гирей был племянником казанского хана Сахиб-Гирея, правившего до 1523 года. А основателем рода Гиреев был крымский хан Хаджи-Гирей. Так что слово «Гирей» здесь выступает как бы в роли родовой фамилии, ведущей начало с 1428 года³³.

Бедные же слои татарского населения, лишенные широких граж-

данских прав и богатств, вполне обходились без фамилий. Большинство из них получили фамилии лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Передаваемые по наследству «фамильные имена» у татар долгое время не имели грамматических показателей «фамильности». Однако в русской документации со временем начинает применяться, а в дальнейшем получает широкое распространение запись дополнительных именовании по типу русских — с русскими суффиксами притяжательности *-ов (-ев)*, *-ин*, реже — с суффиксом относительного прилагательного *-ский*.

Такие фамилии также появились сначала у знатных татар и лишь потом, распространившись на все социальные слои татарского населения, стали со временем нормой и приобрели грамматический дифференцирующий признак, например: Азаматов, Балтаев, Иделханов, Сабанов, Хамидуллин, Янабирдин и др.

С середины XVI века историческая судьба населения Татарии оказалась навсегда связанной с Россией, ставшей к этому времени мощным централизованным государством. Население Казанского ханства вело в этот период торговлю со многими странами и в первую очередь с русскими землями³⁴.

Тесные многовековые контакты татарского и русского народов отразились и на их языках, в том числе и на татарской антропонимической системе. Татарский именник обогатился многими русскими и другими иноязычными именами, заимствованными через русский язык.

Отчества, будучи самой молодой антропонимической категорией у татар, образовывались по образцу русских отчеств при помощи суффиксов *-ович (-овна)*, *-евич (-евна)*.

Большинство современных татарских фамилий также образовано при помощи русских фамилиеобразующих суффиксов: *-ов (-ев)*, *-ин*, реже — *-ский*.

Под влиянием русского языка стал использоваться в татарских отчествах и фамилиях и показатель рода: *-евич (-евна)*, *-ович (-овна)*, *-ов (-ова)*, *-ев (-ева)*, *-ин (-ина)*, *-ский (-ская)*.

Как показал анализ собранного нами материала о татарских фамилиях, абсолютное их большинство образовано путем добавления к татарским основам русских фамилиеобразующих суффиксов *-ов (-ев)*, *-ин*, реже — *-ский*, процесс закрепления которых в татарской антропонимической системе почти полностью завершился в конце XIX—начале XX века.

Как известно, до XVII—XVIII веков в русском языке бытовало большое количество суффиксов фамильных образований, из которых в дальнейшем выделились наиболее часто употребляемые *-ов (-ев)*, *-ин*, *-ский*. Именно эти суффиксы и были перенесены в татарскую антропонимическую систему и прочно закрепились в ней.

К сожалению, трудно дать общее определение национальной фамилии, так как антропонимические системы разных народов формировались по своим особым законам и имеют свои специфические особенности. «Нельзя подходить к национальному типу фамилий с требованием генетической однородности или чистоты», — пишет О. Н. Трубачев³⁵. Исходя из изложенного и полностью разделяя мнение А. В. Суперанской о том, что фамилии, оформленные и лексически, и структурно по нерусским моделям, могут быть фактом русского языка³⁶, мы считаем, что к татарским следует отнести прежде всего те распространенные у татар фамилии, основы которых составляют исконно татарские, общетюркские, арабские и персидские слова (чаще всего личные имена),

независимо от формы и языкового происхождения фамилиеобразующих суффиксов или отсутствия их вообще, например: Булатов, Биктимиров, Гобәйдуллин, Дәүләтбаев, Искәндәров, Шамильский, Ильма, Шна, Карама и др. К татарским мы относим также фамилии, основы которых восходят к русским словам или словам иного языкового происхождения, но переделанные фонетически на татарский лад, например: Кучаркин (в основе фамилии лежит восточнославянское слово «кочерга»), Кучатов (основа фамилии — диалектное русское слово «кочет» — «петух»), Мәкәржин (в основе фамилии лежит адаптировавшееся в татарском языке личное имя «Макарий») и др. К татарским фамилиям, на наш взгляд, можно отнести также фамилии с затемненной семантикой основы, например: Дәжжә, Ихырлы, Митя и др. Ряд бытующих у татар фамилий, восходящих к иноязычным словам — монгольским, финно-угорским, чувашским и другим, при их широком употреблении в языке татар (в основном в его диалектах и говорах) также следует, на наш взгляд, отнести к числу татарских. Остальные фамилии, включая и фамилии-кальки типа Зайцев, Гусев, Журавлев, Маслов, а также фамилии, в основе которых лежат заимствованные из русского языка слова, такие, как Слесарев, Калачников, Управляющий и другие, правильнее называть не «татарскими фамилиями», а «фамилиями у татар».

Татарские фамильные имена по типу русских появились довольно рано. Фиксация их относится уже ко второй половине XVI—началу XVII века. Однако еще нельзя с достаточным основанием утверждать, что это были уже «фамилии». Ведь нередко дополнительные имена с русскими суффиксами притяжательности являлись пока только полужаждствами или фамильными именами, выполнявшими на данном этапе функцию фамилий.

Из жалованной грамоты Ивана IV от 20 июля 1548 года мы узнаем, что татарин Башканда Карачурин захватил владения Мусы Мурсеитова. В документах этого же периода встречаются имена татарских князей отца и сына Чекавы и Езикаша Агзаметовых и татарских служилых дворян Башканды Карачурина, Касыма Газыева, Нурислама Мурсеитова³⁷.

В летописи, относящейся к периоду восстаний в Казанском крае в 1552—1556 годах, записано: «Тугаевы дети с товарищи»³⁸. Историк-краевед И. П. Ермолаев полагает, что Тугаев, являвшийся предводителем восстания в Арской стороне, был крупным татарским сановником Казанского ханства³⁹.

Можно предположить, что первые татарские именованья с русскими суффиксами принадлежали татарской знати, поддерживавшей с высшим русским сословием деловые контакты, требовавшие оформления официальных бумаг, а также у служилых и ясачных татар, учет которых требовал соответствующей регистрации. Со временем подобная форма именованья распространилась и на другие социальные слои татарского населения.

Систематическое употребление в Писцовых книгах г. Казани и его уездов татарских фамильных имен с русскими суффиксами притяжательности относится к XVI—XVII векам, например: Ахметмирко Анибеков с сыном Утягилкою, Ахаметко Тливлеев, у него дворник Елдашко Бигинеев, Айбулатко мурза Тойгильдин, Чеклемышко Карачаров с сыном Чанбулатом и др.⁴⁰; Тениш Умеров, Булат Шарапов⁴¹; Айтуган Нагаев, Янмурза Шигаев, Ураскурман Дербышев и др.⁴²

В документах более позднего периода употребление фамильных татарских имен по типу русских приобретает уже массовый характер.

У татар, проживавших на территории Башкирии в XVII—XVIII веках, встречается много именований по типу русских⁴³.

Большое количество татарских фамильных имен с русскими фамилиеобразующими суффиксами зафиксировано в документах, относящихся к периоду восстания Емельяна Пугачева (1773—1775), например: Амин Айбеков, Бахтияр Канкаев, Суюш Маметкулов и др.⁴⁴

Сохранившиеся исторические документы на татарском и русском языках позволяют делать перекрестную проверку. Например, именованья татар по русскому типу встречаются в русских документах или документах, переведенных с татарского на русский. В татарских же источниках еще долгое время продолжала сохраняться традиционная форма именований татар. Так, встречающиеся в русских письменных документах и переводных материалах, относящихся к периоду восстания Емельяна Пугачева, именованья Бахтияр Канкаев, Ишмухаммед Сулейманов, Мухсин Габдюссалымов и т. д., вторые члены которых (Канкаев, Сулейманов, Габдюссалымов) можно было бы принять за фамилии, в эквивалентных письменных источниках на татарском языке записаны в форме Бәхтияр Канкай углы, Ишмөхәммәд Сөләйман углы, Мөхсин Гәбд-ес-сәлям углы⁴⁵. Это свидетельствует о том, что вторые члены этих именований являлись полуотчествами, что характерно для большей части именований татар того периода. В то же время в одних и тех же русских документах встречаются разные формы написания одного и того же именованья: то на тюркский лад с *углы* 'сын', то по русскому типу с суффиксами *-ов(-ев)*, *-ин*.

В конце XVIII—начале XIX века у некоторых татарских купцов появились официальные трехчленные именованья, второй и третий члены которых являлись соответственно полуотчеством (отчеством) и фамильным именем (фамилией). В конце XVIII века Габдул-газы Бурнашев подписал свое письмо к князю А. А. Вяземскому следующим образом: Абдул-газы Токтамышев Бурнашев⁴⁶, где Абдул-газы — личное имя, Токтамышев — полуотчество, Бурнашев — фамильное имя (фамилия). В «Ведомости татарам, владельцам разных заводов в Казани в 1800 году» встречаются имена татарских промышленников: Мухамед Рахим Асанов, Биков Мухамед Рахим Халфин, Юсуп Измайлов Халфин. Однако двучленная запись в этой ведомости была все еще преобладающей⁴⁷.

В списках купцов, составленных в 1812 и 1828 годах, встречаются одни и те же именованья, однако с различной формой фиксации. Так, в документе, датированном 1812 годом, упоминаются купцы Муса Апанаев, Назир Баязитов, а в документе 1828 года эти же лица записаны уже как Муса Измайлов Апанаев, Назир Баязитов Усманов⁴⁸. В первом именовании добавился второй член, то есть полуотчество Измайлов, во втором именовании — третий член, возможно, фамильное имя Усманов от личного имени деда.

В одной из своих работ, посвященных жизни казанских татар, К. Фукс также указывал на наличие у татарских фамильных имен русских фамилиеобразующих суффиксов: «Татары своим фамильным именам придают русские окончания, например: Апанай — Апанаев, Заман — Заманов, Юнус — Юнусов»⁴⁹. В этой же работе он упоминает фамильные имена богатых татарских купцов: Курбангалей Арсаев, Тимур-Булат Якупов, Искак Булатов Якупов.

Особенно широкое распространение татарских фамилий и стабилизация форм именований с русскими притяжательными суффиксами *-ов (-ев)*, *-ин* приходится на период после отмены крепостного права в

1861 году и интенсивного развития капиталистических отношений в России второй половины XIX века.

Численность городского населения стала расти за счет притока рабочей силы из сельской местности. Лица, прибывавшие в город, при устройстве на работу регистрировались. Крестьяне, не имевшие до того времени официального наследуемого антропонима, получали его при регистрации. Фамильные имена простых людей образовывались в основном от имени отца или деда с добавлением суффиксов *-ов(-ев)*, *-ин* или прозвищ с наращением тех же суффиксов.

К концу XIX века форма записи именований татар с русскими фамилиеобразующими суффиксами в официальных документах полностью стабилизируется. Об этом свидетельствуют, например, Памятные книжки Казанской губернии, Адрес-календари города Казани конца XIX—начала XX века и другие документы.

Постепенно в официальных документах нормой становится также и трехчленная система именований татар: фамилия (фамильное имя) + личное имя + отчество (полуотчество), например: Кушаев Абдрахман Абдуллович, Амирханов Абдулла Нафутдинович, Рахманкулов Абдул-Меман Ахметзянов (ср. именования крестьян: Нафиков Галим, Магизянов Сабирзян)⁵⁰. В ряде случаев здесь уже можно говорить об официальных фамилиях.

В первой половине XX века, когда процесс офамиливания почти полностью охватил и широкие слои татарского крестьянства, в основном заканчивается становление татарских фамилий вообще и татарских фамилий по русскому образцу, в частности⁵¹.

Таким образом, формирование татарских фамилий — процесс сложный и длительный, растянувшийся на несколько столетий и теснейшим образом связанный с историей развития татарского народа и его языка.

¹ М. Г. Худяков. К вопросу о происхождении чуваш. — «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», 1927, 4, стр. 135.

² Г. В. Юсупов. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. — В кн.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971, стр. 217—231.

³ А. Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — В кн.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971, стр. 7—37; М. З. Экиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977, стр. 208; В. Г. Садур. Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР. — В кн.: «География и культура этнографических групп татар СССР», М., 1983, стр. 3—18 и др.

⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 40, 78.

⁵ «История Татарии в материалах и документах», М., 1937, стр. 21.

⁶ «История Татарской АССР», Казань, 1968, стр. 38.

⁷ Н. В. Подольская. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, стр. 131.

⁸ Г. Ф. Саттаров. Татар исемнәре сүзлегә. Казан, 1981, стр. 12.

⁹ А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ. — В кн.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, стр. 106.

¹⁰ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 107.

¹¹ В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974, стр. 176—177.

¹² А. В. Суперанская. Структура имени собственного (Фонология и морфология). М., 1969, стр. 76.

¹³ Г. В. Юсупов. Указ. раб., табл. 11.

¹⁴ Там же, табл. 27.

¹⁵ Там же, табл. 31.

¹⁶ Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, стр. 130.

¹⁷ Г. В. Юсупов. Указ. раб., табл. 76.

- ¹⁸ В. В. Бартольд. Работы по истории и филологии тюркских языков. — «Сочинения», т. 5, М., 1968, стр. 49.
- ¹⁹ М. И. Ахметзянов. Источниковедческий и лингвистический анализ списков татарских шеджере (по источникам XIX—XX вв.). Кандидатская диссертация. Казань, 1981, стр. 13.
- ²⁰ Р. З. Шакуров. Рифмование имен у башкир. — В кн.: «Ономастика Востока», М., 1980, стр. 48.
- ²¹ Г. В. Юсупов. Указ. раб., табл. 76.
- ²² В. Д. Греков, Н. Ф. Калинин. Булгарское государство до монгольского завоевания. — В кн.: «Материалы по истории Татарии», Казань, 1948, вып. 1, стр. 178.
- ²³ Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978, стр. 89.
- ²⁴ Там же, стр. 90.
- ²⁵ «История Татарии в материалах и документах», М., 1937, стр. 21.
- ²⁶ Р. Г. Фахрутдинов. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984, стр. 200.
- ²⁷ Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в. — В кн.: «Эпиграфика Востока», 1951, стр. 80.
- ²⁸ С. Е. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. — «Записки коллегии востоковедов», 2, Казань, 1922, стр. 158.
- ²⁹ Ф. С. Хакимзянов. Указ. раб., стр. 178.
- ³⁰ Р. Г. Ахметьянов. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, стр. 125.
- ³¹ А. О. Балов. Великорусские фамилии и их происхождение. — «Живая старина», СПб., 1896, вып. 2, стр. 157.
- ³² А. М. Селищев. Указ. раб., стр. 97.
- ³³ К. Э. Босворт. Мусульманские династии (Справочник по хронологии и генеалогии). М., 1971, стр. 209.
- ³⁴ «История Татарской АССР», Казань, 1980, стр. 32.
- ³⁵ О. Н. Трубацев. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. — В кн.: «Этимология», М., 1968, стр. 4.
- ³⁶ А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966, стр. 118—119.
- ³⁷ М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, стр. 185.
- ³⁸ «Полное собрание русских летописей», т. 13, М., Наука, 1965, стр. 229.
- ³⁹ И. П. Ермолаев. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982, стр. 17.
- ⁴⁰ «Писцовые книги г. Казани, 1565—68 и 1646 гг.». — «Труды Исторического археологического института. Материалы по истории народов СССР», вып. 2, Л., 1932, стр. 116—120.
- ⁴¹ «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты В. Борисова и Д. А. Кикина (1565—1567 гг.)», Казань, 1909, стр. 103—105.
- ⁴² «Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.», Казань, 1978, стр. 59—199.
- ⁴³ См.: Д. Б. Рамазанова. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984, стр. 36—54.
- ⁴⁴ С. Х. Алишев. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973, стр. 27—48.
- ⁴⁵ Ф. С. Фасеев. Старотатарская деловая письменность. Казань, 1982, стр. 76—80.
- ⁴⁶ Д. А. Корсаков. Сборник материалов из истории Казанского края в XVIII в. Казань, 1908, стр. 113.
- ⁴⁷ «История Татарии в материалах и документах». М., 1937, стр. 232.
- ⁴⁸ Там же, стр. 280, 293—294.
- ⁴⁹ К. Ф. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844, стр. 126.
- ⁵⁰ Адрес-календарь и Памятная книжка Казанской губернии на 1903 г.
- ⁵¹ Г. Ф. Саггаров. Татары. — В кн.: «Системы личных имен у народов мира», М., 1986, стр. 299.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

МЕСТО НАРЕЧИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ГРАММАТИКАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Наречие — неизменяемая часть речи, противопоставляемая имени и глаголу отсутствием собственных форм словоизменения и словообразования: имя и глагол выделяются наличием разных морфологических показателей. наречие же может иметь форму как имени, так и глагола, но, будучи формой застывшей, неподвижной, не выражает тех значений, которые присущи ей в силу вхождения в именную или глагольную парадигмы.

Из словоизменяемых форм имени наречие чаще всего пополняют падежные образования. Лишь наречия в форме родительного падежа встречаются чрезвычайно редко (например: тув. *xülbüs atkan čerinden* *xüpnñ añpāg* букв. 'каждый день охотится там, где убил косялю'; хак. *küpnñ aññi ödir kilčeler* 'они ежедневно убивают зверей'²) и не исключено, что в подобных случаях имеет место ставшее нормой опущение послелога *sanında, saj*: тув. *xüñ sanında*, хак. *kün saj* 'каждый день, ежедневно'. Из глагола в разряд наречия переходят преимущественно формы «слитного» и «соединительного» деепричастий. Примеры: др.-тюрк. *basa* 'затем', 'также', алт., тув. *baza*, хак. *paза* 'еще, опять', 'также'; др.-тюрк. *tolu* 'полностью', *ulašu* 'вместе', *tügätü* 'целиком', *jaš-ги* 'скрытно'; башк. *janaša* 'рядом'; казах., кирг., узб., уйг. *kajta* 'опять, снова'; тат. *atnalap* 'неделями'; узб. *ertalap* 'утром', *indamaj* 'молча'; уйг. *toxtimaj* 'непрерывно, постоянно'; хак. *udur* 'навстречу', *togir* 'поперек', 'прямо, напротив'.

Процессом образования наречий были охвачены не только отдельные словоформы, но и сочетания слов: определительные, изафетные, так называемый перевернутый изафет, ср.: азерб. *axşam vaxtı* 'вечером'; гаг. *ilkjaziñ* (*ilk jazın*) 'весной'; тув. *songuzu xün* 'послезавтра'; тур. *bu yıl*, уйг. *bijil* 'в этом году'; тур. *ertesi gün*, *devrisi gün* 'на следующий день'; хак. *pirsikün* (*pirsi kün*) 'позавчера'. В дальнейшем этот процесс охватил устойчивые словосочетания, все виды парных слов и повторов.

Поскольку образование наречий происходило и в довольно раннее время, и в относительно поздний период, в условиях раздельного существования тюркских языков, состав их частично совпадает, хотя

¹ См.: Я. Ш. Хертек. Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978, стр. 19.

² См.: Н. Ф. Катанов. Хакассский фольклор. Абакан, 1963, стр. 41.

имеются и заметные различия. И все же совпадений больше и проявляются они не только в самих показателях, но и в отборе форм, подвергшихся адвербиализации, ср.: башк. *koŋolaj*, тат. *koŋilaj*, хак. *xuŋuga* 'всухую', 'всухомытку'; башк. *tirilāj*, кар. *tirilej*, хак. *tirige* 'живьем, заживо'; ног. *oŋga*, тоф. *oŋgarī* 'направо'; азерб. *ičäri*, др.-тюрк. *ičkäŋü*, хак. *istinzer*, *istine* 'внутри'.

Разнообразие форм, встречающихся у наречий, стало отправной точкой для их структурного описания и деления на непроизводные и производные, образуемые от имен и глаголов при помощи продуктивных наречных аффиксов. Однако продуктивны наречные аффиксы лишь в том смысле, что, являясь по происхождению падежными аффиксами или аффиксами дееспричастий, они широко используются в современных языках как показатели изменяемых частей речи. Вообще же, существование наречных аффиксов — иллюзия: на определенном этапе развития языка некоторые формы, обособливаясь и утрачивая первоначальные функции, сохраняются только в пределах наречия, что и создает видимость употребления специальных наречных аффиксов, ср., например, аффиксы направительного (*-karī ~ -garī ~ -xarī ~ -kar ~ -gar ~ -xar*) и творительного (*-in ~ -un*) падежей: алт. *tışkarī*, кар. *tışxarī*, тур. *dışarı* 'вне, наружу'; башк. *kisip* 'вечером', гар. *kişip* 'зимой', кар. *ansızın* 'неожиданно'.

Едва ли что-либо меняет в характеристике наречия и такое обстоятельство, как возможность образования форм, выражающих уменьшительность-ласкательность, неполноту признака, редупликативных и образованных по моделям свободных синтаксических сочетаний форм интенсификации, например: азерб. *indizä* 'только что'; башк. *bajarak* 'раньше', *ir-irtä* 'очень рано'; гар. *şindişik* 'теперь вот', *çabužak* 'очень быстро, в миг'; кар. *ker-kenete* 'неожиданно, внезапно'; карач.-балк. *algarak* 'немного вперед'; тат. *baştarak* 'раньше'; тур. *demincek* 'только что', *dağa sonra* 'позже'; узб. *boşkaçarok* 'немного иначе', *parirokda* 'там подальше', ең *oldin* 'прежде всего'; уйг. *kür-kündüzi* 'как раз днем'.

То же самое следует сказать о частицах, в присоединении которых к наречиям нет никаких ограничений, ср.: казах. *bagana* (*baja-gana*) 'давеча'; тат. *baja-uk* 'порядочно, давно', *irtük* (*irtä-ük*) 'раненько, спозаранку'; узб. *hozirdanok* (*hozirdan-ok*) 'уже сейчас же', *endigina* (*endigina*) 'только что'; шор. *amok* (*am-ok*) 'теперь же', *razok* (*paза-ok*) 'опять, снова'.

Не относится к числу особенных и факт включения в наречия показателей принадлежности всех трех лиц, ср.: казах. *şalkamnan*, узб. *şalkamşa* 'навзничь' (1-е лицо един. число), казах. *şalkanpan* 'навзничь' (2-е лицо един. число), казах. *şalkasınan*³, ног. *şalkasinnan*, узб. *şalkasiga*, *şalkasiča* 'навзничь' (3-е лицо един. число); казах. *közimşe* 'на моих глазах', *köziñşe* 'на твоих глазах', *köziñizşe* 'на ваших глазах', *közderinşe* 'на их глазах'⁴. Адвербиализации подвержены любые словоформы, и совокупность их может образовывать своего рода наречные парадигмы, ср.: тат. *birvakit*, *birvakitni*, *bir vakitta* 'когда-то, однажды', *bir vakittan* 'с некоторых пор'.

Так же обстоит дело и с частными случаями присоединения к наречиям словоизменятельных аффиксов в их собственных значениях и при использовании наречий в качестве производящих основ. Примеры: алт. *emdiği* 'теперешний' (*emdi* 'теперь'); тур. *dünümüz* *bugünümüz* *yarını-*

³ См.: А. И. Исхаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950, стр. 50, 70.

⁴ Там же, стр. 97.

miş 'наше вчера, сегодня, завтра' (dün 'вчера', bugün 'сегодня', yarın 'завтра'), yarını bekle 'жди завтрашний день'; узб. ertadan keçgaça, уйг. ätidin kăčkăcä 'спозаранку допоздна'; чуваш. kăz'allaba 'под вечер'.

Тем не менее некоторые черты своеобразия все же наблюдаются.

Так как образование наречий имеет большую историческую глубину и в них совместились морфологические средства разных временных срезов, происходит наложение одной формы на другую, причем иногда в необычной последовательности, легко объяснимой при учете постепенной лексикализации аффиксальных морфем, ср.: ст.-кыпч. taңdası 'на следующий день', 'утром'; ст.-узб. andalar 'там'; кирг. tündösü 'ночью', žazındası 'весной'; ног. balalarša 'по-детски'; тур. içtenlikle 'сincerно'; туркм. vagtlajınča, узб. vaktinča 'временно'; узб. kiskačasiga 'кратко, вкратце'. Именно в таком плане, то есть совершенно условно, можно говорить об отличительных чертах морфологической структуры наречий: формы типа кирг. kışındası (kış-in-da-sy) 'зимой', žajındası (žaj-in-da-sı) 'летом', в которых, вопреки существующим правилам, аффикс принадлежности не предшествует падежному аффиксу, а следует за ним, у имен не встречаются.

Другая своеобразная черта наречий связана с тем, что в тюркских языках нередко помимо исходных форм и форм, окончательно обособившихся от своих парадигматических рядов, выступают промежуточные образования, которые характеризуются частичным сохранением именных и глагольных признаков. У промежуточных образований факультативно проявляются их обычные функции, ср.: гаг. тур. burası 'здесь', 'это место', 'нечто, находящееся здесь', orası 'там', 'то место', 'нечто, находящееся там'. Примеры: тур. burası Ankara değil-mi 'здесь не Анкара ли?', burası kimindir 'это место чье?', orasını göğmedim 'я не видел тех мест'.

Наконец, нельзя не учитывать последствий изначального синкретизма, выражающихся в возможности обстоятельственного употребления существительного и прилагательного, ср.: алт. küç 'сила', 'сильно'; гаг. jığak 'даль', 'далекий', 'далеко'; кар. keç, ног. keš 'вечер', 'поздно'; крым.-тат. soñ 'конец', 'после, затем'; тат. jaman 'плохой', 'плохо'; тув. sók 'холод', 'холодный', 'холодно', čilīg 'тепло', 'теплый', 'тепло', izig 'жара', 'жаркий', 'жарко'; узб. kiska 'короткий', 'кратко'.

2. Традиционный подход к изучению и описанию наречия как части речи заключается: 1) в распределении наречий по группам в зависимости от их исходной морфологической структуры: а) первообразные наречия, б) производные наречия; или: а) наречия с формальными показателями (адвербиальными аффиксами), б) наречия, изолированные в морфологическом отношении; 2) в установлении ряда семантических типов (наречия качественные, количественные, образа действия, времени, места и т. д.); 3) в выяснении морфологической природы наречий (именные, глагольные).

Для описательной грамматики, по-видимому, наиболее существенна регистрация всех семантических типов наречия и соответствующая систематизация их; в исторической же грамматике на первый план выдвигается морфологический анализ слов, перешедших в наречие. По образному выражению одного из тюркологов, наречие — «склад» форм, и как раз эта его сторона образует предмет историко-лингвистических разысканий. Иными словами, для историка языка основная задача заключается в выделении тех словоформ, которые чаще других переходят в наречие. Решение ее облегчает идентификацию омертвевших аффиксов и расширяет возможности изучения древнего языкового состояния. Дело в том, что наречие не только включает в себя большинство

словоизменительных аффиксов имени и глагола, но и отражает древние морфологические процессы и сам ход формирования грамматических классов. «Для тюркских языков, — писал по этому поводу Н. К. Дмитриев, — [наречие] — тот фокус, в котором скрещиваются различные проекции имен (существительные, числительные, местоимения) и глагола, и отчетливая характеристика которого неминуемо должна пролить свет на всю проблему о частях речи»⁵.

Важной задачей изучения наречий в историческом аспекте является, кроме того, выяснение роли лексической семантики как фактора, влияющего на процесс адвербиализации. Пока известно лишь, что в наибольшей мере были охвачены этим процессом словоформы, уточняющие пространственные и временные координаты действия и состояния.

Большой интерес вызывает вопрос о путях и причинах выделения наречия. Некоторую ясность в решение его может внести указание на функциональную ограниченность наречных слов. Последние выполняют в предложении одну единственную функцию — функцию обстоятельства. Следовательно, главную роль в выделении наречия сыграл синтаксис, точнее — усиливающаяся тенденция к усложнению структуры предложения в целях передачи разноплановой локализации действия и его качественно-количественной оценки. Об этом, в частности, свидетельствует широкое использование в ряде современных тюркских языков сочетаний, включающих в себя специальные «наречные» слова со значениями «способ», «образ действия», «манера», «вид», «форма», «степень», «будучи», например: азерб. *ätraflı surätdä* 'всесторонне'; тур. *ortalama olarak* 'в среднем', *türkmençe verilere dayanmak suretiyle* 'опираясь на факты туркменского языка'; туркм. *belli derejede* 'в известной мере'; узб. *amaliy ravışda* 'практически', *juzaki tarzda* 'поверхностно', *tüla daražada* 'полностью'; уйг. *židdi rävištä* 'серьезно', *mäxpi josunda* 'тайно'.

Ясно, что наречие — универсальное или относительно универсальное явление и, конечно, причины выделения его не могут быть специфически тюркскими. Тюркская специфика прослеживается главным образом в многоступенчатой эволюции наречных слов от синкретизма определительно-обстоятельственных значений к их четкой разграниченности, в конечном итоге закрепляемой средствами морфологии, ср.: узб. *kiska — kiskača — kiskačasi — kiskačasiga*. В связи с этим нельзя недооценивать важности учета и систематизации многочисленных и разнообразных случаев выполнения прилагательными обстоятельственных функций, в том числе и таких, когда обстоятельственные функции становятся преобладающими и когда по существу следует уже говорить не о прилагательных, а о наречиях.

Все сказанное выше нацеливает на уточнение принципов составления исторических грамматик тюркских языков в той части, которая касается наречия. Можно утверждать со всей определенностью, что наречие не стоит в одном ряду с именем и глаголом, оно противостоит им, занимает совершенно обособленное положение, и его место в исторической грамматике всецело предопределено именно этим обстоятельством.

Поскольку становление наречия и обособление именных и глагольных форм — единый процесс, целесообразнее освещать его преимущественно в плане раскрытия прототипов и учета условий, способствующих

⁵ См.: Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. — В кн.: «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 154.

щих формированию различных групп наречий. Это значит, что соответствующий раздел должен стать своеобразным этимологическим экскурсом, и нет необходимости доказывать, что соблюдение принципа историзма предполагает последовательное рассмотрение природы каждого наречия.

Этимологизации подлежат и те наречия, у которых исходная морфологическая или синтаксическая структура прозрачна, и те, которые пока не поддаются объяснению или объясняются с определенными трудностями. Из последних особенно примечательны наречия типа 1) алт. *kedertin* 'со стороны', *anartın* 'оттуда'; шор. *üstürtin* 'сверху'; хак. *tiskertin* 'с противоположной стороны', 'с севера'; 2) др.-тюрк. *taş-ırtı* 'наружу', 'снаружи', *üstürti* 'сверху', *öñdürü*, *öñdürti* 'впереди', 'спереди'; 3) карач.-балк. *bilajtın* 'отсюда', *alajtın* 'оттуда'; 4) азерб. *biri-gün*, карач.-балк. *bürsükün*, кар. *obirsi күн* 'послезавтра'; карач.-балк. *birsikeçe* 'позавчера ночью'; тур. *ertesi sene* 'на следующий год'; 5) др.-тюрк. *emdi* 'теперь', *katıgdı* 'крепко, сильно', 'очень'; казах. *soñdı* 'после'; 6) др.-тюрк. *asra* 'внизу', *öñgä* 'впереди', 'вперед', 'раньше', 'прежде', *içgä* 'внутри', 'внутрь', *taşra* 'вне, снаружи', 'вовне, наружу'; казах. *soñıra*, кар. *sondra* 'потом, после'; 7) хак. *andar* 'туда', *mındar* 'сюда', *hajdar* 'куда', *tigder* 'туда'; 8) тув. *arıldır* 'дочиста', *xünzedir* 'весь день', *xondur* 'всю ночь', *çartıktaştır* 'пополам' и многие другие.

Попутно заметим, что результаты исследований, проведенных до настоящего времени, свидетельствуют о том, что вычленяемые из наречий аффиксы образуют в абсолютном большинстве случаев обычные для тюркских языков формы. Не обнаруживаются, скажем, такие морфологические элементы, которые можно было бы интерпретировать как остатки «до-тюркской», алтайской или ностратической, морфологии. Однако в полном объеме, систематически подобные исследования пока не проводились.

Когда морфологическая структура прототипов прозрачна, обязателен учет типичных сращений аффиксов, наблюдаемых только или преимущественно в пределах наречий, ср.: азерб. *târsinâ* 'наоборот', 'наизнанку', туркм. *agşamlarına* 'вечерами', узб. *katorasiga* 'рядами', 'один за другим', 'подряд'; азерб. *insanşasına* 'по-человечески', тур. *delicesine* 'безумно', узб. *mardeşasiga* 'смело, храбро', уйг. *jeñişisiga* 'по-новому'; азерб. *ajrılığda* 'отдельно', 'в отдельности', тур. *ortalıkta* 'вокруг', туркм. *birlikde* 'вместе, совместно', узб. *endilikda* 'ныне, теперь'; алт. *erteñizinde*, *ertezinde*, казах. *erteñinde*, кар. *tañdasında*, хак. *tañdazında*, *irteninde* 'на следующий день', '(на)завтра'; башк. *kistâri*, тур. *akşamları* 'вечерами', к.-калп. *erteñleri* 'завтра', крым.-тат. *kündüzleri* 'днем'; башк. *kışkilikta* 'зимой', казах. *keşkilikte* 'вечером'; карач.-балк. *kış-xıda*, хак. *xışxıda* 'зимой'; казах. *sonşalık*, узб. *şunçalik* 'настолько', узб. *kejinçalik* 'после, впоследствии', уйг. (диал.) *ogağçalik* 'как серп, величиной с серп'⁶ и т. д.

Предлагаемая ниже рабочая схема отражает точку зрения автора данной статьи на содержание и построение раздела «Наречие» в исторических грамматиках:

- 1) Именные наречия (простые, сложные).
- 2) Глагольные наречия (простые, сложные).
- 3) Сложные наречия, состоящие из простых наречий.
- 4) Сложные наречия — сочетания имен с послелогами.
- 5) Сложные наречия — устойчивые лексические сочетания.*

⁶ См.: Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972, стр. 23.

* Из-за отсутствия в типографии специальных знаков редуцированные гласные башкирского, казахского, каракалпакского, ногайского, татарского и хакасского языков в статье не выделены. (Прим. ред.).

П. И. КУЗНЕЦОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АФФИКСОВ ГЛАГОЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ -ВА/-ВЃ, -РА/-РЃ, -МА/-МЃ

М. Рясняном было указано на шесть способов передачи идеи отрицания в тюркских языках¹. Ничто не говорит о том, что среди этих способов значительную роль когда-либо играли препозитивные частицы типа *ab* или *an*, возможно, заимствованные из языков соседних народов². Во всяком случае, выделение в составе этих слов показателей отглагольного имени или деепричастия (*-b*), а также причастия ~ деепричастия ~ имени результата действия (*-n*) от существующего лишь в тунгусских языках (родство которых с тюркскими еще достаточно не доказано) и в тюркских никогда не фиксировавшегося глагола **e* 'не быть'³ — не выглядит убедительным; к тому же и в значении указанных слов нет ничего специфически деепричастно ~ причастно ~ отглагольного.

Явно не относятся к числу древнейших, будучи сложными, такие слова со значением отрицания, как *tegöl* ~ *deyil* 'не'⁴ и *ermez* ~ *emes* 'не'.

Важнейшим средством передачи отрицания в тюркском глаголе издавна является аффикс *-ta*, *-te*. Следует, однако, думать, что на более древней стадии тюркского праязыкового состояния, когда язык был еще аморфным, основным средством выражения отрицания — как в глагольном, так и в именном предложении — было сохранившееся и поныне предикативное слово *jok* '1. нет; 2. не имеется'.

В современных языках достаточно употребительны предикативные словосочетания типа тур. (o-nun) *aldığı* (al-dık-ı) *yok* 'он не брал' [букв. 'его взятия (в прошлом или настоящем) нет'], где имя действия на *-dık* с аффиксом принадлежности (в значении личного показателя) формально выступает в роли подлежащего главного предложения, сказуемым которого является слово *yok*. Однако аффиксы принадлежности (как и родительный падеж референт-субъекта) появились, несомненно, сравнительно поздно. Еще в орхон-енисейских памятниках обнаруживаются примеры употребления слова *jok* не в качестве отдельного сказуемого (со значением отрицания), а в качестве отрицательного служебного слова в составе глагольного сказуемого, например: *Türk budun oluryaly Türk qayan oluryaly, Santun balıq(q) a taluı ügüzkä tägmis joq ärmis* (Топ. 18) 'Тюркский народ и тюркский каган для (дальнейшего) обитания [или: „С тех пор, как существует тюркский народ, с тех пор, как сидит (на престоле) тюркский каган, (он)..."—П. К.] (завоевая) не дошел [точнее: '(до описываемого времени) (по имеющимся сведениям) не доходил'.—П. К.] до

город(ов) Шантунга и до морской реки⁵. Формосочетание *mis joq ägmis* является здесь субъективным («заглазным») давнопрошедшим временем, или абсентивным плюсквампретерит-перфектом, в отрицательном статусе («аспекте»); в современном турецком языке служебному слову *joq* соответствует глагольный аффикс -та: -*tam:ʃmıʃ*⁶.

Рассмотрим внимательнее названный аффикс (суффикс) глагольного отрицания. Согласно данным Н. Ф. Катанова, в 28-ми «тюркских наречиях» из 48-ми им обследованных (лично или с опорой на надежные источники) суффикс «для производства отрицательных глаголов» имеет в своем составе только сонорный согласный (варианты *ма-мă*. иногда *ма-мă*); в двух (2) случаях названный выше согласный чередуется с глухим «п» (тарское наречие: *ма-мă, па-пă*; ногайское: *ма-мă, ма-мă, па-пă, па-пă*); еще в тринадцати (13) наречиях суффикс репрезентован тремя губными согласными: «м», «п», «б» (например, в якутском варианты суффикса таковы: *ба-бă, бо-бă, ма-мă, мо-мă, па-пă, по-пă*) и лишь в пяти (5) наречиях сонорный согласный [м] в суффиксе отрицания не представлен вовсе: в «кара-киргизском» (киргизский язык) — *ба-бă, бо-бă, па-пă, по-пă*, — алтайском, телеутском, черневом и телесском⁷. Таким образом, можно видеть, что «сонорные» варианты аффикса -*mall-mă, -ball-bă, -nall-nă* являются явно преобладающими, но, поскольку сонорное начало не характерно для тюркских языков, следует полагать, как это отмечает и А. Н. Кононов, что в тюркском глагольном отрицании «губные согласные *п:б > м*»⁸.

Исходя из наличия в тунгусских и, гипотетически, в тюркских (пра-тюркском) языках упомянутого уже глагола э- 'не быть', на который впервые обратили внимание М. Кастрен и Г. И. Рамstedт⁹, А. Н. Кононов высказывает предположение, что тюркское глагольное отрицание «восходит к деепричастию на -*па ~ -ба ~ -ма* (? **-пан ~ *-бан ~ *-ман*) от глагола *а- ~ э-* 'не быть'; таким образом, исходной формой тюркского глагольного отрицания... была форма **ана ~ *аба ~ *ама* 'не будучи'»¹⁰. Поскольку «в тюркских языках сложновербальные образования всегда состоят из знаменательного глагола в деепричастной форме на -*yll-ill-yl/-ŷ* или -*all-ă* + вспомогательный модифицирующий глагол», «наиболее вероятно, что образование глагольного отрицания происходило по следующей модели: **ал-ы + ана* 'беря + не будучи' = 'не беря', причем «устранение сочетания двух гласных *ы + а* произошло за счет обычного в такой позиции падения узкого гласного *ы: алы ана > *алапа...*» и далее трехсложное слово «стремится к двусложному состоянию: **алапа > алпа* (~ *алба ~ алма*)»¹¹.

Гипотеза А. Н. Кононова интересна¹². Однако, помимо того, что говорилось выше о глаголе *э- 'не быть', возникают и некоторые другие сомнения. Прежде всего не ясно, каким образом значение формосочетания **ал-ы ана > алма* ('беря + не будучи' > 'не беря') трансформировалось в значение формы второго лица повелительного наклонения («не бери»). Кроме того, за аффиксом отрицания в тюркских языках могут следовать другие морфемы, например, показатель прошедшего времени (*ал-ды* 'он взял', *ал-ма-ды* 'он не взял'); осталось без разъяснения, каким образом этот показатель мог присоединиться к деепричастному аффиксу (*а-па... > -ма*) вообще, тем более — к деепричастному аффиксу вспомогательного глагола. Не ясны и семантические сдвиги, которые должны были сопутствовать предполагаемым морфологическим сочленениям.

Аффикс приглагольного отрицания представлен в известном отрицательном деепричастии (древнетюркское -*маты, -матын*, турецкое -*мадан*), а также в менее известном, зафиксированном в «Словаре»

Махмуда Кашгари (-мадын: *bor bolmadhıp* (بىلما دېپ) *sirke bolma* = *şarap olmadan sirke olma*¹³ «не стань уксусом, не сделавшись вином»). В состав первого, по определению А. Н. Кононова, входят: -та — аффикс глагольного отрицания (как мы помним, он сложился из двух деепричастий: -i+-pa(n) ~ -та.—П. К.), -ti — аффикс деепричастия <тунгусского инструменталиса, -п — аффикс инструктивного падежа¹⁴. Состав второго должен быть в таком случае следующим: деепр. на -i (позднее выпадает) + деепр. на -(i)pa(n) ~ -та + деепр. на -ti + деепр. на -(i)p... Даже с учетом проявляющей себя подчас «тенденции к усложнению» такое наложение деепричастных аффиксов (четыре!) порождает сомнения в правильности предложенной интерпретации.

С другой стороны, идея Рамстедта—Кононова, постулирующих употребление глагола *a-~ä-* 'не быть' в качестве одного из компонентов показателя глагольного отрицания в тюркских языках, находит, как можно думать, материальное воплощение в якутском глагольном аффиксе *-ыма, -имä, -ума, -үмä* 'не', в котором заслуживает внимания гласный зачин. Однако вопрос этот нуждается в более детальном рассмотрении.

Упомянутый выше якутский аффикс, возможно, следует считать не аффиксом отрицания, а скорее—показателем запретительного наклонения. Действительно, имеется существенное различие между отрицанием типа 'он не пошел' (или 'он не идет'), где констатируется просто несовершенство названного действия, и отрицанием типа «не ходи» (или: «пусть не ходит», «не следует ходить» и т. п.), где говорящий препятствует реализации действия, между тем как в предложениях типа «иди» (или «пусть идет») он, наоборот, побуждает собеседника к действию. Если запрещение выражается специальной глагольной формой, отличной от формы собственно глагольного отрицания, то появляются основания для выделения, наряду с повелительным, если не особого запретительного наклонения, то, по крайней мере, запретительной формы глагольного отрицания (например, в чувашском языке такой особой формой можно считать препозитивную частицу *an* 'не').

Обычное приглагольное отрицание (без оттенка запретительности) выражается в якутском языке аффиксом *-ба, -па, -ма* (и девятью другими фонетическими вариантами — см. выше), причем варианты с согласным «м» (*-ма, -ме, -мо, -мө*) имеют явно вторичный, производный характер, так как «в качестве исходных (начальных) согласных аффиксов якутского языка могут выступать звуки *б, л, т, г, һ*»¹⁵ (но не *м*!).

Запретительная форма глагольного отрицания имеет лишь варианты с сонорным согласным (*м*) — случай весьма редкий для якутского языка, — причем складывается впечатление, что вставочный гласный как раз и возник для того, чтобы отделить данный — запретительный — вариант отрицания от традиционной отрицательной формы. Впрочем, не исключено, что узкий гласный, предшествующий *м*, восходит к глаголу *y-* 'мочь'¹⁶ (*көрүмэ* 'не видь', букв. 'не могли (не смей) видеть'). Оставляя далее в стороне вопрос о происхождении запретительной формы аффикса глагольного отрицания, вернемся к попыткам этимологизации его главного варианта: *-ба, -па→-ма*.

Данный аффикс, как нам представляется, логично возводить к знаменательному глаголу *бат-* 'погружаться, опускаться, тонуть, заходить, закатываться, пропадать' и т. п., причем авторы словарей обычно отмечают, что глагол *бат-* употребляется и в прямых, и в переносных значениях. В отличие от глагола *э- 'не быть', который в тюркских языках вообще не зарегистрирован, глагол *бат-* (азербайджанский, башкирский, древнетюркский, казахский, киргизский, татарский, тувинский, ту-

рецкий, туркменский и другие языки) ~ *бат-* (узбекский) ~ *пат-* (уйгурский, хакасский) ~ *пут-* (чувацкий), как отмечал еще В. В. Радлов, «встречается во всех диалектах»¹⁷. Это весьма существенный момент. Замечено, что аффиксы, фиксируемые во всех (или почти во всех) тюркских языках, восходят к общетюркским словам [например: *-йүр* ~ *-(ы)р* (<*-йүр* 'ходить'), *-керү* ~ *-ка*, *-(г)а* (<*көр* 'видеть'), *-бан* ~ *-(ы)а* (<*ба(н)* 'привязывать (себе)'), *-тур/-дур* ~ *-т* ~ *-ур* (<*тур* 'стоять') и др.], в то время как аффиксы, представленные лишь в части тюркских языков, восходят к словам и словосочетаниям, не имеющим всеобщего распространения [*-мак* (<*бак*-/огузск./ 'смотреть'), *-түк* ~ *-дык* (<*түк(ен)* 'кончаться'), *-миш* (<*би(р) иш* 'одно дело'—в языках, где конечное *р* имеет тенденцию к выпадению) и т. п.]¹⁸.

Представляется, что семантика глагола *бат-* делала вполне возможным его использование для передачи требуемого значения отрицания, например: *ал бат-тук* (или *бат-ты*) 'бери/беру/взять погрузилось (затонуло, пропало)' = 'взятие расстроилось, не состоялось' = 'не взял'.

А. Н. Кононов утверждает, правда, что сочетание двух глагольных основ подчиняется в тюркских языках «строгому правилу: первая глагольная основа обязательно должна быть в форме деепричастия на *-у/-і, -а/-е* или *-b...*»¹⁹. Тем самым положение, характерное для настоящего и «недавнопрошедшего» времени, экстраполируется на эпоху становления морфологической системы тюркских языков (точнее — тюркского праязыка), что вряд ли правомерно. Исследователи, признающие правильность теории агглютинации, в основных чертах изложенной В. Гумбольдтом, считают, что истоки агглютинации лежат в былой аморфности языка, когда грамматические отношения выражались способом присоединения «значимых слогов, составлявших или все еще составляющих слова»²⁰: некоторые из этих слов-слогов превращались впоследствии в аффиксы. Естественно, что никаких деепричастий — в готовом виде — в те времена не существовало; к тому же становление морфологической системы должно было начаться с возникновения финитных форм, а не деепричастий, появившихся значительно позже.

Отпадение конечного *т* в «значимом слове» *бат* при его превращении в аффикс глагольного отрицания (*бат* → *ба*²¹) представляется достаточно естественным, если учесть, что за корнем *бат* очень часто следовал уже, по-видимому, превратившийся в аффикс показатель прошедшего времени, причем один из двух геминированных глухих согласных мог в условиях частого повторения данного звуко сочетания ослабляться и выпадать, например: **ал бат-ты* (или **ал бат-тук*) > **ал ба(т)-ты* > **ал-ба-ты* > *ал-ба-ды* 'он не взял'. Превращение знаменательного глагола-корня *бат* в морфему приглагольного отрицания подкреплялось также параллельно проходившей сменой начального согласного этой морфемы в большинстве тюркских языков: **ал-бат-ты* > **ал-мат-ты* > **ал-ма-ты* > *ал-ма-ды* 'он не взял' и т. п.

Изначальная форма приглагольного отрицания (*-бат*) и вторичная (*-мат*) — с сохранившимся *т* в обоих случаях — обнаруживаются в некоторых удержавших отдельные архаичные черты современных языках, а также в ряде тюркоязычных памятников, что позволяет в значительной мере верифицировать излагаемую здесь гипотезу. Речь идет, в частности, о четырех «законсервировавшихся» глагольных формах — трех деепричастиях и одной форме индикатива.

1) Упомянутая выше и не получившая пока приемлемой интерпретации древнетюркская отрицательная деепричастная форма *-маты* (как и ее «расширенная» разновидность *-матын*) представляет собой, не-

сомненно, не конгломерат деепричастных аффиксов, а известное деепричастие на -ы с предшествующим аффиксом глагольного отрицания: *ал-мат-ы* 'не беря, не взяв'.

2) Форма *-маты* ~ *-матын* сменилась формой *-матан* ~ *-мадан*. Этот аффикс легко интерпретировать с учетом повсеместной замены деепричастного аффикса -ы морфемой с широким гласным [-а]²². Трактовка остается той же: *ал-мад-ан* 1) 'не беря', 2) '(еще) не взяв'²³.

Таким образом, три названные деепричастные формы (*-маты*, *-матын*, *-мадан*) трактуются единообразно — как деепричастие на -ы, позже -а, в отрицательном (*-мат* < *бат*-) статусе. (Конечное *н* можно воспринимать как наречный «усилитель»; возможно, однако, что это просто эпитетический звук [типа конечного *н* в тур. разгов. *tramvay-nan* (*tramvay-la*) 'трамваем']. По передаваемым значениям все три формы также соответствуют деепричастию на -ы ~ -а, которое обозначает: «1) действие, протекающее одновременно с действием глагола-сказуемого...; 2) действие, предвещающее другое действие»²⁴; в последнем случае значение этого деепричастия сближается со значением деепричастия на -(й)ып ~ -(ы)п, которое в отрицательном статусе во всех тюркских языках употребляется редко.

3) Легко разъясняется также упомянутая ранее редкая деепричастная форма из «Дивана» Махмуда Кашгари: *болмадып* = *бол-мад-ып* 'не быв'. Процесс отпадения конечного согласного в аффиксе отрицания (*-мат/-мад* > *-ма*) затронул и все названные деепричастия (кроме *-мадан*): *-мат-ын* > *-ма-й-ын*; *-мад-ып* > *-ма-й-ып* (тур. *ol-ta-u-ır* 'не быв'). На деепричастие *-мад-ан* этот процесс не распространился, так как форма *-ма-й-ан* совпала бы с формой причастия на -(й)ан (ср. тур. *al-ta-u-an* 'не берущий, не взявший').

4) Интерес представляет якутская «отрицательная форма глагольного имени настоящего времени»²⁵ *-бат* (ср. общетюркское *-таз*; утвердительно формой является якутский аффикс *-ыыр*, *-ар* и т. п.). Почему настоящее время обозначается в этом случае морфемой, представленной тем же согласным [т], который используется и в аффиксе недавнопрошедшего времени (ср. *көрбөт* 'он не видит', *көрбөтө* 'он не увидел')? Тюркологи объясняют конечный согласный аффикса *-бат* «соответствием тюркских *з/ш/с* якутскому *т*»²⁶. Однако это не бесспорно. Конечное тюркское *з* чаще соответствует якутскому *с*, чем *т* (ср. *кыз* — *кыыс* 'девица', *каз* — *хаас* 'гусь' и т. д.).

Можно высказать предположение, что после того, как стабилизировались специфические отрицательные формы повелительного («запретительного») наклонения, а также прошедшего времени и т. п., наиболее древняя форма отрицания — *-бат* — без добавления каких-либо других морфологических показателей продолжала обозначать в якутском языке настоящее время действия²⁷. (В утвердительном спряжении аналогичный прием был бы невозможен из-за смешения форм 3-го лица единственного числа настоящего времени и 2-го лица единственного числа повелительного наклонения).

В целом возведение отрицательного аффикса *-ба*, *-па*, *-ма* к общетюркскому глаголу *бат-* (*пат-*) 'утонуть' позволяет, на наш взгляд, значительно проще, чем у наших предшественников — и без обращения к материалу дальнеродственных (?) языков — объяснить механизм становления формы приглагольного отрицания в тюркских языках. При этом непротиворечиво разъясняются морфологический состав и семантика некоторых образований (*-маты(н)*, *-майын*, *-мадан*, *-мадып*).

не поддававшихся до настоящего времени удовлетворительной интерпретации.

¹ М. Räsänen. *Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen*. Helsinki, 1957, стр. 233. Речь идет об отрицании вообще: различные типы отрицания — частичное, удвоенное и т. п. (См.: А. Асланов. Мүасир Азәрбајҹан дилинда инкарлыг вә кәмијјәт категоријалары. Баку, 1963) в данном случае не конкретизируются и не учитываются.

² См.: Н. И. Ашмарин. *Материалы для исследования чувашского языка*. Часть вторая, учение о формах (морфология). Казань, 1898, стр. 316; «Материалы по грамматике современного чувашского языка. I. Морфология», Чебоксары, 1957, стр. 186, 187; Л. С. Левитская. *Историческая морфология чувашского языка*. М., 1976, стр. 78.

³ А. Н. Кононов. *Тюркологические этюды*. ...II. К реконструкции аффикса глагольного отрицания -*na//nā*, -*ba//bā*, -*ma//mā*. — В сб.: «Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 107; *его же*. *Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.* (далее: ГЯТРП). Л., 1980, стр. 171, 172.

⁴ О происхождении этого слова см.: Г. П. Мельников. К этимологии отрицания *tegül*. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 57—66; см. еще: А. Н. Кононов. Этимология слова *dägil* 'не есть', 'не'. — «Советское востоковедение», VII, 1949, стр. 52—62; Б. А. Серебренников. О логизме в тюркологических исследованиях. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 80—85; Н. А. Баскаков. К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 76—79.

⁵ См.: С. Е. Малов. *Памятники древнетюркской письменности*. М.—Л., 1951, стр. 62 и 66 (выделено мной.—П. К.).

⁶ О сложной форме—*tiṣtiṣ* см.: П. И. Кузнецов. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке. Докт. дисс., М., 1982, стр. 234, 235.

⁷ См.: Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка... (Приложение к Ученым запискам Казанского университета за 1902 г.). Казань, 1903, табл. № XIV.

⁸ А. Н. Кононов. *Тюркологические этюды*... стр. 108.

⁹ См.: G. J. Ramstedt. *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*. — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», 52. Helsinki, 1924, стр. 197; Cp. W. Bang. *Das negative Verbum der Türksprachen*. Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1923. Philol.—hist. Klasse. XVII. Berlin, 1923, стр. 116.

¹⁰ А. Н. Кононов. *Тюркологические этюды*... стр. 108 (см. также: *его же*. ГЯТРП, стр. 172).

¹¹ Там же.

¹² О других попытках выяснения этимологического состава аффикса -*ma*, -*me*... см.: А. Н. Кононов. *Тюркологические этюды*... стр. 106, 107; А. М. Шербак. *Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол)*. Л., 1981, стр. 98.

¹³ «*Divanü lûgat-it-Türk tercümesi*». Çeviren Besim Atalay. III. Ankara, 1941, стр. 121.

¹⁴ А. Н. Кононов. ГЯТРП, стр. 130, § 224, 225. Вопросу о составе названного деепричастия посвящена довольно обширная литература: V. Thomsen. *Inscriptions de l'Orkhon*... Helsingfors, 1896, стр. 143, 171; W. Radloff. *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge. СПб., 1897, стр. 94 (отриц. -*ma*+отглагол. имя -*t*+инструмент. пад. -*in*); W. Bang. *Указ. раб.*, стр. 129 (имя на -*t* с аффиксом принадлежности в инструментальном падеже); П. М. Мелиоранский. *Памятник в честь Кюль Тегина*. СПб., 1899, стр. 91 [отриц. -*ma*+наречн. афф. -*ti(n)*]; W. Duda. *Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen*. I. *Formenlehre*. Leipzig, 1930, стр. 108—111 (Афф. -*din* (-*dan*) этого деепричастия ≠ аффикс исходного падежа); C. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik*. Leiden, 1952, стр. 252.

¹⁵ Л. Н. Харитонов. *Современный якутский язык*. Ч. I. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 72.

¹⁶ См.: W. Bang. *Указ. раб.*, стр. 116.

¹⁷ W. Radloff. *Указ. раб.*, стр. 58. Правда, в современном якутском языке заимствованы лишь формы, производные от корня *бат-*, например, *батылын-тонуть, увязать* (см.: «Русско-якутский словарь». Под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитоновой. М., 1968, стр. 641, 656).

¹⁸ См. наши статьи, опубликованные в «Советской тюркологии»: 1980, № 6; 1981, № 5; 1983, № 1; 1983, № 3; 1985, № 6. Иногда, впрочем, общетюркское слово дает аффикс лишь в одном языке (-*бүт* ~ -*быт* (якутск.) < *бүт* ~ -*бит* 'кончаться'). В данном случае аффикс преждепрошедшего времени, по-видимому, возник в якутском языке уже после того, как его носители покинули общую территорию обитания древнего тюркского племени (или группы близкородственных племен).

¹⁹ А. Н. Кононов. Еще раз о генезисе тюркского аориста. — «Советская тюркология», 1983, № 1, стр. 9.

²⁰ В. фон Гумбольдт. О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей.—«Избранные труды по языкознанию», М., 1984, стр. 335.

²¹ Как утверждал Л. Н. Харитонов, в современном якутском языке оба эти варианта (-ба и -бат) составляют аффикс отрицания в косвенных и производных формах глагола (указ. раб., стр. 174).

²² См.: W. Duda. Указ. раб., стр. 113.

²³ См.: П. И. Кузнецов и др. Учебник турецкого языка для 2-го курса. М., 1956, стр. 204, 205 (ср. стр. 240—о форме -madan evvel); П. И. Кузнецов, Е. В. Сумин. Учебник турецкого языка (Основной курс). Кн. II. М., 1971, стр. 169, 170 и 208. Эквивалентом деепричастия на -madan во втором значении грамматисты обычно называют речения типа «прежде чем...», «до того, как...», «до...» (см., например: Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка. М., 1954, стр. 358, 359; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 985), что неудачно, так как ведет к смешению названного отрицательного деепричастия с усеченным инфинитивом в исходном падеже, последующим послелогом evvel (или önce): -madan önce. (О вопросах акцентуации в том и другом случае см.: W. Duda. Указ. раб., стр. 108, 109).

²⁴ А. Н. Кононов. ГЯТРП, стр. 131.

²⁵ Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 191 (В первую очередь это — само настоящее время /то есть финитная форма/, а затем уже глагольное имя и причастие.—П. К.).

²⁶ Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 45.

²⁷ Ср. алтайский язык, где отдельные глаголы-корни (тур, отур, јур) выступают не только в значении императива, но также и формы третьего лица настоящего времени (см.: «Грамматика алтайского языка». Составлена членами алтайской миссии. Казань, 1869, № 93).

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. Э. ГАДЖИАХМЕДОВ

ЕЩЕ РАЗ О ВИДАХ ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА

(НА МАТЕРИАЛЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА)

Проблеме вида уделялось большое внимание в трудах исследователей грамматического строя тюркских языков, и тем не менее до сих пор эта проблема не может считаться решенной в общетюркологическом плане. В тюркологической литературе высказываются самые различные точки зрения относительно грамматического вида — от полного отрицания и до признания его проявления во всех глагольных формах. В нашу задачу не входит исчерпывающий обзор истории аспектологических концепций по этой проблеме в тюркологии — все это всесторонне изучено и описано в целом ряде специальных работ¹. Однако заметим, что мысль об отсутствии в тюркских языках вида как отдельной грамматической категории, самостоятельно бытующей вне системы видо-временных форм глагола, становится господствующей в отечественной тюркологии². По мнению А. Н. Тихонова, отсутствие видов глагола в тюркских языках компенсируется не только богатой системой времен, но и наличием широко разветвленной системы способов действия, которые обычно исследователи тюркских языков принимают за виды³. Касаясь проблемы видов тюркского глагола, А. М. Щербак пишет: «Нет необходимости доказывать, что вид не является автономной грамматической категорией. Достаточно отметить, что у вида нет „собственных“ средств выражения, и те морфологические образования, у которых прослеживается наличие видовых значений, за редкими исключениями, представляют собой комбинации различных временных и видо-временных (аористных) форм»⁴. В отличие от упомянутых авторов, Н. А. Баскаков не сомневается в наличии категории вида в тюркских языках⁵. Несмотря на большое количество работ и значительные успехи тюркской аспектологии последних десятилетий, проблемой вида глаголов

¹ Б. А. Серебренников. Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: «Вопросы грамматики тюркских языков», Алма-Ата, 1958; Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963; Д. М. Насилов. Еще раз о виде в тюркских языках (к истории вопроса). — В кн.: «Turcologica. К 70-летию А. Н. Кононова», Л., 1976, стр. 111—121; *его же*. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида). — В кн.: «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков», Л., 1978, стр. 88—178; и др.

² Д. М. Насилов. Еще раз о виде в тюркских языках., стр. 111.

³ А. Н. Тихонов. Существует ли категория вида в тюркских языках? — В кн.: «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Самарканд, 1964, стр. 206.

⁴ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л., 1981, стр. 72.

⁵ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М., 1979, стр. 14.

для тюркских языков полностью пренебрегать, по-видимому, не следует, но ее решение, судя по всему, возможно только посредством последовательного и детального анализа видо-временных форм глагола, способов действия, аспектологических контекстов, семантических групп глаголов и т. п.⁶

Н. К. Дмитриев, рассматривая виды кумыкского глагола, заметил, что в тюркских языках вообще они более разнообразны по значению, хотя и менее сформированы: так, от одних глаголов образуются одни виды, от других — другие. Такого положения, как в русском языке, когда видовое понятие пронизывает все содержание глагола (по всем наклонениям и временам), кумыкский язык не знает⁷. Как нам представляется, современный кумыкский язык дает богатый и разнообразный материал для дальнейшей разработки проблемы вида в тюркских языках. Ниже мы постараемся изложить свою точку зрения относительно проблемы вида тюркского глагола.

Большинство аспектологов, отlišно представляя сложность исследования данной проблемы в языках разных систем, тем не менее стремились определить единые критерии, подтверждающие, что вид глагола является грамматической категорией⁸. Важнейшим условием существования любой грамматической категории является, как известно, ее морфологическая выраженность. Основанием для выделения вида в грамматическую категорию в современном кумыкском языке служит противопоставление морфологических форм по видовому признаку. Категория вида в этом языке имеет диаграмматическую мотивацию: глагольные формы с нулевым видовым показателем противопоставляются морфосемам с грамматическим показателем *тур-*. Касаясь плана выражения, можно утверждать, что эта категория имеет единый универсальный способ передачи различий глаголов по виду. Вспомогательный глагол *тур-* выполняет видообразующую функцию⁹. Формы аспектуальности, образованные посредством глагола *тур-*, обозначают континуативное (длительное) или итеративное (многократное) действие, тогда как синтетические формы глагола сигнализируют точечность, однократность действия: *бермек* 'дать' — *берип турмакъ* 'давать', *айтса* 'если скажет' — *айтып турса* 'если будет говорить', *ал* 'возьми' — *алып тур* 'бери' и т. п. Стержневой глагол может иметь не только форму деепричастия на *-ып*, но и форму на *-а*. Оттенки значения, передаваемые этими формами, незначительны. На наш взгляд, в форме на *-ып* более ярко выражен оттенок кратности и интенсивности действия, нежели в сложных формах, образованных при помощи *-а*, ср.: *айта тур*—*айтып тур* 'говори', *сёйлей тур*—*сёйлеп тур* 'разговаривай', *яза тур* — *язып тур* 'пиши' и др.

Как отмечает Б. А. Серебренников, непременным условием наличия в языке грамматического вида является тотальный характер распространения форм его выражения, то есть способность видовых показателей присоединяться ко всем глаголам, за исключением тех случаев, когда образование того или иного вида вообще невозможно из-за соответствующих особенностей природной семантики глагола¹⁰. Видовая оп-

⁶ Д. М. Насилов. Еще раз о виде в тюркских языках... стр. 118.

⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 140.

⁸ См.: Б. А. Серебренников. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и вожской групп. М., 1960, стр. 25 и сл.

⁹ Видообразующая функция *тур-* известна во многих тюркских языках. Подробнее об этом см.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 65—72; 73—74.

¹⁰ Б. А. Серебренников. Категория времени и вида..., стр. 25.

позиция точечность/однократность — континуативность/итеративность представлена во всей морфологической системе кумыкского глагола, то есть имеет «тотальное распространение». Нет глагола и нет такой его формы, которая не имела бы значения вида. Противопоставление грамматического значения точечности/однократности — континуативности/итеративности реализуется прежде всего в разного рода парных корреляциях, образуемых глаголами, противоположными по виду, но тождественными по лексическим значениям. Различие по виду охватывает:

1. **Инфинитив:** *айтма* — 'сказать' — *айта/айтып турма* 'говорить', *гётерме* — 'поднять' — *гётере/гётерип турма* 'поднимать', *гелме* — 'прийти' — *геле/гелип турма* 'приходить', *кэалма* — 'остаться' — *кэала/кэалып турма* 'оставаться' и т. д.

2. **Субстантивную форму глагола на -макъ:** *гёрмек* 'увидеть' — *гёре/гёрюп турмакъ* 'видеть', *охумакъ* 'прочитать' — *охуй/охуп турмакъ* 'читать', *ятмакъ* 'лечь' — *ята/ятып турмакъ* 'лежать', *сатмакъ* 'продать' — *сата/сатып турмакъ* 'продавать', *минмек* 'подняться' — *мине/минип турмакъ* 'подниматься' и т. д.

3. **Неспрягаемые формы глагола:** а) **причастия:** *тигилген капот* 'сшитое платье' — *тигиле/тигилип турагъан капот* 'платье, которое шьется', *язылгъан кагъыз* 'написанное письмо' — *языла/язылып турагъан кагъыз* 'письмо, которое пишется', *гёрген гиши* 'человек, который видел' — *гёре/гёрюп тургъан гиши* 'человек, который видел (неоднократно, не раз)'; б) **деепричастия:** *сайлап* 'выбрав' — *сайлай туруп* 'выбирая', *гёрюп* 'увидев' — *гёре туруп* 'видя', *сююп* 'полюбив' — *сюе туруп* 'любя', *гёргенли* 'с тех пор, как видел' — *гёре/гёрюп тургъанлы* 'с тех пор, как видел (не раз, несколько раз)' и др. От деепричастия на *-докъ* не образуется континуативно-итеративная видовая форма, так как оно фиксирует мгновенность, точечность действия. Ее следует рассматривать в качестве одновидовой глагольной формы.

4. **Спрягаемые формы глагола:** а) **индикатив.** Индикатив кумыкского глагола подробно охарактеризован в специальном исследовании автора¹¹. Хотя в этом исследовании нами не ставилась задача дать аспектуальные характеристики глагольных форм индикатива, тем не менее видо-временная система кумыкского глагола изъявительного наклонения наглядно раскрывается в сводных таблицах и выявленных в результате исследования системообразующих семантических рядах морфосем индикатива. Во временном континууме кумыкского глагола изъявительного наклонения четко выделяются формы времени, выражающие длительные действия, а также морфосемы, обозначающие главным образом точечные, однократные действия¹². Исключение составляют формы темпоральности на *-а*, *-макъда* и образованные от них аналитические формы, обозначающие только континуативные и итеративные действия и состояния в силу природной семантики самих глагольных форм. Они не образуют парно-соотностельных видовых корреляций и не являются синкретичными в отношении вида; б) **кондиционалис.** К формам, выражающим точечное (однократное) гипотетическое действие, относятся следующие морфосемы кумыкского глагола условного наклонения: *-са*, *-ды буса*, *-гъан буса*, *-ар буса*, *-ажакъ буса*, *-гъан эди буса*, *-ар эди буса*, *-ажак эди буса*¹³. К грамматическим формам, обоз-

¹¹ Н. Э. Гаджихмедов. Система времен кумыкского индикатива. Автореф. канд. дисс., Баку, 1981.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ О семантической сущности этих и других форм кумыкского кондиционалиса см.: Н. Э. Гаджихмедов. Условное наклонение глагола в кумыкском языке. — «Советская тюркология», 1984, № 2, стр. 57—62.

начающим континуативно-итеративное гипотетическое действие, относятся морфосемы *-а/-ып турса*, *-а/-ып тургъан буса*, *-а/-ып турду буса*, *-а/-ып турар буса*, *-а/-ып туражакъ буса*. К одновидовым континуативно-итеративным относятся морфосемы *-а буса* и *-а эди буса*. Рассмотренную выше видовую оппозицию подтверждаю следующие примеры: айтса 'если скажет' — айта/айтып турса 'если будет говорить', гёрдю буса 'если увидел' — гёре/гёрюп турду буса 'если видел', гийген буса 'если одел' — гие/гийип тургъан буса 'если одевал' и т. д.; в) **сослагательное наклонение**: алар эдим 'я взял бы' — ала/алып турар эдим 'я брал бы', язар эдим 'я написал бы' — аза/азып турар эдим 'я писал бы', йырлажакъ эдим 'я спел бы' — йырлай/йырлап туражакъ эдим 'я пел бы (долго)', ашажакъ эдинг 'ты поел бы' — ашай/ашап туражакъ эдинг 'ты ел бы', гележек эдинг 'ты пришел бы' — геле/гелип туражакъ эдинг 'ты приходил бы', алар эди 'он взял бы' — ала/алып турар эди 'он брал бы'¹⁴ и т. д.; г) **повелительное наклонение**: айт 'скажи' — айта/айтып тур 'говори', чёпле 'собери' — чёплей/чёплеп тур 'собирай', бер 'отдай' — бере/берип тур 'дай', сат 'продай' — сата/сатып тур 'продавай', ач 'открой' — ача/ачып тур 'открывай' и др.; д) **желательное наклонение**: гелгей эди 'пришел бы' — геле/гелип тургъай эди 'приходил бы', баргъай эди 'пошел бы' — бара/барып тургъай эди 'ходил бы он', гёрсе эди 'увидел бы он' — гёре/гёрюп тургъай эди 'видел бы он', гелсе эди 'пришел бы он' — геле/гелип турса эди 'приходил бы он', барса эдинг 'пошел бы ты' — бара/барып турса эдинг 'ходил бы ты' и т. д.; е) **уступительное наклонение**: барсам да 'если даже пойду' — бара/барып турсам да 'если даже я буду ходить', гёрсем де 'если даже увижу' — гёре/гёрюп турсам да 'если даже буду видеть', алса да 'если даже возьмет' — ала/алып турса да 'если даже будет брать', салса да 'если даже поставит' — сала/салып турса да 'если даже будет ставить' и т. п.¹⁵

5. **Залоговые формы глагола** (как транзитивные, так и интранзитивные): а) **возвратный залог**: жувунмакъ 'мыться' — жувуна/жувунуп турмакъ 'мыться (долго)', гийинмек 'одеться' — гийине/гийинип турмакъ 'одеваться', сююнмек 'обрадоваться' — сююне/сююнуп турмакъ 'радоваться'; б) **страдательно-возвратный залог**: атылмакъ 'прыгнуть' — атыла/атылып турмакъ 'прыгать', билинмек 'быть узанным' — билине/билинип турмакъ 'быть узанным (неоднократно)', байланмакъ 'быть завязанным' — байлана/байланып турмакъ 'быть завязанным (надолго)'; в) **взаимно-совместный залог**: гёрюшмек 'увидеться' — гёрюше/гёрюшуп турмакъ 'видеться', къучакълашмакъ 'обняться' — къучакълаша/къучаып турмакъ 'обниматься', ярашмакъ 'помириться' — яраша/ярашып турмакъ 'мириться' и т. д.; г) **понудительный залог**: яздырмакъ 'заставить написать' — яздыра/яздырып турмакъ 'заставлять писать', охутмакъ 'заставить прочитать' — охута/охутуп турмакъ 'заставлять читать', авдармакъ 'свалить' — авдара/авдарып турмакъ 'сваливать' и т. д.

Таким образом, категория вида в современном кумыкском языке относится к числу грамматических категорий, имеющих универсальный характер, и обслуживает всю глагольную систему исследуемого язы-

¹⁴ В лингвистической литературе по кумыкскому языку сослагательное наклонение не выделяется как самостоятельное. Однако, на наш взгляд, в кумыкском языке существуют специальные формы, «претендующие» на статус кондиционалиса.

¹⁵ Мы считаем возможным говорить еще об уступительном наклонении в исследуемом языке как о самостоятельной глагольной форме модальности. Данное наклонение формально представляет собою морфосему глагола в условном наклонении, соединенную с элементом *да*.

ка. Последовательность и регулярность образования форм континуативно-итеративного вида от точечных дают достаточное структурно-грамматическое основание для рассмотрения тех и других в качестве форм одного глагола.

Другим, весьма важным критерием при определении наличия в языке грамматической категории Б. А. Серебренников считает существование такой структурно оформленной категории вида, которая выражала бы видовые различия независимо от момента речи¹⁶. Наличие видового показателя и устойчивого видового значения в формах инфинитива кумыкского глагола полностью отвечают данному критерию.

Описанный нами материал (напомним, что единицей описания является глагол в одном лексическом значении и что речь идет о парах, образованных при помощи вспомогательного глагола *тур-*) показывает достаточно регулярный характер семантического противопоставления видов. Смысловое соотношение между членами видовых пар не препятствует тому, чтобы считать их формами одного слова, а вид в целом — словоизменительной категорией. Следует согласиться с мнением Н. А. Баскакова о том, что категория вида в тюркских языках не заложена в семантике корневой морфемы, значение которой всегда в отношении вида нейтрально¹⁷.

Важным достижением современной теории вида является строгое разграничение вида (аспекта) и способов глагольного действия (акционсарта). В современном кумыкском языке существуют специальные лексико-грамматические средства выражения способов протекания действия.

В заключение отметим следующее: при установлении категории вида необходимо принимать во внимание целый ряд признаков, таких, как строгая «грамматичность» вида, широкий охват им глагольной лексики, возможность «чисто видового» противопоставления, не осложненного лексическим различием, которые, несомненно, должны рассматриваться как весьма важные (хотя и не всегда осознаваемые) признаки современного понятия о виде¹⁸. На наш взгляд, имеются все основания для выделения противопоставления точечности/однократности — континуативности/итеративности в особую категорию — категорию вида: видовое противопоставление осуществляется в рамках одного и того же лексического значения, в результате чего соответствующий глагол изменяется (спрягается) по видам в принципе так же, как по временам, наклонениям, лицам и числам; всякий глагол в кумыкском языке подводится под категорию вида (за исключением тех случаев, когда образование того или иного вида невозможно вследствие особенностей природной семантики глагола).

Таков морфологический механизм категории вида в современном кумыкском языке. С категорией вида пересекаются все глагольные категории исследуемого языка, от нее тянутся нити связи к системе времен и наклонений, к системе акционсарта. Существуют различия в валентностных свойствах обоих видов. Так, при глаголе континуативно-итеративного вида прямой объект не допускает спецификации посредством меры (количества). Нельзя сказать: *Шо заман ол бир истанкан сув иче эди* 'В то время он пил один стакан воды'. При глаголе точечно-

¹⁶ Б. А. Серебренников. Категория времени и вида..., стр. 26.

¹⁷ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 15.

¹⁸ Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: «Вопросы глагольного вида», М., 1962, стр. 9.

однократного вида показатель меры не препятствует семантическому содержанию высказывания. Если в предложении с глаголом континуативно-итеративного вида прямой объект сопровождается числительным, то это числительное не может выражать число объектов, последовательно включаемых в процесс, а выражает только число одновременно существующих объектов: *Шо заман ол 2 гьармут ашай эди* 'В то время он ел 2 груши (одновременно ел 2 груши)'; *Шо заман ол 2 гьармут ашады* 'В то время он съел 2 груши (одну за другой)'. К сожалению, жесткие рамки статьи не позволяют нам изложить подробнее данный вопрос и некоторые другие, не рассмотренные нами здесь проблемы, непосредственно связанные с категорией вида. Однако все они нуждаются в глубоком и всестороннем исследовании.

А. МАТГАЗИЕВ, С. МУМИНОВ

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ НОМИНАТИВНЫХ СРЕДСТВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Важнейшие представления о предметах и явлениях действительности у всех народов почти совпадают. Такие понятия, как «отец», «мать», «сын», «солнце», «луна», «земля», «вода», «белый», «пять» и т. п., являются общечеловеческими. Однако номинация (наименование) этих понятий в разных языках происходила по-разному.

Поэтому изучение способов номинации и ее структурных особенностей в различных языках представляет большой научный интерес. Известно, что еще древнегреческие ученые высказывали различные мнения о взаимоотношении слов и вещей. И в средние века не было единого мнения по этому вопросу между реалистами и номиналистами. В дальнейшем в работах выдающихся представителей общего и теоретического языкознания В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра этот вопрос получил более основательную и научно обоснованную интерпретацию.

Исследование слова и словосочетания как номинативного средства языка занимает особое место в работах основателей Пражского лингвистического кружка. В своих тезисах, представленных на Первый съезд славистов (1929), они предлагали даже изучение данной проблемы выделить в особый раздел языкознания под названием «Теория лингвистической номинации»¹. В последние годы разработке этой проблемы стали больше внимания уделять и советские языковеды².

В узбекском языкознании, как известно, сделано немало по изучению слова в аспекте традиционной лексикологии и словообразования. Однако в плане общей теории номинации оно до сих пор не изучалось.

Всякий язык располагает определенными номинативными средствами, с помощью которых именуются элементы внеязыковой действительности: предметы, действия, качества и т. п.

Универсальными способами номинации, присущими всем языкам мира, являются: 1) внутренний способ: а) образование новых слов; б) переосмысление существующих слов; в) образование словосочетаний и 2) внешний способ: заимствование слов. Эти способы позволяют образовывать многочисленные номинанты — наименования предметов и явлений.

Слово как основная знаковая единица языка имеет план выражения (означающее) и план содержания (означаемое). Как отмечает

¹ В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть II, М., 1965, стр. 127—128.

² См.: «Языковая номинация (Общие вопросы)», М., 1977; «Языковая номинация (Виды наименований)», М., 1977; «Способы номинации в современном русском языке», М., 1982.

Ф. де Соссюр: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна... Так, понятие „сестра” не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков с-е-с-т-р-а; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков»³. Под термином «означающее» Ф. де Соссюр понимает акустический образ слова, а под термином «означаемое» — само понятие. Однако при решении данного вопроса необходимо учитывать и связь понятия с его источником — денотатом (референтом). Изучение взаимоотношения членов триады — предмет (денотат) — понятие (сигнификат) — фонетический образ слова — важнейшая проблема материалистической философии и языкознания.

Фонетический образ слова является произвольным и не имеет прямой связи с предметом (денотатом) и понятием о нем (сигнификатом). К. Маркс указывает на это обстоятельство: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой»⁴.

Что же касается плана содержания слова, то он в той или иной степени связан с предметом (денотатом), ибо в содержании слова находит отражение основной и наиболее существенный признак предмета. Таким образом, «во-первых, фонетическое слово выступает знаком смысла (сигнификата); во-вторых, фонетическое слово вместе со своим смыслом (сигнификатом) выступает знаком предмета (денотата, референта)»⁵.

Одним из основных принципов номинации является мотивация. Известно, что каждый предмет, каждое явление имеет множество признаков. Однако отразить в названии какого-либо предмета или явления указания на все эти признаки практически невозможно. Поэтому достаточно указать лишь на один наиболее характерный признак. Например, в узбекском языке в основу названия птицы *какку* 'кукушка' положен издаваемый этой птицей крик; в русском языке мотивировка этого слова такая же. Значит, данный признак лег в основу наименования этой птицы в обоих языках.

Л. Фейербах весьма удачно охарактеризовал такую особенность названий: «Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности». В. И. Ленин приводит эти слова в «Философских тетрадях» с пометкой «хорошо сказано!»⁶.

Основной признак, по которому получает свое название тот или иной предмет, А. А. Потебня называет «представлением» или «внутренней формой». Во многих словах узбекского языка представление проявляется вполне ясно: *боғбон* 'садовник', *белбоғ* 'пояс', *кунгабоқар* 'подсолнечник', *музёрар* 'ледокол'. Однако в ряде слов, особенно непроизводных, это представление исчезает: «В слове рыба, — пишет А. А. Потебня, — содержание не представляется никак, а потому представления в нем вовсе нет, оно потеряно»⁷. Таким образом, в современных языках существуют слова мотивированные и немотивированные.

³ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, стр. 100—101.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 110.

⁵ Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 9—10.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 74.

⁷ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М., 1964, стр. 146.

Языки мира, помимо своих структурно-типологических особенностей, различаются и по степени мотивированности слов. По этому поводу Ф. де Соссюр пишет: «Во всех языках имеются двоякого рода элементы — целиком произвольные и относительно мотивированные — но в весьма разных пропорциях, — и эту особенность языков можно использовать при их классификации»⁸. Языки, в которых немотивированность достигает своего максимума, Ф. де Соссюр назвал лексическими, а те языки, в которых она снижается до минимума, — грамматическими⁹.

Немотивированные слова состоят в основном из однокоренных непроемных основ. У них первичная мотивация, по-видимому, утрачена. Однако путем этимологического анализа можно в ряде случаев установить мотивированное отношение их элементов. Например, *ёмгир* < *ёмур* 'дождь' (от гл. *ём* 'лить'), *қовурға* < *қапурға* 'ребро' (от гл. *қап* 'покрывать'); *тўқсон* 'девятисто' (от *тўққиз* 'девять' и *ён* 'десять'). К подобным словам можно отнести и многие заимствования из других языков: *гастроном* от фр. 'желудок', 'знаток тонких кушаний', *баскетбол* от англ. 'корзина' и 'мяч', *астойдил* < *аз тахи дил* 'из глубины сердца' (перс.).

Большая часть мотивированных слов является производной. Поэтому мотивация непосредственно связана со словообразованием. В мотивации имеются два элемента: мотивирующий и мотивированный. Первый — мотив, на котором основано наименование, второй — номинант, образованный на основе первого (мотивирующего) элемента. Например, *фарғоналик* 'ферганец': лексическая морфема *Фарғона* (название города) послужила мотивом производного слова *фарғоналик* 'человек, живущий в Фергане'.

Интересно отметить, что при наименовании в разных языках одного и того же предмета или явления мотивом могут служить его разные признаки. Например, в русском языке слово «подснежник» мотивировано признаком раннего появления этого цветка (еще под снегом). А в узбекском языке название этого растения *бойчечак* досл. 'богатый цветок' мотивировано значением, которое имеет его корень.

Известны и случаи, когда в разных языках название одного и того же предмета основывается на одной и той же мотивировке. Например, узб. *ниначи/нинача* и перс. *сўзанак* 'стрекоза' образованы по одной модели: *нина/сўзан* 'игла' и *-ча/-ак* (аффикс уменьшительности). Как видно, в обоих языках в основу названия положено определенное сходство этого насекомого с иглой.

Мотивация наблюдается почти во всех знаменательных словах. Но чаще всего она характерна для имен существительных, прилагательных и глаголов.

В узбекском языке можно выделить фонетический, морфологический, синтаксический и семантический способы мотивации.

1. Фонетический способ. При этом способе мотивация основана не на семантике той или иной части слова, а на каком-либо внеязыковом признаке предмета. Этот способ характерен в основном для звукоподражательных слов. «Звуковая материя языка дает возможность в той или иной мере имитировать (подражательно воспроизводить) такой признак, как характерное звучание предмета»¹⁰. По мнению некоторых

⁸ Ф. де Соссюр. Указ. раб., стр. 165.

⁹ Там же.

¹⁰ Ю. С. Маслов. Введение в языковедение. М., 1975, стр. 137.

исследователей, наиболее богаты звукоподражательными словами (мимемами-имитативами) тюркские языки¹¹.

В современном узбекском языке употребляются, хотя в весьма ограниченном количестве, такие звукоподражательные слова, как *тақ-туқ*, *қарс-қурс*, *дук-дук*, *ғарч-ғурч* и т. д. Сюда же следует отнести метафорическое употребление некоторых слов в детской речи: *вов-вов* 'собака', *миёв* 'кошка', *ди-дит* 'машина'. Данным способом образованы слова *шаршара* 'водопад', *какку* 'кукушка'. Этот способ Ю. С. Маслов называет «изобразительной мотивированностью»¹².

2. Морфологический способ. Он непосредственно связан с аффиксальным словообразованием. Значение корня мотивирует значение производного слова: *темирчи* 'кузнец' (*темир* 'железо'), *сайловчи* 'избиратель' (*сайлов* 'выборы'), *ўроқ* 'серп' (*ўр* 'косить'), *деворий* 'стенная' (*девор* 'стена').

Следует отметить, что в морфологическом способе мотивации определенную роль играет и значение словообразующего аффикса. Ср.: *пахтакор* 'хлопкороб', *пахтазор* 'хлопковое поле', где аффиксы *-кор* и *-зор* выражают соответственно наименование деятеля и местонахождение. Особенно отчетливо наблюдается мотивирующая роль аффиксов-антонимов *-ли* и *-сиз*, *бе-* и *ба-*: *мазали* 'вкусный', *мазасиз* 'невкусный', *бақувват* 'сильный', *беқувват* 'бессильный'.

3. Синтаксический способ. Весьма продуктивными способами образования новых номинантов являются словосложение и сочетание слов.

Как известно, при словосложении образуются новые сложные слова — единицы языка, а при сочетании слов — словосочетания — единицы речи. Однако и те и другие выполняют назывную функцию и являются номинативными средствами языка.

В узбекском языке путем сложения двух (реже трех) корней образуются новые сложные слова (компози́ты), значения которых мотивируются значениями компонентов: *кунгабоқар* 'подсолнечник', *учбурчак* 'треугольник', *гултожихўроз* 'петушиные гребешки'.

Аббревиация — особый способ композиции, при котором мотивировка как бы «скрывается». Путем расшифровки выясняются значения слов, входящих в словосочетания и определяющих мотив нового номинанта (аббревиатуры). Например, *БАМ* — Байкало-Амурская магистраль, *ЭХМ* — электрон ҳисоблаш машинаси ('электронно-вычислительная машина'). Сюда можно отнести и слово *ЛАВСАН* (лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук).

Словосочетания являются активным средством номинации, в которых реализуются огромные возможности номинативной функции языка. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что «в словаре 15—20% всех слов переводятся с помощью словосочетаний; это значит, что в другом языке нет однословных способов выражения данного понятия»¹³. Например, русские слова «теща» и «свекровь», обозначающие два разных понятия, в узбекском языке имеют только одно лексическое соответствие — *қайнона*. Чтобы передать точный смысл названных слов, приходится прибегать соответственно к словосочетаниям: *эрнинг онаси* и *хотиннинг онаси*. Наоборот, узбекские слова *ака* и *ука* переводятся на

¹¹ Г. Е. Корнилов. Теория имитативов, ностратика и тюркология.—В сб.: «Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции», Ташкент, 1980, стр. 18.

¹² Ю. С. Маслов. Указ. раб., стр. 137.

¹³ В. Г. Гак. Сравнительная типология русского и французского языков. М., 1983, стр. 223.

русский язык также описательным способом с помощью словосочетаний «старший брат» и «младший брат».

Реже номинативную функцию выполняет и предложение: «*Пўлат қандай тобланди*» — «Как закалялась сталь», «*Шундай кун келади*» — «Наступит день», «*„Ҳамма нарса аёллар учун“ комплекси*» — «Комплекс „Все для женщин“». В этих случаях предложение выступает как название художественного произведения, сценария и витрины¹⁴.

4. **Семантический способ.** Этот способ мотивации связан с различным семантическим переосмыслением слов: метонимией, метафорой, синекдохой. Если при морфологическом и синтаксическом способах мотивировка основана на значении компонентов слов или словосочетания, то при семантическом способе мотивировкой служит основное значение данного слова. Так, например, когда о человеке говорят *тулки* 'лиса', то подразумевается самый характерный признак этого хищника — хитрость. Основное (первоначальное) значение слова *кеча* 'вечер', 'ночь'. На его основе образовано новое слово, означающее торжественное, художественно-литературное мероприятие, посвященное какому-либо событию, проводимое обычно в вечернее время: *Янги йил кечаси* 'Новогодний вечер', *адабий кеча* 'литературный вечер' и т. д. По этому способу в узбекском языке образованы различные научные термины¹⁵.

Встречаются случаи, когда из одного корня последовательно образуются две или более производные основы. Например, *пахтакорлик* и *кўзбўямачилик*. В таких случаях каждое новое образование (основа) мотивируется только предшествующим значением: слово *пахтакорлик* 'хлопководство' мотивировано значением основы *пахтакор* 'хлопкороб', которая мотивируется значением корня *пахта* 'хлопок'. Следовательно, в компоненте *пахта* заключена нулевая мотивация, в *пахтакор* — первичная, а *пахтакорлик* — вторичная. О такой последовательной мотивации А. А. Потенция писал: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего»¹⁶.

По структуре мотиванта мотивацию можно подразделить на следующие виды: 1. **Первичная мотивация:** а) *какку* 'кукушка', *қарс-қурс* (звукоподражание), *вов-вов* (о собаке), *миёв* (о кошке); б) *темирчи* 'кузнец', *белбоғ* 'пояс'. Сюда можно отнести синкретные слова-омонимы типа «имя—глагол», значения которых взаимомотивируются; ср. *ич* 'внутренность' и *ич-* 'пить' (то есть глотать какую-нибудь жидкость); *оз* 'мало' и *оз-* 'худеть' (то есть становиться меньше весом); *ал* (древнетюркское) 'рука' и *ал-* 'брать', 'взять' (то есть взять что-нибудь в руки), *уч* 'вершина' и *уч-* 'летать' (то есть подниматься вверх).

2. **Вторичная мотивация:** а) *кукуламоқ* 'куковать', *миёвламоқ* 'мяукать', *чакка-* 'течь', *қарсақлар* 'аплодисменты'; б) *шоликорлик* 'рисоводство', *сувсизлик* 'безводье', *темирйўли* 'железнодорожник', *деворий газета* 'стенная газета', *учбурчак* 'треугольник'.

3. **Третичная мотивация:** *тўқимачилик* 'ткачество', *ўсимликишунослик* 'растениеводство', *асаларичилик* 'пчеловодство'. Сюда можно отнести и некоторые антропонимы и топонимы. Например, в современном узбекском языке редко встречается имя *Фурқат*. Давая это имя новорожденному, его родители имеют в виду прозвище известного поэта-

¹⁴ И. Расулов. Ҳозирги ўзбек адабий тилида бир составли гаплар, Тошкент, 1974. стр. 208.

¹⁵ Н. Маматов. Терминологик системаларнинг семантик усул билан бойиши. — Журн. «Ўзбек тили ва адабиёти», Тошкент, 1981, № 5, стр. 17—21.

¹⁶ А. А. Потенция. Мысль и язык. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания. Часть I, стр. 139.

демократа Фурката (1858—1909), первичное же (апеллятивное) значение этого арабского слова «разлука», послужившего мотивом для прозвания поэта-изгнанника.

Мотивация по объему (степени) бывает полная и неполная. В первом случае все компоненты участвуют в мотивации названия: *учбурчак* 'треугольник' и *қирқоёқ* 'сороконожка', *музёрар* 'ледокол', *кунгабоқар* 'подсолнечник' и др. Во втором случае номинант мотивируется только значением того или другого компонента: *сувса*- 'жаждать', *аррала* 'пили', *атиргул* 'роза'.

Таким образом, возникающие в языке новые слова образуются на основе мотивации, выражающей отношение между словом и предметом, позволяющей правильно отразить в слове качества и признаки объективной действительности.

Д. А. САЛИХОВА

ОБ ОДНОМ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время в отечественном языкознании появляется все больше работ, посвященных проблемам морфонологии¹. Тюркология также имеет заметные достижения в изучении этой области лингвистики². Несмотря на большой интерес, проявляемый к исследованию морфонологической структуры языка, до сих пор не имеется точного определения объекта изучения морфонологии. В последнем издании «Русской грамматики», где морфонологическим явлениям отводится значительное место, отмечается, что «основа мотивирующего слова может подвергаться в структуре мотивированного слова морфонологическим преобразованиям — преобразованиям фонемного состава, обусловленным сочетаемостью с определенными морфемами, входящими в состав форманта»³. Н. Е. Ильина пишет, что «термин морфонология (из морфофонология) обозначается та область науки о языке, которая изучает фонемы в составе морфем»⁴.

Хотя до сих пор нет единого определения морфонологии и далеко не все лингвисты выделяют морфону как ее исходную единицу, все высказанные мнения сходятся на том, что морфонология изучает изменения фонемного состава слов, возникшие в результате различной сочетаемости морфем, то есть изучает преобразования фонем при их формо- или словозменении, при формо- или словообразовании.

Со времени становления морфонологии как особой лингвистической дисциплины особо выделяется ее типологический аспект. Так, один из основоположников морфонологии Н. С. Трубецкой, отмечая нетождественность в разных языках мира структуры морфем, а также и то, что противопоставление морфем разных классов основано на фонологическом различии образующих их последовательностей, подчеркивает важность этого обстоятельства для типологии⁵.

Несмотря на то, что по своей морфологической структуре русский язык относится к флективному типу языков, а татарский — к агглюти-

¹ Достаточно полная библиография этих работ приводится в следующих исследованиях: Н. Е. Ильина. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980; Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. Морфонология в описании языков, М., 1983 и др.

² В. И. Золотов. Фонология и морфонология в агглютинативных языках. Новосибирск, 1980; А. А. Юлдашев. Сведения по фонеморфологии. — В кн.: «Грамматика современного башкирского литературного языка», М., 1981, и др.

³ «Русская грамматика», т. I. М., 1982, стр. 413.

⁴ Н. Е. Ильина. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980, стр. 7.

⁵ Н. С. Трубецкой. Некоторые соображения относительно морфонологии. — В кн.: «Пражский лингвистический кружок», М., 1967.

нативному и в морфонологической структуре этих языков имеются существенные различия, работы по русской морфонологии играют важную роль при изучении проблем и тюркской морфонологии.

На наш взгляд, наиболее приемлемую точку зрения высказывает М. З. Закиев: «Морфонология—это все случаи или система звуковых и фонемных изменений морфем в процессе их применения во всевозможных окружениях»⁶. Убедительна и его трактовка морфемны как объединяющей «звуки или фонемы, чередующиеся при применении морфем в различных позициях»⁷. Например, *син+нең=синең* 'ты—тебя или у тебя'; конечная фонема [н] при соседстве другой фонемы [н] следующей морфемы—«исчезает», или, как говорят, происходит совмещение этих двух фонем, в результате чего возникает возможность выделить морфему: (н-Ø). Другой пример: конечная фонема формы повелительного наклонения *ак-* 'течь' в позиции рядом с фонемой [а] (аффикс, образующий форму настоящего времени) чередуется с фонемой [ҫ]: *ак+а=ага* 'течет'; чередующиеся фонемы [к] — [ҫ] объединяются в морфему (к-ҫ). Само же чередование фонем—одно из самых распространенных морфонологических явлений в татарском языке.

Настоящая статья посвящена другому морфонологическому явлению в татарском языке—усечению основы (поглощению фонемы). Попытаемся выделить образующиеся при этом морфемы. Рассматривая морфему как комплекс фонетических единиц, чередующихся в морфемах при морфологических преобразованиях, проследим за тем, как происходит при этом усечение основы татарского слова в различных частях речи татарского языка.

Как правило, усечение основы возникает за счет выпадения отдельных фонем, реже—нескольких (комплекса) фонем. Степень распространенности этого морфонологического явления, так же как и его причины, для отдельных частей речи различны.

1. В именах существительных: а) при присоединении к основе или корню аффиксов категории принадлежности: *милек+е=милке* 'имущество — его имущество' образуется морфема (е-Ø), которая возникла в результате чередования фонемы [е] с нулевой фонемой [Ø]; *хольк+ы=холькы* 'характер — его характер': морфема (ы-Ø); б) при образовании уменьшительно-ласкательной формы от ряда существительных: *эни+кәй=энкай* 'мама—мамочка', *эти+кәй=эткәй* 'папа—папочка'; в этих примерах выделяется морфема (и-Ø), так как подвергается усечению конечная фонема основы [и]; в) *абый+кай=абыкай* 'дядя—дяденька': (й-Ø) и др.

2. В прилагательных: а) при образовании ряда прилагательных от именных корней: *шигырь+и=шигыри* 'стих—поэтический', выделяется упоминавшаяся выше морфема (ы-Ø), *төрөк+и=төрки* 'тюрök—тюркский': (е-Ø), *гыйлем+и=гыйльми* 'знание—научный' и т. д.; б) при образовании уменьшительной степени прилагательных: *сары+гылт=саргылт* 'желтый—желтоватый': (ы-Ø), *эче+келт=эчкелт* 'кислый—кисловатый': (е-Ø).

При образовании некоторых имен существительных от прилагательного, если существительное начинается, а прилагательное оканчивается на гласный, происходит выпадение конечной фонемы первого компонента: *сары+ут=сарут* 'желтый+огонь (травa)=пырей' (ы-Ø).

⁶ М. З. Закиев. О тюркской морфонологии.—«Советская тюркология», 1984, № 1, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 41.

3. В местоимениях усечение основы происходит, как правило, за счет согласных фонем. Например, в результате различных позиций морфем местоимения *ул* и *шул* обнаруживают следующие чередования: *ул+га=аңа* 'он—ему', *ул+ны=аны* 'он—его', *ул+лар=алар* и т. п. На морфемном шве усекается фонема [л] и образуется морфонема (л-Ø). Это морфонологическое явление здесь осложняется другим морфонологическим явлением — чередованием начальных фонем; чередуются фонемы [у] и [а], образуя морфонему (у-а). При преобразовании другого местоимения *шул* происходит только чередование конечной фонемы с нулевой фонемой, то есть усечение: *шул+лар=шулар* 'тот—те', *шул+ны=шуны* 'тот—того', *шул+да=шунда* 'тот—там', *шул+га=шуңа* 'тот—тому'; в двух последних примерах усечение основы также усложняется другими морфонологическими явлениями — чередованием (л-н) [*шунда*] и (лг-ң) [*шуңа*] и т. п. Эти чередования в местоимениях, видимо, объясняются историческими процессами, происходившими в языке (с этой точки зрения местоимения представляют весьма своеобразную часть речи: местоимениям свойственно множество подобных чередований).

4. В числительных наблюдается следующее: при образовании собирательных числительных посредством суффиксов *-ау*, *-ау* конечные фонемы [ы] и [е] чередуются с нулевой фонемой: *алты+ау=алтау* 'шесть—вместером': (ы-Ø), *ике+ау=икау* 'два—вдвоем' возникает морфонема (е-Ø). Это происходит только в случаях образования собирательных числительных от мотивирующих основ на краткий гласный. Также: *алты+мыш=алмыш* 'шесть—шестьдесят': (ы-Ø).

5. В глаголах усечение основы наблюдается в нескольких случаях: а) при образовании глаголов от именных корней посредством глаголообразующих аффиксов: *уйын+ый=уйный* 'игра—играет': (ы-Ø), *яшен+и=яшьни* 'молния—сверкает молния': (е-Ø), *туры+ай=турай* 'прямой—выпрямляться': (ы-Ø); б) при образовании изъявительных форм наклонения от повелительной формы глаголов: *курык+а=курка* 'бойся—боится': (ы-Ø); в) при образовании имен от глагольных основ: *утыр+ау=утрау* 'сядь—остров': (ы-Ø); г) при образовании причастных форм или имен от основы глагола повелительного наклонения усечение происходит также за счет гласных [ы] и [е]: *укуы+учы=укучы* 'читай—ученик': (ы-Ø), *бийе+уче=бийүче* 'танцуй—танцовщик или тот, который танцует': (е-Ø) и т. д.; д) при образовании составных глаголов, когда на морфемном шве встречаются два гласных, происходит усечение одного из них: *бара+ала=барала* 'может идти': (а-Ø), *көт+ала=көтала* 'может ждать' и т. п.; е) при образовании составных глаголов встречается еще один тип усечения: *алып+бар=аппар* 'веди, неси', *алып+куй=апкуй* 'забери' и т. п. В этих формах глагола с нулевой фонемой чередуется комплекс фонем [лы], в результате чего образуется морфонема: (лы-Ø). Последние два примера характерны лишь для разговорной речи, то есть в орфографии не фиксируются.

В морфологической структуре татарского языка особое место занимают слова, образованные путем повтора первого компонента (слова). В лингвистической литературе это явление освещается довольно полно, и исследователи отмечают, что при данном способе словопроизводства происходят различные изменения фонемного состава слов⁸.

⁸ «Современный татарский литературный язык», М., 1969, стр. 156; Ф. А. Ганиев. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982, стр. 54; Ф. Г. Галлямов. Лексико-грамматические особенности повторов в современном татарском языке. Автореф. канд. дисс., Казань, 1983, стр. 7.

Следует отметить, что слова, образованные посредством редупликации, нередко обнаруживают выпадение различных фонем из их состава. В основном это наблюдается в первом компоненте словоформ. Рассматривая повторы как случаи словопроизводства и результат различной сочетаемости морфем, правомерно считать возникающие при этом чередования морфонологическими (речь идет о словах типа *кап-карт* 'совсем старый', *яп-яшь* 'совсем молодой' и т. п.).

Нам кажется целесообразным обратить особое внимание на морфемы, выделяющиеся при образовании превосходной степени прилагательных посредством редупликации. Второй компонент в этих случаях представляет собой полнозначное слово, а первый компонент является усеченным вариантом второго. Это и дает право считать такого рода изменения аналогичными усечению основы. Однако при редупликации, в результате усечения первого компонента, образуется морфема иной модели. В приведенных выше случаях морфемы представляли собой фонетическую единицу, объединяющую фонему (комплекс фонем) и нулевую фонему. В данном же случае образуется морфонема, объединяющая комплекс фонем с отдельной фонемой. Дело в том, что при редупликации морфонологическое явление усечения основы сопровождается обязательной вставкой какой-либо фонемы в конце первого компонента. Простым чередованием фонем это явление назвать нельзя, так как обязательно усекается определенная часть основы первого слова.

Приведем примеры таких морфем:

(*ры-п*). Эта морфонема образуется в нескольких случаях: *сары+сары=сап-сары* 'изжелта желтый', *коры+коры=коп-коры* 'очень сухой', *туры+туры=туп-туры* 'очень прямой' и т. п. Как видно из этих примеров, во всех приведенных случаях усекается комплекс *ры* в первом компоненте, однако чередуется этот комплекс не с нулевой фонемой, а с фонемой [*п*]:

(*ра-п*): *кара+кара=кап-кара* 'иссиня черный';

(*зыл-п*): *кызыл+кызыл=кып-кызыл* 'очень красный';

(*ңгәр-п*): *зәңгәр+зәңгәр=зәп-зәңгәр* 'очень синий';

(*шел-м*) или (*шел-п*): *яшел+яшел=ямь-яшел* или *яп-яшел* 'очень зеленый';

(*мәхә-п*): *шәмәхә+шәмәхә=шәп-шәмәхә* 'сильно фиолетовый';

(*йаз-п*): *айаз+айаз=ап-айаз* 'очень ясный (день, погода)';

(*рт-п*): *карт+карт=кап-карт* 'очень старый';

(*рес-п*): *дәрес+дәрес=дәп-дәрес* 'совершенно верно';

(*за-п*): *таза+таза=тап-таза* 'совершенно здоровый';

(*гез-п*): *тигез+тигез=тип-тигез* 'очень прямой, ровный';

(*раңгы-п*): *караңгы+караңгы=кап-караңгы* 'очень темно, темный'

и т. п.;

(*лкын-п*): *салкын+салкын=сап-салкын* 'очень холодный';

(*йнар-п*): *кайнар+кайнар=кап-кайнар* 'очень горячий'.

С первого взгляда может показаться, что почти все прилагательные при образовании превосходной степени подвергаются такого рода чередованиям, однако в речи отсутствуют такие сочетания, как *эп-эссе*, *яп-ямьсез*, *яп-ялкау* и т. п.

Выше нами приводились самые распространенные чередования, наблюдаемые при редупликации прилагательных. Как видно из примеров, почти во всех случаях в морфонемах объединяются комплекс фонем и фонема [*п*]. Активное участие фонемы [*п*] при образовании редулированных прилагательных, видимо, объясняется тем, что при ее

произношении никакой дополнительной артикуляции не требуется и что она очень легка для произношения.

Комплексы фонем, подвергающихся усечению, которые можно объединить в морфонеми, весьма различны: они могут состоять из двух фонем: (*ры-п*) [*сап-сары*], из трех: (*зыл-п*) [*кып-кызыл*], из четырех: (*мэхэ-п*) [*шэп-шэмэхэ*], из пяти: (*раңгы-п*) [*кап-караңгы*] и т. д. Иначе говоря, количество фонем, входящих в данный комплекс, не ограничивается.

Подводя итог особенностям такого морфонологического явления в татарском языке, как усечение основы (или выпадение фонем), можно отметить следующее:

1. Во многих случаях усечение основы происходит за счет кратких гласных [*ы*] и [*е*], что объясняется их подверженностью редукции. Усечение согласных фонем наблюдается в большей степени в прилагательных превосходной степени, образованных посредством редупликации, и в местоимениях.

2. Усечение основы слова является результатом чередования фонем (комплекса фонем) с нулевой фонемой; образовавшаяся при этом морфонема в основном имеет следующий вид: (Φ - $\emptyset$), где Φ означает конкретную фонему или несколько фонем. Морфонема другой модели образуется в прилагательных-повторах.

3. Среди случаев усечения наблюдаются различные виды образования: одни из них являются достаточно типизированными и могут быть подведены под ныне действующие фонетические закономерности (редукция кратких гласных в соседстве с сонантами: *халкы*, *шигъри* и т. п., стремление избежать зияния двух гласных: *көтәлә*, *сарут* и т. п.), другие же являются индивидуальными, не подходящими под определенные типовые явления, например, в местоимениях.

4. Невозможно, по-видимому, объяснить все факты усечения определенными фонетическими, морфологическими и историческими причинами. Однако в большинстве случаев усечение связано с устранением скопления однотипных или неудобопроизносимых фонемных сочетаний, для обеспечения благоприятных морфонологических условий сочетания морфем.

5. В усечении основы, видимо, определенную роль играет принцип экономии в языке.

6. В большинстве случаев усечения основы в татарском языке зафиксированы орфографией (*тап-таба* и др.).

7. Определенная часть примеров отмечена лишь в разговорной речи, существует как орфоэпическая норма (*көтәлә*, *апкит* и др.).

А. Н. НУРМАНОВ, М. М. САИДХАНОВ

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

В процессе общения в речи реализуются дискретные единицы языка. Однако эта реализация может осуществляться посредством и таких способов общения, как жест, мимика и т. д. Все это в целом составляет коммуникативное поведение человека, в котором речь представляет собой лишь один из его видов¹.

Паралингвистика, как известно, является языковедческой дисциплиной, занимающейся изучением факторов, участвующих в передаче информации и сопровождающих речевое общение².

Большинство авторов такие суперсегментные средства общения, как жесты и мимика, сопровождающие речь и участвующие в передаче информации, относят к паралингвистике. Известно, что паралингвистические средства универсальны и присущи всем языкам, однако они могут быть и специфическими, свойственными только носителям какого-то определенного языка. Носителю национальной жестовой системы, бытующей у данного народа, она кажется настолько естественной и органичной, что он даже не задумывается над тем, что в другой национальной среде она может оказаться непонятной³. Поэтому при изучении другого языка немаловажную роль играют и паралингвистические средства, которые в тюркских языках до сих пор не были объектом специального исследования. В настоящей статье основным объектом исследования являются паралингвистические средства узбекского языка, использующиеся в функции утвердительной и отрицательной конструкции, то есть в функции субститутивной.

В процессе коммуникации паралингвистические средства, сопровождающие речь, порой, при необходимости, могут ее полностью заменять. «Возможная избыточность, — пишет Г. В. Колшанский, — при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания в естественных условиях снимается по разным причинам путем элиминирования чисто языковых средств и одновременного включения в коммуникацию экстралингвистических средств, подкрепляющих абсолютную однозначность конкретного речевого акта»⁴. Именно в этих условиях паралингвистиче-

¹ В. А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, стр. 217.

² Г. В. Колшанский. Паралингвистика. М., 1974, стр. 6.

³ Г. М. Николаева. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка. — В сб.: «Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного», М., 1969, стр. 60.

⁴ Г. В. Колшанский. Указ. раб., стр. 8.

ские средства и компенсируют недостающий минимум в семантике вербальной структуры высказывания. Если обычное общение гарантирует однозначное восприятие высказывания путем использования всех «подстраховывающих» языковых средств, то в паралингвистической ситуации такая «страховка» вызывается необходимостью воспрепятствовать снятию структурной избыточности ниже допустимого уровня⁵.

Паралингвистические средства, являясь вспомогательными средствами при устной речи, служат для ее подтверждения, с одной стороны, в интерференции и для ее компенсации, с другой — в субститутивной функции. В письменной речи паралингвистические средства передаются описательным путем с помощью глаголов, выражающих мимику высказывающегося.

Специальные паралингвистические средства, выступающие в субститутивной функции в узбекском языке, можно подразделить на кинетические, мимические и фонетические.

В узбекском языке встречаются нижеследующие кинетические средства выражения, выступающие в субститутивной функции в утвердительных и отрицательных конструкциях.

Вертикальное и горизонтальное движения головы у большинства народов мира выражают утверждение и отрицание. В частности, у тюркских народов горизонтальное движение выражает значение «нет», вертикальное движение — значение «да». «Движение головы вперед и вниз, — пишет Р. О. Якобсон, — служит наглядным изображением преклонения перед требованием, желанием, предложением или мнением собеседника, оно же олицетворяет послушную готовность к утвердительному ответу на положительную постановку вопроса. Прямой противоположностью голове, склоненной вперед как бы в знак повинования, должна была бы служить голова, склоненная вперед, как бы в знак несогласия, расхождения, отказа, просто-напросто отрицательной позиции»⁶.

Утвердительные и отрицательные жесты распространены в трех разновидностях. Первая разновидность — наиболее распространенная — вертикальное движение головы как «утверждение», а горизонтальное — как «отрицание». Вторая разновидность условно называется «болгарским» жестом. Согласно этому жесту, отрицание выражается головой, откинутой назад, что символизирует отдаление от собеседника, отход от него, несогласие, отвергнутое предложение, отказ от положительного ответа на заданный вопрос. Утверждение же выражается покачиванием головы из стороны в сторону, что представляет собой явно вторичную форму, производную от ее отрицательного антонима⁷.

Третья разновидность распространена на отдельных территориях Средиземноморья: у греков в Афинах, в некоторых районах Южной Италии, в частности среди неаполитанцев и калабрийцев. Согласно этому виду, наклонным движением головы вперед выражается утверждение, а назад — отрицание. Таким образом, жесты, употребляющиеся тюрками для выражения утверждения или отрицания, совпадают с первым из указанных видов, который условно принято называть «русским».

Горизонтальное движение головы может иметь значение полного или частичного отрицания в диалогической речи. В данном случае происходит интерференция лингвистических и паралингвистических средств,

⁵ Г. В. Колшанский. Указ. раб., стр. 8.

⁶ Р. О. Якобсон. Да и нет в мимике. — В сб.: «Язык и человек», М., 1970, стр. 285—286.

⁷ Там же, стр. 287.

при этом паралингвистические средства субституируют отдельные части предложения, выражающие частное отрицание, утвердительная же часть остается прежней, то есть выражается лингвистическим путем. В таких случаях интерференция лингвистических и паралингвистических средств адекватна лингвистическим конструкциям типа *А эмас, балки Б*. Как известно, в каждом языке существуют самые различные глаголы, обозначающие жесты и мимику. В узбекском языке отрицательное движение головы передается словосочетаниями *бошини чайқади, бошини сарак-сарак қилди, калласини бош-бош қилди* 'покачал головой' и т. д., а утвердительное движение головы — словосочетанием *бошини қимирлатди* 'кивнул головой'. Например: 1) *Енида ўтирган ағлам унинг сўзини маъқуллаб, бошини қимирлатди* (А. Қаҳҳор) 'Сидящий рядом богослов, перебив его речь, кивнул головой'. 2) *Мана бу Очил буванинг ўғлими?* 'Это младший сын деда Очила?' 3) *У бошини чайқади ва деди: — Уртанчиси* 'Он покачал головой и сказал: — Средний сын'.

Данная конструкция составляет одну парадигму с конструкцией *Бу Очил буванинг кичик ўғли эмас, балки ўртанчиси* 'Это не младший, а средний сын деда Очила', все члены которой выражены лингвистическим способом. В диалогической речи горизонтальное движение головы может быть ответом на предикат вопросительного предложения. В таких случаях это движение полностью заменяет лингвистические средства и выражает общее отрицание. Например: — *Бирор жойинг оғрияптими? Бола бошини чайқабди* («Сув одами». Югославская сказка) '—Где-то болит? Ребенок покачал головой'.

Если горизонтальное движение головы повторяется более двух раз, то это движение выражает уже не отрицание, а эмоциональное отношение говорящего к высказыванию, например: наслаждение, восхищение, жалость и т. д. Многократное движение головы, выражающее одно из этих значений, описывается собеседником вербальным способом. Глаголы мимики употребляются в функции сказуемого, а определяющий член — в функции обстоятельства. Например: *Камалхонов нонни бир илож қилиб еди ва мазза қилганига ишора қилиб бош чайқади* (А. Қаҳҳор) 'Камалханов съел кое-как хлеб и, выражая удовольствие, покачал головой'. *Саида унинг маътовлариға жуда аҳамият бериб, «Умидага қойил» деган маънода бош чайқади* (А. Қаҳҳор) 'Придавая большое значение ее похвалам, Саида в знак одобрения («молодец Умида») покачала головой'. *Қаландаров «Эсимга солма» деган маънода бош чайқаб: — Қани, дуторни ол!—деди* (А. Қаҳҳор) 'Каландаров покачал головой в смысле: «Не вспоминай!» и сказал: — А ну, подай дутор!'.

После горизонтального движения головы в иных случаях употребляется лингвистическое средство, хотя оно является избыточным. Например, на вопрос — *Аканг келдими?* 'Брат пришел?' следует горизонтальное движение головы, а затем и словесный ответ: *Келгани йўқ* 'Не пришел'. Данное движение здесь не является суперсегментным. Паралингвистические и лингвистические средства не наслаиваются друг на друга по времени, они употребляются линейно. В данном случае паралингвистические средства не сопровождают лингвистические. Здесь происходит интерференция лингвистических и паралингвистических средств. Ср. с сопровождением вербальной речи: *Эргашев — мажлис раиси — лабини бурди ва бош чайқаб: — Мен ҳеч қандай мақола ёзган эмасман, сизга ҳеч нарса деганим йўқ,—деди* (А. Қаҳҳор) 'Эргашев — председатель собрания — искривил губы и, качая головой, сказал: «Я не писал никакой статьи и вам ничего не говорил»'..

Таким образом, и у тюркских народов горизонтальное движение головы противопоставляется ее вертикальному движению, при этом выражаются два противоположных значения. Это свидетельствует о том, что в противопоставлении паралингвистических средств наблюдается определенная системность.

У тюркских народов, помимо движения головы, отношение к сказанному выражается также движением руки, пальцев, плеча и т. д.

Отрицание выражается следующими жестами:

1. Поднятие плеча в сторону головы или сокращение угла между плечом и головой в результате наклона головы в сторону плеча означают незнание предмета информации. Это движение эквивалентно таким глаголам, как *билмадим* 'не знаю', *хабарим ййқ* 'об этом мне неизвестно', *хайронман* 'мне неизвестно', и в процессе речи может substituirовать указанные вербальные средства. Например: *Олдин бир-икки-та ишимни бажариб олай* 'Сначала выполню несколько дел'. *Қанақа иш?* — *Абдувоҳид унга норозилик билан* '«Какое дело?» — спросил укоризненно Абдувоҳид'. — *Театр масаласидаги иш чала қолганди-ку* 'Дело относительно театра осталось ведь незавершенным'. — *Абдувоҳид хафсаласизлик билан қўл силтади* 'Абдувоҳид нехотя махнул рукой'. — *Қўйсанг-чи.* — *Шерзод елкасини қисди* (У. Ҳошимов) 'Да брось. — Шерзод пожал плечами'. *Қози «бўлмайди» дегандай елкаларини учирди* (М. Исмоилий) 'Қози пожал плечами: «Не пойдет»'.

Иногда после указанного кинетического средства для конкретизации мысли употребляется вербальная конструкция, выражающая предположительное модальное значение. Например: *Джурабоев таажжуб ичида елкаларини қисди*: — *Эхтимол, мен бўлиқ гўзаларни кўргандирман* 'Джурабаев удивленно пожал плечами: «Вероятно, я видел зрелые кусты хлопчатника». *Ойқиз елкасини қисиб қўйди. Ииллар ўтиши билан одамлар ҳам ўзгариши мумкин* 'Ойқиз пожал плечами: «С годами и люди могут меняться»'.

Здесь кинетические средства употребляются для отрицания сказанного говорящим о предмете разговора до момента акта коммуникации, а вербальные средства выражают мнение, противоположное предшествующему высказыванию.

Изменение логического ударения в составе вопросительного предложения не изменяет значения кинетического средства, так как последнее не выражает конкретный ответ. В таких случаях говорящий отрицает свою осведомленность о спрашиваемом предмете или явлении. Поэтому и вербальный ответ, следующий после указанного кинетического средства, будет предположительным, неопределенным.

Данное кинетическое средство не выражает отрицания столь же решительно и определенно как движение головы. Движение плеча выражает только один полюс вербальной оппозиции.

Наиболее активным кинетическим средством является движение рук, посредством которого передается самая различная информация. Данное движение, так же, впрочем, как и другие паралингвистические средства, употребляется в трех функциях: может сопровождать речь, или же может частично или полностью заменить вербальную конструкцию. Здесь мы остановимся только на тех движениях рук у узбеков, которые выражают отрицание.

1. Открытые ладони с вытянутыми пальцами и вертикально поднятыми кистями движутся горизонтально. Это движение является полисемантическим, но главная и общая сема при этом — отрицание. Оно выражает следующие семы:

а) запрещает совершение определенного действия и является пара-

лингвистическим эквивалентом слова *қилма* 'не делай';

б) прерывает речевой процесс собеседника, будучи функционально тождественным слову *гапирма* 'не говори';

в) запрещает движение собеседника и функционально тождественно словам: *келма* 'не приходи', *борма* 'не ходи', *юрма* 'не двигайся';

г) запрещает собеседнику касаться чего-либо и тождественно слову *тегма* 'не трогай', 'не прикасайся';

д) отрицает существование чего-либо, то есть замещает слово *йўқ* 'нет' и т. д.

2. Открытая ладонь с вытянутыми пальцами (обычно правой руки) и вертикально поднятой кистью опускается в переднем направлении. Это движение выражает несогласие говорящего с собеседником, запрещает выполнение определенного действия. Например: — *Тўрам, узр, билмасдан айтди, кечиринг. Ҳоким ница қаҳрланиб турди, кейин қўлини силтаб, ясовулни қайтарди* (М. Исмоилий) '«Мой бек, извините, он сказал не подумав». Возмущенный Хаким постоял немного, затем отпустил ясаула, махнув рукой'.

3. Кисть с открытой ладонью в сторону от говорящего и с вытянутыми пальцами поднимается вверх. Это движение употребляется для прекращения действия собеседника, для запрещения этого действия. Оно компенсирует отрицательную конструкцию, сказуемое которой выражено отрицательной формой глагола на *-ма*. Порой после этого движения рук следует слово *бас*, которое выражает значение «хватит», «прекрати». Например: *Ихтиёрсиз олдинга интилди-ю, бир нима демоққа чоғланди. Лекин Маҳдум ўнг қўлини кўтарди. — Бас! — деди у* (М. Исмоилий) 'Невольно подался вперед, хотел что-то сказать, однако Махдум поднял правую руку.—Хватит!—сказал он'.

Упомянутые выше первое, второе и третье движения рук для выражения отрицания взаимосвязаны и имеют общее происхождение. О последнем Р. О. Якобсон пишет: «Открытые ладони с вытянутыми пальцами, поднятыми как бы в знак отпора и обороны перед собеседником — таков изобразительный жест, сопровождающий или заменяющий мимическое „нет“». У многих народов на обоих полушариях кисти рук в этом жесте движутся либо вперед либо назад, как бы парируя собеседника, либо из стороны в сторону, словно от него отгораживаясь, отмахиваясь, отталкиваясь⁸.

4. Открытые вверх ладони обеих рук с вытянутыми пальцами разводятся в стороны. Это движение, следующее после вопросительного предложения в качестве ответа или сопровождения ответного (то есть повествовательного) предложения, отрицает осведомленность о спрашиваемом предмете, действии или явлении. Оно является паралингвистическим эквивалентом вербального *билмайман* 'не знаю'. Такой кинетический знак вербально передается выражением *қулочини ёзди* 'развел руками'. Например: *Усманов ҳар ҳолда шубҳаси борлигини кўрсатиб, қулочини ёзди* 'Все же Усманов, демонстрируя свое подозрение, развел руками'.

Отрицание может выражаться одновременно кинетическими и мимическими движениями. В частности, узбек прикасается указательным пальцем к вытянутым губам в знак отрицания (то есть запрещения) речевого акта собеседника, что является паралингвистическим эквивалентом вербального *гапирма* 'не говори', *чурқ этма* 'ни звука', *жим* 'тсс'.

⁸ Р. О. Якобсон. Указ. раб., стр. 286.

При пересказе данный паралингвистический знак вербально передается описательным путем конструкциями *лабига бармоқ босди* 'прижал палец к губам'. Например: *Очил бува мўйловининг бир учи билан кулиб, лабига бармоқ босди: жим* (А. Мухтор) 'Усмехнувшись в усы, дед Очил прижал палец к губам: тсс'.

Суперсегментные средства. Кроме кинетических и мимических средств, вербальную речь сопровождают суперсегментные средства: голосовой тон, различная громкость и оттенки в артикуляции звуков и т. д.

О данном явлении Е. Д. Поливанов пишет: «Не надо думать, что эти стороны речевого процесса есть нечто не подлежащее ведению лингвистики, т. е. науки о языке. Только, разумеется, рассмотрение этих фактов (мелодизации, жестов и прочих аксессуаров речи) составляет особый самостоятельный отдел лингвистики»⁹.

В узбекском языке существует особый звукотип, который выражает отрицание, но не отнесен еще ни к лингвистическим, ни к паралингвистическим явлениям. Этот звукотип функционально тождествен слову *йўқ* 'нет'. Например: — *Сен мактабга борасанми?* — *Це* 'Ты пойдешь в школу? — Нет'. Порой он употребляется тавтологически и тогда выражает два значения: 1) отрицание и 2) удивление. В первом значении он выступает в функции отрицательного глагола, а во втором — в функции междометий *бай-бай, вай-вай*. Например: *Мана бу боғнинг гўзаллигини қара, це, це, це!* 'Взгляни на красоту этого сада, ох-ох-ох!'. В большинстве случаев его сопровождает горизонтальное движение головы. С этой точки зрения он относится к сегментным единицам, причем в отличие от обычных не может сочетаться с другими сегментными единицами.

К паралингвистическим средствам относятся явления, сопровождающие речь, то есть они выступают синхронно с лингвистическими средствами. Звукотип *це* отличается от паралингвистических средств цельно-оформленностью и неизменяемостью, приближаясь по значению к междометиям. Но междометия отличаются от других звуков, произносимых человеком (выкриков, стонов и т. д.) своей членораздельностью. Происхождение *це*, по всей вероятности, связано с движением головы, выражающим отказ от пищи. Данное движение относится к паралингвистическим, а звук, произносимый в результате этого движения, — к лингвистическим явлениям. Звукотип *це* не имеет своего коррелята.

Таким образом, у узбеков отрицание выражается движением рук, головы и частично совместным движением рук и губ. Мимические же средства при этом у узбеков не употребляются, в отличие от некоторых других народов. В частности, Р. О. Якобсон пишет: «Эти оба наклона головы действительно сопряжены с двумя взаимнопротивоположными движениями зрачков, глазных яблок и бровей — вниз в знак согласия и вверх в знак отрицания. Но и эти движения, так же как и названные сдвиги головы, в свою очередь, оказываются все-навсего сопроводительными, избыточными явлениями»¹⁰.

По сведениям Д. С. Пеллиот и А. Метраух, сходные движения встречаются у персов и полинезийцев.

Эти движения в процессе диалогической речи самостоятельно выражают отрицательную информацию и при их характеристике употребляются специальные глаголы. Поскольку денотатом последних являются отрицательные жесты, они, несмотря на их утвердительные формы,

⁹ Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 296.

¹⁰ Р. О. Якобсон. Указ. раб., стр. 288.

семантически выражают отрицание, что приводит к семантико-синтаксической ассиметрии данных конструкций. Следовательно, паралингвистические средства, употребляющиеся как функции лингвистических средств, теснейшим образом связаны с лингвистикой.

Переход паралингвистических средств в лингвистические происходит на основе постоянной связи первых (мимики, жестов и др.) с определенными значениями вторых. Так, например, слово *ййқ* всегда сопровождается горизонтальным движением головы, слово *ха* — вертикальным и т. д. В результате указанной связи возникает возможность функциональной замены лингвистических средств паралингвистическими. Аналогичным образом употребление в составе речи невербальных средств в качестве вербальных можно считать явлением вербализации.

Термин «вербализация» имеет два значения: 1) использование в функции глагола других частей речи, то есть «глаголизация»; 2) употребление невербальных средств в функции вербальных, то есть словесных¹¹.

В свое время выдающийся естествоиспытатель Ч. Дарвин, а в дальнейшем и известный лингвист Р. О. Якобсон на основе утвердительных и отрицательных двигательных знаков стремились выявить бинарный принцип их построения. Однако в процессе исследования паралингвистических средств, выражающих утверждение и отрицание, нам не удалось определить этот принцип образования структуры всех паралингвистических средств. Бинарное построение наблюдается только у некоторых из них. В связи с этим возникает вопрос, образует ли совокупность паралингвистических средств систему?

По общей теории системы элементы последней можно определить через другие элементы, то есть элементы каждой системы являются взаимообусловленными. В этом смысле язык образует систему. Элементы же паралингвистических средств, в частности жесты, не являются взаимосвязанными и взаимообусловленными (кроме горизонтального и вертикального движения головы) и определить один элемент жеста через другой не представляется возможным, ибо отсутствует иерархическая организованность по принципу от простого к более сложному, как это имеет место в системе языка.

Мы разделяем мнение Г. М. Николаевой и В. А. Успенского, что паралингвистические явления (исключая случаи специальных языков жестов) никогда не образуют системы в том смысле, в каком ее образует естественный язык¹².

Что же касается роли паралингвистических средств в коммуникации, то ее не следует преувеличивать, и поэтому нельзя согласиться с Г. М. Николаевой, утверждающей, что якобы в языке индейцев Америки, в языке ордена бенедиктинцев и других жесты могут выражать любое или почти любое сообщение¹³.

Нельзя согласиться также с тезисом Рифтина и Sommerfeldt, согласно которому усиленная жестикуляция свидетельствует о примитивности языка. Обращаясь к характеристике языка аранта, А. П. Рифтин отмечает, что без сопровождения жестов и вне конкретной речевой ситуации этот язык практически остается непонятным. «Наличие у аранта языка жестов, — пишет А. П. Рифтин, — является ценным сви-

¹¹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 73.

¹² Г. М. Николаева, В. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика. — В сб.: «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966, стр. 63—64.

¹³ Г. М. Николаева. Указ. раб., стр. 56.

детельством для меня... Общий характер языка аранта, начиная со значения слов и кончая структурой его предложений, требующих наглядных ситуаций в процессе речи, предполагает закономерно в качестве субстрата язык жестов»¹⁴. Основываясь на теории стадийности, А. П. Рифтин язык аранта считает находящимся на ранней стадии развития языка: «Наиболее раннюю стадию, которую я могу обнаружить на доступных мне языках родового общества, я нахожу у аранта (Австралия). Аранта живут матриархально-родовым строем, занимаясь собирательством и охотой...»¹⁵.

Парадоксальность этого тезиса легко обнаружить, проследив изменения определенных паралингвистических средств во времени на примере их проявления во французском языке. Французы, речь которых, как известно, в настоящее время сопровождается обычно значительной жестикуляцией, в XVI столетии жестикулировали очень скупом¹⁶. Если же исходить из тезиса А. П. Рифтина, то можно прийти к абсурдному выводу: в XVI веке французский язык был на более высоком уровне развития, нежели ныне.

Степень жестикуляции у разных народов различна и использование жестов в функции вербальных средств во всех языках земного шара очень ограничено. «Для всех нормальных людей, — пишет П. А. Рачков, — все средства общения, за исключением звукового (слухового) языка, имеют только подчиненные вспомогательные значения, ибо они не выступают в качестве обязательной стороны общественных отношений. Это в равной мере относится как к „языку жестов“ (зрительному языку), так и к „языку“ математической логики, графическому „языку“, „языку“ музыки и т. д.»¹⁷.

Вопреки точке зрения некоторых лингвистов (Н. Я. Марр, В. Гиньен, Трейгер и т. д.), утверждавших, что жестовый «язык» предшествовал звуковому, Э. Сепир писал: «Дар речи и упорядоченный язык характеризуют все известные человеческие общности. Нигде и никогда не открывали племени, которое не знало бы языка, и все утверждения противного — не более как сказки. Не имеют под собой никаких оснований и рассказы о существовании народов, словарный состав которых якобы настолько ограничен, что они не могут обойтись без помощи сопроводительных жестов и потому не в состоянии общаться в темноте. Истина заключается в том, что язык является совершенным средством выражения и сообщения у всех известных нам народов»¹⁸.

Действительно, звуковой язык всегда был единственным языком, способным служить полноценным средством общения людей. Даже в случае употребления паралингвистических средств в функции вербальных мысль выражается на основе языка. «В настоящее время, — пишет П. А. Рачков, — ученые утверждают, что даже речь про себя, т. е. внутренняя речь, не обходится без чувственного материального субстрата — она необходимо связывается с тем, что мы незаметно для себя начинаем производить чуть заметные следы артикуляции посредством мускулов губ, языка, височных мышц и голосовых связок. Здесь речевая деятельность неразрывно связывается с определенными кинестетическими ощущениями в речевом аппарате»¹⁹.

¹⁴ См.: А. П. Рифтин. Категория видимого и невидимого мира в языке. — «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук», вып. 10, 1946, № 69, стр. 138—139.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. М. Николаева, В. А. Успенский. Указ. раб., стр. 73.

¹⁷ П. А. Рачков. Мышление и язык. М., 1959, стр. 15—16.

¹⁸ Э. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 182.

¹⁹ П. А. Рачков. Указ. раб., стр. 15.

Приведенное показывает, что при доминирующей роли вербальных средств паралингвистические средства, и в случае их употребления в субститутивной функции, играют лишь вспомогательную роль.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Паралингвистические средства в тюркских языках, как и во всех языках земного шара, порой могут выполнять лингвистическую функцию, однако такая их функция является вторичной.

2. Совокупность паралингвистических средств, выражающих утверждение и отрицание, не образует системы (за исключением некоторых элементов).

3. Субститутивная функция паралингвистических средств в определенной коммуникации происходит в результате эллипсиса языковых средств по конкретной причине (секретность сообщения, расстояние между говорящими, различные речевые ситуации). Использование языка в паралингвистическом окружении имеет следствием более экономное расходование говорящим языковых средств.

Специфический и интернациональный характер паралингвистических средств узбекского языка может быть определен в результате комплексного изучения всех его паралингвистических факторов, которые должны явиться объектом дальнейшего исследования.

Ю. В. ЩЕКА

ПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПОЛНОЗНАЧНЫМИ ФИКСИРОВАННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В настоящей статье под разговорными предикативными конструкциями понимаются такие структурно-формальные показатели предложения, которые видоизменяют и уточняют комплекс грамматических значений предложения, то есть значений, связанных с выражением как отношения пропозитивной номинации к реальности, так и объективной и субъективной модальности. Если в нейтральной речи это отношение выражается при помощи известных, хорошо изученных показателей аспекта, наклонения, времени, числа и лица сказуемого, а также различных фразовых определений, то в разговорной речи на эти грамматические значения предложения очень часто накладываются некоторые дополнительные значения и нюансы, которые находят свое формальное выражение в соответствующих типично разговорных предикативных конструкциях. Изучение разговорных предикативных конструкций турецкого литературного языка представляет значительный теоретический и практический интерес.

Выражение предикативности имеет свои особенности как в турецкой, так и в любой другой иноязычной разговорной речи. «В строе разговорной речи есть целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временное и модальное значение осложнено значениями характера протекания действия во времени, его качественной характеристики, сопоставленности, оценки и т. д.»¹.

Разговорные предикативные конструкции турецкого языка можно разделить, исходя из их структурных особенностей, на следующие четыре класса:

1) Полный или неполный повтор в глагольном или именном сказуемом, например: *O ku y o g u m o ku y o g u m an la m y o r u m* [4, с. 174] 'Читаю-читаю, да не понимаю!'; *Dolmuş lar en çok bö yle ha va lar da n a z l ı m ı n a z l ı* [8, с. 74] 'Долмуши особенно в такую погоду такие капризные!'

2) Повтор сказуемого с использованием фиксированных частиц, например: *Yaz ın al ır baş ını çı kar s ın d ı ş a r la ra, ıs ın ha ıs ın*. [1, с. 49] 'Летом берешь да идешь гулять, грейся себе (на солнце) сколько влезет!'

¹ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 17.

3) Использование фиксированных частиц, союзов и т. д. (без повтора в сказуемом): *o hantal gövdesiyle a m m a d a koştı gazeteye!* [8, с. 142] '(здесь) Он весь такой несуразный (сидел и) прямо-таки полностью погрузился в чтение газеты'.

4) Использование полнозначных фиксированных элементов: *Ölüm alıp gitti anasını* [2, с. 229] 'Смерть так и забрала у него мать'.

В классах 3 и 4 отличительным структурным элементом разговорной предикативной конструкции является наличие фиксированных слов, в классе 1 — наличие повтора в сказуемом, а в классе 2 — наличие и повтора, и фиксированной частицы. Важным элементом любой разговорной конструкции является также определенная присущая ей интонация. Необходимо отметить, что свободное лексическое заполнение соответствующих позиций в конструкции бывает обычно категориально ограниченным, то есть в данной позиции должны выступать либо существительное, либо прилагательное, либо глагол.

Разговорные предикативные конструкции, построенные на повторах, уже были предметом отдельной статьи². Задачей настоящей статьи является описание некоторых наиболее употребительных разговорных предикативных конструкций с полнозначными фиксированными элементами (4-й тип).

Модель 1. Имеет две модификации: первая, *pe... se beğenirsiniz*, вторая, *pe... se iyi*³. В роли свободного лексического элемента выступает глагол в настоящем времени условного наклонения, при этом он чаще всего стоит в 3-м лице единственного числа. Фиксированный элемент первой модификации, то есть глагол *beğenmek* стоит во 2-м лице множественного числа настоящего-будущего времени.

Данная конструкция передает неожиданность действия, выраженного глаголом, выступающим в роли свободно замещаемого элемента, или удивление, возмущение говорящего в связи с этим действием. По значению она соответствует русской разговорной конструкции «и что бы ты (вы) думал (думали)....». Например: *Geçen gün de, şu solculuktan hüküm giymiş gazeteci terezi ne uydursa beğenirsiniz? Güya ben diyesi imişim ki... Vallahi söylemedim böyle bir şey* [13, с. 333] 'И что бы вы думали недавно насочинил этот зеленый журналист, судимый за левые взгляды? Оказывается, я якобы говорил, что... Честное слово, я такого не говорил'. *Ama müdür ne uypsa beğenirsiniz? Çağırdı: «Yarın okulda beni gör!»* [3, с. 161] 'И что бы вы думали сделал директор! Прокричал: «Завтра ко мне в школе подойдешь!»'. *Bizim oğlan ne haltetse iyi? Incirleri bütün çalmış* [11, с. 226] 'И что бы ты думал натворил наш сын! Стащил весь инжир'. *Bugün de ne uypsa iyi? Delikanlılar arasında başını şu yana çevirivermez mi? Darılmak, kızmak ona mı düşer, bize mi?* [11, с. 366] 'И что бы ты думал она сделала! При парнях на меня вдруг и смотреть не стала! Это мне нужно обижаться да злиться, а не ей!' *Yaşlı herif ne dese iyi! Bir mesel söyledi* [11, с. 476] 'И что бы ты думал (этот) старый плут сказал! Рассказал прибаутку'.

Можно отметить, что повышенная экспрессия конструкции обеспечивается употреблением вопросительной формы (вопросительного местоимения *ne*) в значении констатации действия, а также смещением

² Ю. В. Щека. Некоторые структурно-семантические особенности предикативных конструкций с глагольными повторами в турецкой разговорной речи. — «Советская тюркология», 1979, № 4.

³ Здесь и далее в формулах конструкций указывается лишь один из возможных фонетических вариантов.

значения наклонения, так как это действие, свершившееся в прошлом, передается глаголом в форме условного наклонения.

Модель 2. (Sakin)... *ayım deme* или (sakin)... *alım demeyin*. В этой конструкции фиксированным элементом является *deme* или *demeyin*, то есть глагол *demek* в отрицательной форме 2-го лица единственного или множественного числа повелительного наклонения. Лексически свободный элемент представлен глаголом в 1-м лице единственного или множественного числа желательного наклонения.

Конструкция передает экспрессивно усиленное значение запрета совершения действия, выраженного лексически свободным глаголом, и соответствует русской разговорной конструкции «(смотри) не вздумай...»: *Sakin yalan söyleyim deme!* [16] 'Смотри не вздумай врать!'. *Sakin zarfı açayım, zarfı bıraktıktan sonra arkama bakayım deme!* [10, с. 120] 'Смотри не вздумай вскрывать конверт, да оглядываться после того, как оставишь его!'. *Jandarmalar gitmeden önce aşağı inelim demeyin!* [16] 'Не вздумайте спускаться вниз до тех пор, пока жандармы не уйдут'.

Как правило, фиксированный и лексически свободный элементы согласуются в числе (оба либо в единственном, либо во множественном числе). Однако иногда встречаются и исключения: *Şurada mağara gibi bir kovuk var. Burada kalacaksınız. Buradan çıkayım demeyin* [9, с. 251] 'Тут есть (большое) дупло, как пещера. Будете здесь. Не вздумайте выходить отсюда!'

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемая конструкция сопровождается употреблением слова *sakin*. Возможно также употребление *sakin ha*: *Ameliyatı daha yeni yaptık. Sakin ha konuşayım deme, büsbütün fena olur* [6, с. 442] 'Операцию только что сделали. Смотри, не вздумай (с больным) разговаривать, (а то ему) станет совсем плохо'.

Модель 3. (Bir)... *alım dedik* или (bir)... *ayım dedim*. Здесь полнозначным фиксированным элементом является, как и в модели 2, глагол *demek*, однако он стоит в утвердительной форме 1-го лица единственного или множественного числа. Лексически значащий глагол стоит также (соответственно) в 1-м лице единственного или множественного числа желательного наклонения.

Конструкция выражает экспрессивное усиление намерения говорящего совершить действие и соответствует русской разговорной конструкции «решил, дай-ка...»: *Dün akşam bir arkadaşla hamama gitmiştik... Yıkandık. Bu arada, birlikte götürdüğümüz portakalları yiyelim dedik* [8, с. 131] 'Вчера вечером ходили с одним знакомым в баню... Помылись. Тут решили, дай-ка съедим апельсины, которые мы с собой принесли'. *Çocuğu çocuğu alalım da bu yıl da burada başımızı dinlendirelim dedik* [17, с. 23] 'Мы решили взять детей да отдохнуть в этом году в этих местах'. *Karınızda «Kiralıktır» ilânını okudum da evinizi bir göreyim dedim* [17, с. 23] 'Я вот прочел на Вашей двери объявление «сдается» и решил, дай-ка посмотрю Ваш дом'.

Контактное расположение лексически свободного глагола и фиксированного элемента не является обязательным, иногда между ними находятся другие слова: *Bir uğruayım bakayım Erol bey oğlumuz nasıldır dedim* [17, с. 27] 'Я подумал, дай-ка зайду посмотрю, как поживает мой сынок Эрол бей'.

Модель 4, модификация 1: *Varsın... sın* или *varsın... sınılar*. Лексически свободный глагол, как и фиксированный элемент *varsın*, стоит в повелительном наклонении в форме 3-го лица, однако, в отличие от последнего, может быть в единственном или множественном числе.

Эта конструкция передает значение, сходное со значением русской разговорной конструкции «ну и пусть (себе)...»: *Hakkı üstümüze gelirse... varsın gelsin!* [11, с. 391] '(А что) если Хакки нападет на меня?!.. Ну и пусть (себе) нападает!' *Tabii (bu iş) biraz gecikir. Kız çıkar, baharı bulur diyorlar. Varsın bulsun adam!* [1, с. 142] 'Конечно (это дело) решится не сразу. Наступит зима, продлится, говорят, до весны. Ну, знаешь, и пусть продлится!'

Если лексически значащий элемент стоит во множественном числе, то фиксированный элемент остается без изменения: *Suratına bakınca aç olduğumu, meteliksiz olduğumu anlayacaklar sanıyorum... Varsın anlasınlar!* [10, с. 34] 'Я думаю, что как только они взглянут на мою физиономию, так сразу поймут, что я голоден, что у меня нет ни копейки... Ну и пусть себе поймут!' *Yamören'de arkasından neler konuşulacağını kestirmeğe çalıştı: «Remzi'yle Vahit, (kızı) biz kaçırdık diye öğünür. Varsın öğünsünler!* [11, с. 518] 'Он попробовал представить себе, что ему вслед будут говорить в Ямёрене: «Ремзи с Вахитом начнут хвалиться, что (девушку) похитили мы! Ну и пусть себе хвалятся!»'

Между элементами конструкции возможна постановка других слов: *Bize ne! Varsın acıdan olsun!* [9, с. 45] 'А нам что? Пусть он погибнет от горя!'

Модель 4, модификация 2: *Var(ın) + ... (ın), varayım (alım) + ... eyim (elim)*. В отличие от первой модификации здесь как фиксированный, так и лексически свободный глагольный элемент стоят во 2-м или 1-м лице единственного или множественного числа повелительного наклонения.

Значение этой модификации, по сути дела, то же, что и предыдущей —экспрессивное усиление императивности, побудительности к совершению действия, выраженного лексически значимым глаголом. Однако эквивалентная русская разговорная конструкция здесь (в отличие от модификации 1) другая: «ну...», «ну-ка...», «ну-ка давай (попробуй)» или «ну-ка давайте (попробуйте)...», «дай-ка...» или «дайте-ка...»: *Var git kardeş. Yolun açık olsun!* [9, с. 295] 'Ну давай, ступай, братец! Всего тебе хорошего!' *(Parayı) oraya vereceğim... Yüzde on faizle... Varın hesaplayın, iki yüz bin lira yılda ne para getirecek sendikaya!* [5, с. 101] 'Я вложу (деньги) туда... Под десять процентов годовых... Ну-ка посчитайте, сколько дохода получит профсоюз с двухсот тысяч лир!'

Рассматриваемая модификация допускает также дистантное расположение элементов: *Abdi Ağa yok, bu evde. Varın işinize gidin. Yok burada* [9, с. 222] 'Абди аги в этом доме нет. Ну-ка давайте, ступайте своей дорогой! Нет его здесь'.

Примеры на употребление конструкции в 1-м лице: *Memedim köye gelseydi, hiç durmadan bir yerlerde, doğru eve gelirdi... Gene de varayım gideyim* [9, с. 21] 'Если б мой Мехмед пришел в деревню, он, нигде не останавливаясь, тут же пришел бы домой... Но все же дай-ка пойду схожу...' — *Немен yola düşün! Dediklerimi yapın! — Varalım gidelim Aşam!* [16] '—Тут же отправляйтесь в дорогу! Сделайте, как я сказал!—Да, мы уж поедем, ага!'

Иногда вместо формы фиксированного элемента *varayım (varalım)* употребляется форма деепричастия на *ip*: *Varıp bir duvar dibinde dile neyim barı!* [8, с. 146] 'Ну хоть у забора мне сесть да милостыню просить, что ли!'

Оба элемента конструкции могут иногда стоять в форме желательного наклонения: *Cehennemde yanamışım. Vaga yapa yadım, hey*

Allah! [11, с. 2] '(По его словам) я якобы буду гореть в аду. Боже мой, ну и пусть (буду гореть)!'

Модель 4; модификация 3. Фиксированный глагол *varmak* плюс лексически свободный глагол, оба в прошедшем категорическом или настоящем-будущем времени изъявительного наклонения. Данная модификация придает фразе стилистически разговорный нюанс; в русской разговорной речи это часто соответствует конструкции «взял да..» или «возьму да...»: *İşte (o) vardı tabancaı yerden aldı... Vardı ki yakaladı* [9, с. 117] 'Вот (он) взял да поднял с земли револьвер... Мы его тут-то и схватили'. *Varır değirmenin oraya giderim* [9, с. 205] 'Я возьму да пойду туда на мельницу'.

Возможно употребление фиксированной формы *varır*, особенно тогда, когда лексически свободный элемент стоит не в указанных выше временах, а, например, в настоящем времени: *Dili varır da bir türlü soramıyordum* [9, с. 173] 'У него никак не поворачивается язык, и он никак не может спросить'.

Рассмотренные модификации модели 4 являются лишь наиболее употребительными вариантами данной конструкции. Имеется и ряд других родственных конструкций, подлежащих дальнейшему изучению, в которых в роли фиксированного элемента выступает та или иная форма от глагола *varmak*. Фиксированный глагол *varmak* может иметь при себе различные определители. Так, в приведенном выше примере (*Dili varır da bir türlü soramıyordum*) к дееспричастию *varır* относится показатель субъекта действия *dili*. К фиксированному глаголу могут также относиться обстоятельства: *Oh, iyi vardım da (bunu) yaptım. Samim sağ olsun!* [13, с. 125] 'Ах, как хорошо, что я (это) сделала. Какая я молодец!'.

Широко распространен также вариант с вопросительным местоимением: *Neye vardın da ona sordun?* [3, с. 139] 'С чего это ты взял да стал у него спрашивать?'.

Модель 5. Глагол в повелительном наклонении плюс *bakalım* или *bakalım*. Согласования в лице и числе между обоими элементами конструкции не наблюдается, то есть фиксированный элемент, стоящий в 1-м лице единственного или множественного числа, может сочетаться с лексически свободным глаголом, стоящим в любом лице и числе. Вместе с тем, когда лексически свободный элемент стоит в 1-м лице, имеет место согласование в числе.

Конструкция служит для экспрессивного усиления понудительности, выраженной повелительным наклонением: *Söyle bakalım (или bakayım), nasılsın?* 'Ну-ка, скажи, как дела?'. *Su camı aç da sor bakalım!* [11, с. 330] 'Открой-ка это окно да спроси!'. *Çıksın bakalım ortaya, elimi yakmayı ben ona göstereyim!* [16] 'Ну-ка, пусть выйдет сюда! Я ему покажу, как обжигать мне руку!'. *Ne oluyor-sun, be Kâmrân? Ne var? Anlayalım bakalım!* [7, с. 149] 'Что с тобой, эй Кямран? Что случилось? Ну-ка, давай разберемся!'.

В качестве лексически свободного элемента может выступать и глагол *bakmak* (смотреть): *Dur ki bak bakalım, seni paralamaz mıyım!* [11, с. 437] 'Постой да посмотри-ка, как я тебя сейчас разорву!'.

Если лексически значимый глагол стоит в 3-м лице, то конструкция может передавать значение безразличия говорящего к данному действию, то есть значение, близкое к модификации 1 модели 4: *Demek öyle dedi? Desin bakalım!* *Hakkıyla ortak olmuş, olsun bakalım!* [11, с. 368] 'Значит, он так сказал? Ну и пусть сказал! Стал компаньоном Хаккы? Ну и пусть!'.

Модель 6. Глагол в повелительном наклонении плюс *göreyim* или

görelim. Эта конструкция имеет также факультативные фиксированные элементы *bir* и (или) *da*. По значению она близка к только что рассмотренной модели 5, однако здесь преобладает идея побуждения собеседника к совершению действия: *Yahu sen bana nasıl «lan» diyebilirsin? Bir dene de görelim!* [4, с. 181] 'Да как же ты мне можешь сказать «тип»? А ну-ка, попробуй только!' *Aynı şeyi Mecliste bir başveki! uarsın göreyim!* [13, с. 190] 'А ну-ка, пусть то же самое сделает в меджлисе премьер-министр!'

Модель 7. *Gel* или *gelin* (*de*) плюс глагол в повелительном наклонении. Между фиксированным элементом и лексически значащим глаголом существует согласование в числе. Что же касается лица, то лексически значащий глагол может быть в форме 1-го или 2-го лица.

Конструкция передает значение экспрессивного усиления просьбы или совета, выраженных лексически свободным элементом: *Oldu bir iş Ali Ağa! Gelin bağışlayalım. O da bizim köylümüz* [11, с. 207] 'Ну, случилось такое дело, Али ага! Давайте простим (его)! Он ведь из нашей деревни'.

Довольно часто в лексически свободном элементе конструкции наблюдается смещение значения аспекта (например, отрицательная форма глагола в сочетании с соответствующей интонацией передает подчеркнутое утверждение). В таких случаях конструкция выражает дополнительные экспрессивные нюансы и обычно соответствует русской разговорной конструкции «ну как тут не...»: *(Fabrikada) gözleri kör eden kömür tozları. Sen gel de verem olma.* [5, с. 137] '(На заводе) все в угольной пыли, которая слепит глаза. Ну, как тут не заболеть туберкулезом!' *(Onlara) gelin de şimdi hak veremeyin* [13, с. 187] 'Ну как тут им теперь не отдать должное!' *Gelin de bu işe şaşırtmayın!* [15, с. 4] 'Ну как тут не удивляться!'

Возможны и другие виды смещения значения аспекта глагола, например, форма возможности, передающая в рамках рассматриваемой конструкции фактическую невозможность совершения действия: *Sesi kulağında. Kulağında ama gel de bulabil* [11, с. 339] 'Этот звук у меня стоит в ушах. В ушах-то стоит, но попробуй найди его!'

Модель 8, модификация 1. ...*ır gider* (*di*) + личные аффиксы любого лица и числа. Личные аффиксы, присоединенные к фиксированному элементу *gider* или *giderdi*, по смыслу относятся и к форме настоящего-будущего времени лексически свободного глагола. Таким образом, в отличие от модификации 4 (см. ниже), здесь наблюдается согласование в лице и числе между фиксированным и лексически свободным глаголами.

Значение данной модификации существенно зависит от терминативности/нетерминативности действия, выраженного в предложении. Если контекст выявляет нетерминативность значения глагола, то конструкция подчеркивает продолжительность действия: *Ihtiyarı da yanına alır, hep birlikte gül gibi geçinip giderlerdi* [7, с. 186] 'Они бы взяли к себе старика и все вместе так и жили бы (себе) припеваючи'. Особенно ясно это видно на примере фазовых глаголов, обозначающих продолжение действия: *(Onlar) arasındaki ihtilâf yıllardır sürer gider* [9, с. 254] 'Вражда между ними так и тянется годами'.

При терминативном значении лексически значимого глагола рассматриваемая модификация подчеркивает нюанс окончательного, бесповоротного совершения действия: *Başkasını bilmem, ...sen mahpusa gersen, ölürsün, hiç dayanamazsın ...Geberir gidersin oğlum!* [11, с. 360] 'Не знаю, как другой,... (но) ты, если попадешь в тюрьму, погибнешь,

не выдержишь... Так и помрешь, сынок!». Bana gayri iflah olmak yoktur. Bu dert beni yer gider [12, с. 340] 'Но мне уж не выздороветь. Это горе меня так и изложет'.

Как видно из приведенных примеров, данная модификация соответствует русской разговорной конструкции с фиксированным элементом «так и...».

Модель 8, модификация 2. ... *miş gitmiş(ti)* + личные аффиксы. Модификация передает значение окончательного совершения действия или экспрессивно-субъективную оценку повышенной степени осуществленности действия: «Demirel geliyoool!» (anonsları) para etmemiz demek. Halk toplanacağına daha da dağılmış gitmiş! [14, с. 5] 'Анонсы (по мегафону): «Демирель вот-вот прибудет!», значит, как видно, не дали никаких результатов. Народ вместо того, чтобы собраться, так совсем и разошелся'. Söylediği yazıları ben unutmış gitmişim [10, с. 86] 'Статьи, которые он называл, я, оказывается, так и забыл начисто'. Durup köyü dinledi. Ses yok! Yamöğren ölmüş gitmiş [11, с. 154] 'Он остановился и прислушался. В деревне все было тихо. Ямёрен словно вымер (прямо-таки вымер)'. Yakup Ağa, sobanın oynak alevine dalmış gitmişti [11, с. 510] 'Якуб-ага так и погрузился в думы, глядя на играющие языки пламени в печке'.

Иногда вместо формы на *miş* лексически свободный элемент может быть представлен деепричастием на *ır*: Müthiş bir ateş içindeydi... Yüzü uza ır gitmişti [3, с. 194] 'У него был ужасный жар... Лицо так и вытянулось (лицо сильно осунулось)'.

Деепричастие на *ır* употребляется особенно часто тогда, когда конструкция выражает отрицание посредством фиксированного элемента: Birçok arkadaşları gibi toplama kamplarında çürüyüp gitmişti, sağdı, sağlamdı [13, с. 234] 'Он не сгнил в концентрационных лагерях, как многие из его товарищей. Он был здоров, крепок'.

Модель 8, модификация 3. ...*ır gidiyor(du)*, ...*ır gidecek(ti)* + личные аффиксы. Как и в случае модификации 1, значение данной модификации зависит от терминативности/нетерминативности действия глагола. Если лексически значимый глагол обозначает длящееся действие, то конструкция экспрессивно выделяет этот нюанс продолжительности действия: O acı anıdan hiç söz etmeden aramızdaki bu ilişki sürüp gidiyor [10, с. 59] 'Мы не говорим (друг другу) о том горьком воспоминании, и эта связь между нами так и продолжается'. Antranik ufak ufak yardım ediyordu... Ama (bu) ne zamana kadar sürüp gidecekti? [7, с. 153] 'Антраник понемногу помогал. Но до каких пор это должно было (могло) продолжаться!'

При передаче фразой терминативного действия конструкция передает нюанс окончательности, бесповоротности совершения действия: Binlerce balık bir anda ölüyor. Binlercesi yavru iken, döl iken ziyan olup gidiyor! [3, с. 142] 'За одно мгновение умирают тысячи рыб. Тысячи их так и погибают еще не выросши, еще мальками!'. Ya (bunu) satsaydım... Kendimden bir şeyim eksilecek, körüp gidecekti [10, с. 53] 'А если б я его продал? Я потерял бы часть себя самого, от меня что-то так бы и оторвалось'. В отношении всех модификаций модели 8 отметим, что необходимо отличать внешне сходные с данной конструкцией случаи употребления глагола *gitmek* в качестве лексически значимого элемента в парном сказуемом от рассматриваемых здесь случаев его употребления в качестве фиксированного элемента конструкции. Так, во фразе: Karıyı çarıp gidecek 'Он хлопнет дверью да уйдет' глагол *gitmek* участвует в пропозитивной номинации своим лексическим значением, поэтому сказуемое *çarıp gidecek* здесь ни в

коем случае не может считаться модификацией модели 8. Часто встречаются случаи, где указанное различие не сразу бросается в глаза: *Sesini alıp gidiyordu bazan rüzgâr. Çoğu mırıltılı halinde duyuyorlardı* [5, с. 160] 'Иногда ветер так и уносил его голос. До них он (голос) в основном доносился отдаленным бормотаньем'. В связи со сказанным здесь следует воздержаться от напрашивающегося на первый взгляд перевода: «Иногда ветер подхватывал его голос и уносился».

Модель 8, модификация 4. ...dı+личные аффиксы+gitti (или gitti-ydi). Важной структурной особенностью этой модификации является отсутствие согласования в лице и числе между формами лексически свободного глагола и фиксированного элемента (кроме, естественно, того случая, когда лексически свободный глагол стоит в 3-м лице единственного числа). Значение модификации связано с выражением нюанса окончательности совершения действия и соответствует обычно русской конструкции «так и...»: *Burası fabrika mı, kerhane mi, anladım gitti* [8, с. 112] 'Я так и не понял, здесь завод или дом развлечений!' *İkimiz de yerin dibine geçtik gitti* [10, с. 75] 'Мы так и провалились сквозь землю!'. *Hey, Topal-ağa, daldın gitti* [11, с. 254] 'Эй, Топал-ага, ты тут так и заснул'. *İçim karıştı gitti* [3, с. 164] '(здесь) У меня сердце так и сжалось!'

В приведенных примерах выражаются также нюансы неожиданности и повышенной степени осуществленности действия: *Samarı yedi gitti idi* [11, с. 276] 'Он так и получил оплеуху'.

В тех случаях, когда лексически значимый элемент стоит в 3-м лице единственного числа, рассматриваемую конструкцию следует отличать от случая с парным сказуемым (см. соответствующее замечание выше): *Aklı var da fikri yok! Kandı gitti eşek* [11, с. 412] 'У него голова совсем пустая! Так и поверил, дурачок!'. Здесь последнюю фразу не следует переводить: «поверил и ушел, дурачок».

Модель 8, модификация 5. Глагол в повелительном наклонении+gitsin. Лексически значащий глагол может стоять в любом лице и числе, то есть согласования в лице и числе здесь нет. Данная модификация может передавать требование, желание, просьбу говорящего относительно быстрого, окончательного, бесповоротного совершения действия. Иногда передается также нюанс безразличия говорящего к совершению действия. Рассматриваемая модификация обычно соответствует русской конструкции «...и все (тут)» или «...и дело с концом»: *Kapat, kapat da aramızda halledelim. Sana avans yazdırırım, kapat gitsin!* [8, с. 118] 'Замолчи, замолчи и давай решим (этот вопрос) между нами. Я тебе велю выписать аванс. Замолчи и все тут!' (*Mustafa köyde bir cinayet işledi*) *Yarın (Mustafa'yı) tek başına köye bırakmayın. Geçsin gitsin!* [11, с. 516] '(Мустафа совершил в деревне преступление) Завтра (Мустафу) в деревню одного не пускайте. Пусть все забудется и дело с концом'. *Ulan hey Allah! Şu Vahit'i yakalatıver! Yakalat gitsin!* [11, с. 351] 'Бог мой! Послушай! Сделай-ка так, чтобы поймали этого Вахита! Пусть его поймут и все тут!'. *Oğucu mutlak bozmalı. Voz gitsin* [11, с. 110] 'Нужно обязательно нарушить пост. Нарушай и все тут!'

С некоторыми глаголами, например *demek* 'сказать', *sormak* 'спросить' и другими, употребленными в отрицательной форме, рассматриваемая модификация передает экспрессию разговорной речи и нюанс повышенной интенсивности действия или повышенной степени качества: *Karşı taraf onları bir kurşuna tutmuştu ki deme gitsin* [9, с. 229] 'Противник так их обстрелял, что прямо-таки дальше некуда' *Herifte*

bir ses var. Deme gitsin [9, с. 287] 'У него такой голос!'. Hözük kardeş, seni bir göresim geldi ki sorma gitsin [9, с. 85] 'Братец Хёсюк! Мне так захотелось с тобой повидаться, что дальше некуда!'

Заканчивая рассмотрение модели 8, отметим, что перечисленные ее модификации не исчерпывают всех встречающихся вариантов. Например, иногда возможно употребление лексически свободного элемента и фиксированного глагола *gitmek* в различных грамматических временах: *Kız, bu peyin nesi? Baksana, su taşta gidiyor* [11, с. 260] 'Жена, что это такое? Посмотри, вода уж переливается через край!'

Возможны и другие, не описанные выше структурно-семантические варианты: — *Herif tamı tamına Koca Ahmet!* — *De git sen del! Bu adam hepimiz gibi adam...* Вупин *Koca Ahmede benzer yeri var mı?* [9, с. 56] '— Этот тип в точности прямо-таки сам Коджа Ахмед! — Да брось ты! Это самый обыкновенный человек, как все мы... Что у него общего с Коджой Ахмедом?'. *Boş a malı gitsin* [11, с. 464] 'Он должен (с ней) развестись и все тут!'

Все рассмотренные выше восемь моделей объединяет то, что в роли их фиксированных элементов выступает та или иная форма глагола. Кроме того, лексически значимый элемент во всех этих конструкциях представлен личной формой глагола, выступающего в роли сказуемого фразы. В турецком языке распространены и другие типы разговорных конструкций с фиксированными полными элементами. К ним можно отнести назывные предложения с глагольным, а также конструкции с неглагольным фиксированными полными элементами.

Модель 9. *...dır gider (di) или gidiyor (du)*. Эту конструкцию следует отличать от случаев присоединения связки *dır* к подлежащему предложения, имеющего обычное глагольное сказуемое. Как известно, такое присоединение этой связки служит интонационному выделению подлежащего и переноса на него фразового ударения: *Sonra bir efkâr- dır geldi başıma* 'Затем мне в голову пришла одна мысль'; *İşte bir kazadır oldu* 'Вот (собственно) произошел такой случай!'⁴. В отличие от этих случаев в рассматриваемой модели глагол *gitmek* не участвует своим лексическим значением в пропозитивной номинации, а является чисто грамматическим элементом, модифицирующим предикативное значение высказывания (то есть фиксированным элементом данной предикативной конструкции): *Yok, sırayı bozdunda bozmadındı, yete- ginden çok ekmek aldındı almadındı. Bir cürsuna dır gider* [5, с. 122] '(здесь) Начинается в толпе шум, что, мол, очередь нарушаешь, то ли хлеба лишнего берешь. Прямо-таки целое светопредставление!' *Bir samî u arışmasıdır gider Gültepe'de* [5, с. 341] 'Прямо-таки настоящая гонка за мечетями в Гюльтепе' (смысл контекста: «каждый квартал хочет построить себе мечеть»).

В этих примерах, если отбросить фиксированные элементы *...dır gider*, остается как по форме, так и по смыслу назывное предложение, выраженное отглагольным существительным или существительным, имеющим в данном контексте значение действия, процесса. В условиях разговорной речи обозначение именем существительным действия явствует часто из контекста, а не из самого значения слова: *Aldım, kabul ettim! Lâfıdır gidiyordun kahvede* [5, с. 267] 'В кофейне со всех сторон крики: «Принял, согласен!»'.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 389.

Таким образом, рассматриваемая конструкция, употребляясь с назывными предложениями, обозначающими действие или процесс, подчеркивает повышенную степень осуществленности, интенсивности этого действия.

Модель 10. На babam ...ıyog или ıg+личные аффиксы. В этой конструкции фиксированным элементом является частица *ha* и имя существительное *babam*. Лексическое значение этого полнозначного фиксированного элемента: «мой отец» само по себе никак не проявляется в семантике конструкции, которая передает значение повышенной интенсивности действия, выраженного лексически значимым глаголом, и соответствует русской конструкции «во всю...»: Şazi, ha babam gidiyor. Sağa saptı... [10, с. 27] 'Шази шагает во всю. Свернул направо...' На babam kaşıyor. [10, с. 104] 'Он бежит во всю'. На babam iç çamaşırlarımı sabunluyorum [10, с. 127] 'Я во всю намыливаю свое белье'. Oturmuş, ha babam taş çevirir [11, с. 265] '(здесь) Он сел и во всю размалывает соль'.

ЛИТЕРАТУРА

1. F. Baykurt. Amerikan sargisi. Ankara, 1973.
2. F. Baykurt. Anadolu garajı. Ankara, 1975.
3. F. Baykurt. Efendilik savaşı. Ankara, 1974.
4. F. Baykurt. İçerdeki oğul. Ankara, 1975.
5. R. Enis. Sarı it. İstanbul, 1968.
6. E. İzzet. Aşk güneşi. İstanbul, 1930.
7. O. Kemal. Oyuncu kadın. Ankara, 1975.
8. O. Kemal. Yağmur yüklü bulutlar. Ankara, 1974.
9. Y. Kemal. İnce Memed. Sofya, 1958.
10. A. Nesin. Bir sürgünün anıları. İstanbul, 1975.
11. K. Tahir. Körduman. Ankara, 1971.
12. K. Tahir. Kurt kanunu. Ankara, 1975.
13. H. Taner. Hikâyeler. Ankara, 1970.
14. «Cumhuriyet», 1. 6. 1977.
15. «Günaydın», 12. 8. 1977.
16. Постановки радио Анкары: «Kötü rüzgârlar» и «Zorba».
17. Ж. Г. Ихмалян. Учебное пособие по турецкому разговорному языку. М., 1971.

К. Б. БЕКТАЕВ, Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА ТЕКСТА. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Построение систем автоматического анализа и синтеза текста, действующих вместе с его статистической обработкой, для тюркских языков не столь актуально как для английского, китайского и японского, однако такие исследования и получаемые при этом результаты имеют большое теоретическое значение для тюркских языков, общего и прикладного языкознания и, наконец, для теории искусственного интеллекта.

В настоящее время, как известно, ведутся работы по созданию так называемых интеллектуальных роботов, то есть автоматов, обладающих способностью не только имитировать и выполнять физические действия, совершаемые человеком, но и распознавать образы и смыслы, формировать понятия, принимать решения, соответствующие конкретной ситуации.

Одним из прогрессивных и распространенных подходов при разработке интеллектуальных роботов является создание смешанных человеко-машинных систем, осуществляющих симбиоз и взаимодействие естественного (человеческого) разума и искусственного интеллекта — «интеллекта» робота. Именно в таких роботах лингвистический аспект совершенно необходим.

Обычно считается, что лингвистика сводится здесь к использованию упрощенного естественного языка для организации общения между человеком и автоматом.

Однако это лишь один и отнюдь не самый важный аспект проблемы. Другим, принципиально более важным и интересным с научной и технической точки зрения аспектом является использование естественного языка, с одной стороны, для распознавания нечетких акустических, зрительных, тактильных и смысловых образов, принимаемых роботом из внешнего мира, а с другой — при формировании нечетких понятий, которые должны входить в модель внешнего мира робота. Способность робота к восприятию и распознаванию нечетких образов и формированию нечетких понятий даст ему возможность адаптироваться к размытым ситуациям внешнего мира. Решение указанных задач позволит использовать робототехнику не только в промышленности, но также в народном образовании (мы имеем в виду компьютеризацию преподавания общественных и некоторых естественных дисциплин) и информатике (например, в библиотечном деле, при переводе и реферировании иностранных текстов и т. д.).

Интеллектуальный робот, робот третьего поколения, должен иметь сильное лингвистическое обеспечение. Лингвистические же проблемы соотносятся с общей задачей построения искусственного интеллекта.

Интеллект (разум) определяется обычно как способность кибернетической системы (живой или искусственной) целенаправленно решать эвристические задачи, то есть такие задачи, средства, способы и результаты которых не заложены в ее прошлом опыте, а вырабатываются системой впервые в процессе ее взаимодействия с внешней средой и путем использования прошлого опыта.

Моделирование разума путем создания системы искусственного интеллекта или, как мы его называем, — интеллектуального робота, осуществляется обычно либо в форме математического аналога, либо путем построения технических устройств, выполняющих операции восприятия, хранения, преобразования и передачи информации, а также осуществляющих на этой основе целесообразное действие применительно к той или иной окружающей среде.

Остановимся на особенностях моделирования этих операций, специально выделив его лингвистические аспекты.

1. Моделирование программ приема и декодирования информации предусматривает общение с внешней средой и формулировку задания системе искусственного интеллекта не только на искусственном (математическом), но и на естественном языке. В последнем случае возникают следующие инженерно-лингвистические подзадачи:

— создание устройств автоматического распознавания слухового образа;

— построение читающих устройств, распознающих графику текста.

Хотя эти задачи еще далеки от своего полного разрешения, теоретические исследования и экспериментальные работы по созданию автоматов, распознающих устную речь, и читающих устройств ведутся широким фронтом как у нас в стране, так и за рубежом.

2. Моделирование в автомате функции отождествления слов и словосочетаний текста с соответствующими им единицами словаря. Эту задачу можно считать в настоящее время полностью разрешенной, о чем свидетельствует создание значительного количества автоматических словарей и морфолого-синтаксических программ, — в том числе и для тюркских языков, — осуществляющих массовый машинный перевод научно-технических текстов.

3. Моделирование хранения лингвистической и энциклопедической информации. Информационная база данных (ИБД) системы искусственного интеллекта, включающая все ее знания о внешнем мире, может быть сформулирована из сведений, записанных как на искусственных, так и на естественном языках. В последнем случае возникают четыре лингвистические задачи:

— определение объема тех сведений о языке и речи, которые следует заложить в ИБД системы;

— превращение нечетких лингвистических объектов в четкие семиотические объекты современного интеллектуального робота;

— вероятностное описание нечетких лингвистических объектов на ЭВМ;

— оптимальное размещение лингвистических и энциклопедических сведений в лингвистическом автомате (ЛА).

При успешном решении этих задач в интеллектуальный робот должен быть встроен банк данных, моделирующий коллективный лингви-

стический и энциклопедический опыт определенной социальной или профессиональной группы людей.

4. Моделирование блока прагматической оценки принятой информации позволяет системе вырабатывать собственные критерии оценок, которые, во-первых, поддерживают способность системы к дальнейшему приему информации, а во-вторых, служат организации ее целесообразного поведения в сложных средах. При моделировании этого блока должны быть решены по крайней мере три лингвистические задачи:

- дать формальное лингвистическое описание прагматической установки системы и ее пользователей;

- построить алгоритм коммуникативного членения и выделения ремы (новизны) сообщения;

- **построить алгоритм сопоставления ремы сообщения, уже имевшейся информации и прагматической установки, — сопоставления, —** которое позволило бы системе дать прагматическую и семантическую оценку принятому сообщению, то есть соотнести его с имеющимся описанием внешнего мира.

Некоторые подходы к лингвистическому решению части этих задач обнаруживаются в вопросно-ответных системах, работающих на основе универсальных ЭВМ.

5. Моделирование блока сознания. Этот блок включает следующие подблоки:

- подблок внимания, то есть выделения самой важной в данный момент информации и воли, то есть способности сосредоточивать и направлять внимание;

- подблок определения пространственных, временных и причинно-следственных отношений между объектами внешнего мира, а также между системой и внешней средой;

- подблок воображения и способности отделять реальное от нереального.

Моделирование лингвистических аспектов блока сознания и связанных с ним прагматико-рематической и эвристической функций в целом находится сейчас в зачаточном состоянии, однако уже сделаны первые шаги по созданию аналогов воли и внимания, то есть таких алгоритмов, которые реализуют целенаправленный поиск в переработке текстовой информации. В качестве примера подобной системы можно указать на реально работающие отечественные и зарубежные диалоговые системы.

Остановимся на том, в какой степени для решения этих чисто теоретических и инженерных вопросов может привлекаться материал тюркских языков?

В отличие от индоевропейских языков, характеризующихся переходным, недостаточно устойчивым, а поэтому быстроизменяющимся и «идиоматическим» состоянием, тюркским языкам свойственна удивительная стройность морфологической и фонологической структур, прозрачность структуры слова, определенный изоморфизм между планом выражения и планом содержания словоформы, достаточно устойчивый порядок расположения компонентов предложения. Все это предоставляет широкие возможности для применения методов математического, а затем и инженерного моделирования морфологии и синтаксиса тюркского текста.

В исследовании Т. Садыкова раскрывается общетюркский механизм порождения именных словоформ. Здесь показано также как развернутое функционирование этого механизма в киргизском языке, так и

последовательное его свертывание в азербайджанском и узбекском языках¹.

Реализованные на материале тюркских словоформ в лингвистическом автомате алгоритмы полностью подтвердили гипотезу, согласно которой тюркская словоформа конструируется по ходу формирования сообщения путем заполнения реальными морфемами некоторого заданного в сознании носителей языка фрейма-шаблона², в то время как во флективных, флективно-корневых и корневых языках Европы и Дальнего Востока словоформа при образовании текста выбирается в готовом виде из словаря³.

Это открытие влечет за собой последствия, далеко выходящие за пределы не только тюркологии, но и теоретического языкознания. Исследуя механизмы образования тюркской словоформы, можно проникнуть в тайны текстообразования и актуализации лингвистических единиц в других языках. Раскрытие этого механизма имеет первостепенное значение для построения систем искусственного интеллекта, в частности для создания роботов, общающихся с человеком на естественном языке, а также для построения реально действующих систем машинного перевода, автоматического реферирования и человеко-машинного диалога, ориентированных на агглютинирующие языки (японский, венгерский, финский, турецкий)⁴. Указанное открытие заставляет по-новому взглянуть на ряд лингвистических и психолингвистических проблем, к которым в первую очередь относится онтогенез лексико-грамматической системы языка у детей в возрасте от 3 до 10 лет. Он реализуется, как показал на материале казахского языка К. Молдабеков, не путем простого усвоения новых правил и новых лексических единиц, а посредством развертывания ядерных элементарных фреймов порождения тюркской словоформы⁵.

В русле описанной проблематики актуализации значения и порождения тюркской словоформы и текста выполнялись работы по информационно-статистическому изучению тюркских языков⁶, которые вскрыли глубокие структурно-информационные различия, существующие в «поведении» тюркской и индоевропейской словоформ в тексте. Действительно, тюркская агглютинативная словоформа заметно превосходит по информационной нагрузке средний вес словоформы во флективных и флективно-аналитических индоевропейских языках. Все эти информационные различия системно увязаны с такими обнаружившимися в ходе исследования особенностями узбекской, казахской и турецкой лексики.

¹ Т. Садыков. Моделирование киргизской именной морфологии. Автореф. канд. дисс., Л., 1982.

² Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971; В. Г. Гусев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 32.

³ R. Piotrowski. Text—Computer—Mensch. Bochum, 1984, стр. 358—377.

⁴ Ср.: А. Бабанаров. Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода. Автореф. канд. дисс., Л., 1981; М. Махмудов. Разработка системы формального морфологического анализа тюркской словоформы (на материале азербайджанского языка). Баку, 1982.

⁵ К. Молдабеков. Лингвостатистические исследования казахских текстов для младших школьников (на материале текстов учебников начальных классов и литературы для детей). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1985.

⁶ К. Б. Бектаев. Статистико-информационная типология тюркского текста. Алма-Ата, 1978; А. Ахабаев. Статистический анализ морфологической структуры языка казахской публицистики. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971; Д. А. Байтанаева. Информационные характеристики казахского текста. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1985; С. А. Мухаммедов, Р. Г. Пиотровский. Инженерная лингвистика и опыт системно-статистического исследования узбекских текстов. Ташкент, 1986.

как медленный, по сравнению с индоевропейскими языками, темп роста покрываемости текста в частотном словаре, высокий коэффициент синтетизма, превышающий почти в три раза синтетизм английского и французского языков.

Перечисленные выше особенности казахской, узбекской и вообще тюркской словоформы, а также хорошо известные способности агглютинативных языков свободно присоединять к основе потенциально бесконечное число аффиксов, соответственно позволяют предполагать, что каждое тюркское слово порождает во много раз больше словоформ, чем это имеет место во флективных и аналитическо-флективных индоевропейских языках. Однако данные информационно-статистического эксперимента не подтвердили это предположение. Например, одна узбекская и казахская лексема порождает в публицистических текстах в среднем около трех словоформ, что примерно равно порождающей возможности русского слова. Эта речевая ограниченность порождающей возможности тюркского слова обнаруживается, в частности, и в сравнительно небольшом числе сочетаний аффиксов, которые реально используются в исследованных текстах. Характерно, что практически к одной основе присоединяется не более четырех аффиксов.

Аналогичным образом система тюркских языков потенциально допускает образование именных форм бесконечной длины. Между тем, исследование узбекских и казахских публицистических текстов показывает, что длина реальной тюркской словоформы не превышает, очевидно, тридцати букв. А это примерно соответствует максимальным длинам словоформ во флективных и даже флективно-аналитических индоевропейских языках, порождающие возможности которых сравнительно ограничены.

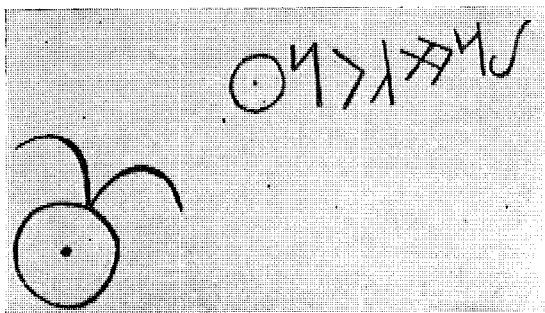
Можно, на наш взгляд, сделать вывод, что речь и узус сильно ограничивают порождающие возможности системы тюркских языков. Это еще раз указывает на то, что между возможностями системы и психофизиологическими механизмами порождения текста не существует полной согласованности, наоборот, здесь возможны и противоречия, служащие воплощением антиномии языка и речи.

Из всего сказанного следует, что системно-семиотическое и информационно-статистическое исследование тюркских языков дает богатый материал для теоретических выводов и дальнейшего развития науки о языке и мышлении.

М. Б. СИМЕОНОВ

ЕЩЕ РАЗ ПО ПОВОДУ НАДПИСИ ИЗ ФЫРКАЛЫ

Надпись из Фыркалы уже разбиралась в ряде научных работ¹. Несмотря на краткость, она подкупает своей сохранностью и смысловой завершенностью.

Транслитерация: b'g'mčur'η

Транскрипция: baḡm ač uḡuη

Перевод: 1) Оказывайте благодеяние добру (имуществу) или
2) Совершайте полную милость.

1. Baḡm/baḡim означает «скот, имущество». Приведем пример из енисейских надписей: biḡ sekiz adaqlıy baḡimim 'тысяча восьминогого рогатого скота моего' («Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 84, далее—ДТС).

Трудность анализа значения baḡm в контексте надписи состоит в том, что это слово не оформлено ни дательным, ни винительным падежом, а стоит в именительном падеже, что представляет собой довольно редкое явление в тюркских языках.

Но baḡm может истолковано и как «высший, совершенный, полный». В этом случае baḡim в надписи выступает определением к ač 'милость' (дополнение), и тогда можно предположить, что оно является санскритским заимствованием (<parāma). Обратимся к примеру из древнеуйгурского текста: tūkāl baḡm bujan buluḡ 'он найдет совершенную благодать' (ДТС, с. 596).

Известно, что заимствования в рунических текстах очень редки.

¹ И. Л. Кыласов. Новые материалы по енисейской рунической письменности. — «Советская тюркология», 1981, № 4; Д. Д. Васильев. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II — «Тюркологический сборник. 1977». М., 1981, стр. 59—60.

В термине *bagm* нашли отражение буддийские представления. Исторические источники свидетельствуют, что в средние века тюркоязычные народы уже были знакомы с буддизмом².

2. Четвертый знак надписи следует читать как *č—(a)č*. Слово *ač* означает «милость», что подтверждается примером из енисейских текстов: *ačda beṇ* 'я в милости' (ДТС, с. 3).

В старых текстах зафиксированы производные от *ač*: *ačīγ* (<*ač*+*īγ*) 'награда, вознаграждение, дары' (ДТС, с. 5), *ačīn-* (<*ač*+*īn-*) 'заботиться, печься о ком-либо, опекать' (ДТС, с. 5).

3. *Uγ*—универсальный глагол, который может образовывать предложения типа кратких выражений, формул (см. ДТС, с. 614).

4. Знак *⊙* выполняет функцию более распространенного знака *Ч* или *Г*. Первый знак зафиксирован в енисейских надписях³.

Изложенное позволяет прийти к нижеследующему заключению.

Несомненно, автор надписи испрашивает милости у неба для себя или своего имущества. Диск солнца с крыльями, изображенный в конце надписи, подтверждает это. Подобное обращение, подтверждаемое божественным символом, встречается в космогонических мифах и древних верованиях, что еще раз указывает на основное содержание надписи — обращение с мольбой к верховному божеству, небу.

² Д. Д. Васильев, З. Б. Чадамба. Древнетюркские эпиграфические памятники из долины р. Уюк. — «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, стр. 73—74; Ф. Х. Арсланова, С. Г. Кляшторный. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 312—315.

³ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 59 (таблица); Д. Д. Васильев. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983, стр. 7 (таблица). Е-25, стр. 64.

Н. З. ДОНАДЗЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ЕВРОПЫ И ЕГО ТЮРКСКИЙ АРЕАЛ

В 1984 году вышел из печати первый выпуск Лингвистического атласа Европы (изд. Ван Горкум, Нидерланды). Выпуск посвящен памяти профессора Р. И. Аванесова, члена-корреспондента Академии наук СССР, бывшего вице-президента Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ) от стран Восточной Европы. Выпуск состоит из двух частей: тома карт с легендами и тома комментариев. Комментарии написаны в форме научных статей (на французском, английском, немецком языках) и объясняют основные принципы построения карт и их символизацию. Выпуск включает 19 карт, 4 из них принадлежат советским авторам. Приводится состав национальных комитетов и комиссий, сетка населенных пунктов по всем странам, их названия в транскрипции. В настоящее время к печати готовятся два очередных выпуска ЛАЕ, в которые войдут 5 советских карт, посвященных растительному миру.

Лингвистический атлас Европы является международным изданием, отличающимся широтой и полнотой состава участников его подготовки — над составлением атласа работают лингвисты из всех стран Европы. Атлас представляет собой лингвистический атлас четвертого поколения интерпретирующего типа. Задачи, стоящие перед ним, отличаются от задач, стоящих перед национальными и региональными атласами и атласами одной группы языков или одной языковой семьи. В национальных атласах главным является установление языковых различий и их демонстрация с помощью методов лингвогеографии. В ЛАЕ, который объединяет индоевропейскую, уральскую, алтайскую, северокавказскую языковые семьи, главное заключается не в обнаружении языковых различий, а в установлении сходных черт. Целью ЛАЕ является поиск лингвистических универсалий и проверка правильности некоторых закономерностей, ранее установленных на более узком материале.

Территория Восточной Европы, охватываемая атласом, простирается до Урала (граница проходит по реке Урал и Кавказскому хребту).

Помимо общетеоретических задач, ЛАЕ способствовал составлению атласов национальных языков, до сих пор мало или вовсе не исследованных с точки зрения лингвогеографии и диалектологии, а также составлению атласов языковых семей. Однако ЛАЕ не представляет собой их механическую сумму; это, скорее, их синтез. Благодаря материалам, представленным советскими учеными в ходе работы над ЛАЕ, ученые западноевропейских стран впервые получили возможность озна-

комиться с большим корпусом диалектологических данных по многим языкам европейской части территории СССР.

Советская комиссия ЛАЕ при Отделении литературы и языка Академии наук СССР является одной из 39 его национальных комиссий. Она отличается от них большим числом участников (около ста человек из республик и автономных областей), более широким охватом языков (61 язык индоевропейской, уральской, алтайской, северокавказской языковых семей) и протяженностью территории. Советская комиссия ЛАЕ представляет в Главный секретариат этого атласа, дислоцирующийся в Нидерландах, около четверти всех поступающих туда материалов атласа. Поэтому в ЛАЕ участием советских ученых придается особенно большое значение.

В настоящее время в основном завершен сбор материалов по первому вопроснику ЛАЕ, носящему ономастический характер. На основе материалов этого вопросника составляются так называемые лексические и мотивационные карты. Особенно показательны мотивационные карты, на которых картографируется внутренняя структура лексем в связи с задачами семантической типологии. Такие карты позволяют решить некоторые вопросы этнографии, фольклора, истории религий, взаимодействия культур народов.

Р. И. Аванесов был организатором работы по ЛАЕ в СССР. Он определил советскую сетку ЛАЕ и состав советской комиссии (д. ф. н. В. В. Иванов — ответственный за восточнославянские языки, академик Б. А. Серебrenников — ответственный за финно-угорские языки, член-корреспондент АН СССР Э. Р. Тенишев — ответственный за тюркские и монгольские языки, д. ф. н. Г. А. Климов — ответственный за кавказские языки, состав участников из республиканских академических институтов, НИИ и вузов). При Институте русского языка Академии наук СССР была организована рабочая группа ЛАЕ, являющаяся координационным и организационным центром, в который поступают все диалектные материалы советской части атласа, где они перепечатаются, обрабатываются и подготавливаются для введения в компьютер. Организация в практическом отношении достаточно эффективная, если учитывать, что на территории всей Европы по единой программе, с соблюдением твердых сроков должны выполняться задания Главного секретариата ЛАЕ в Нидерландах.

Первый этап заключается в сборе национальными комитетами данных по языкам (материалы экспедиций, архивов, национальных атласов) и их отсылке в Отдел информатики и автоматического картографирования в Марбурге (ФРГ) для ввода в компьютер. Там создан банк диалектных данных языков Европы. На уровне департаментов языковых семей Отдел информатики готовит сводные материалы. Департаменты на своих ежегодных совещаниях устанавливают типизации и составляют комментарии на уровне языковых групп и языковых семей. Авторы карт получают из Отдела информатики расшифровки по языкам, легенды и карты в соответствии с этимологиями, перечень второстепенных ответов, комментарии национальных комиссий, типизации и комментарии департаментов. Авторы составляют по специальной инструкции легенду для введения в компьютер и пишут комментарий в виде научной статьи. На следующем этапе Отдел информатики подготавливает первый вариант карты и списка символов.

Затем наступает этап рецензирования и одобрения карт к публикации. На этом этапе легенда, карта и комментарий проходят через контроль многих инстанций: рецензирование примерно тридцатью специалистами из разных стран Европы, ознакомление с ними финансирующего

атлас Немецкого научно-исследовательского общества, индоевропейской комиссии ЛАЕ и международного заседания редколлегии и Координационного комитета ЛАЕ. Если какая-либо из карт была отклонена вторично, ее подготовка поручается другому лицу. Причем о работе автора и о качестве представленных материалов информация автоматически доводится до сведения всех европейских национальных комиссий.

Особую роль играет марбургский Отдел информатики, где изготавливается окончательный вариант карт, подготовленный для публикации. Перед публикацией машинные распечатки рассылаются национальным комиссиям для сверки с оригиналами и исправления возможных ошибок. Карты публикуются Институтом прикладной геодезии во Франкфурте-на-Майне (ФРГ).

Работа по диалектам тюркских и монгольских языков ведется под руководством члена международной редколлегии ЛАЕ Э. Р. Тенишева. В сетку ЛАЕ входят 10 пунктов чувашского языка (д. ф. н. Л. П. Сергеев, Чебоксары), 2 пункта карачаево-балкарского языка (к. ф. н. Ш. Х. Акбаев, Карачаевск), 2 пункта ногайского языка (к. ф. н. Е. С. Айбазова, Черкесск), 10 пунктов башкирского языка (д. ф. н. Н. Х. Максютлова, Уфа), 10 пунктов татарского языка (к. ф. н. Л. Т. Махмудова, Казань), 1 пункт кумыкского языка (к. ф. н. Т. Г. Таймасханова, Махачкала), 2 караимских пункта (Фиркович, Вильнюс), 3 калмыцких пункта (к. ф. н. Э. Ч. Бардаев и к. ф. н. Н. Н. Убушаев, Элиста), а также 6 пунктов в европейской части Турции.

В настоящее время проходит подготовительная работа по Второму вопроснику ЛАЕ. Редколлегия ЛАЕ в 1985 году приняла решение обсудить первые полученные результаты на совещании редколлегии в Москве в 1987 году. Нужна коллегиальная работа по группам родственных языков для уточнения формулировок вопросника. Очень полезны также встречи исследователей различных групп языков. Подобные совещания были проведены как для балтийских и славянских языков, так и для кавказских и тюркских языков. Основная задача — осуществить пробное заполнение Второго вопросника (фонетика/фонология, морфология, синтаксис, лексикология, семасиология) для литературного языка или для одного населенного пункта. Например, материалы диалектологического атласа татарского языка, которые уже собраны, возможно, окажутся достаточными для заполнения Второго вопросника ЛАЕ. Недавно в тюркскую сетку ЛАЕ были включены два новых пункта гагаузского языка в Молдавии, которые соответствуют контрастным говорам гагаузского языка (к. ф. н. Г. А. Гайдаржи, Бельцы и Е. К. Колца, Кишинев). Диалекты гагаузского языка изучены слабо, они в основном изучались в лексическом плане. Калмыцкий язык — единственный монгольский язык в атласе, поэтому он должен быть особенно обстоятельно представлен, тем более, что он достаточно хорошо изучен в диалектологическом плане.

РЕЦЕНЗИИ

И. Н. ШЕРВАШИДЗЕ. ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

ИЗД-ВО «МЕЦНИЕРЕБА», ТБИЛИСИ, 1986, 133 стр.

После трудов В. В. Радлова, П. М. Меллиоранского, В. Л. Котвича, А. Н. Самойловича в деле издания и лингвистического изучения тюркских рунических памятников (ТРП) в России наступил перерыв. Новый этап издания, прочтения и переводов основных рунических памятников связан с именем С. Е. Малова (1880—1957), ученика В. В. Радлова, самоотверженному труду которого отечественная и мировая тюркологическая наука обязана строго научным изданием тюркских рунических памятников: «Памятники древнетюркской письменности» (М.—Л., 1951), «Енисейская письменность тюрков» (М.—Л., 1952), «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» (М.—Л., 1959), в которых были собраны известные в то время памятники — надписи руническим письмом. Эти труды С. Е. Малова, которым он посвятил почти всю свою жизнь, сыграли исключительно важную роль в возрождении в пятидесятые годы текущего столетия интереса к истории тюркских языков и явились стимулятором как для преподавания вузовского курса «Тюркские рунические памятники», так и для углубленного исследования грамматического строя древнейших памятников тюркской письменности, а также для поисков и публикаций новых или уточнения ранее известных тюркских рунических памятников¹.

Книга И. Н. Шервашидзе имеет следующие разделы: «Предисловие» (с. 3—11), «Словообразование» (с. 13—49), «Словоизменение» (с. 51—105), «Приложения: Фрагмент характеристики графем и фонемного состава языка тюркских рунических памятников» (с. 109—116), «Библиография»

(с. 119—127), «Условные сокращения» (с. 127—129), «Именной указатель» (с. 130—131), «Содержание» (с. 132—133).

В «Предисловии» подробно излагается история исследования двуступи на языке «варваров» (цзе), записанного китайскими иероглифами в хронике «Цзинь-шу» (середина VII в.); автор дает свою интерпретацию этого двуступи (с. 7—10), которое по-прежнему остается загадочным (главным образом из-за своей краткости).

Раздел «Словообразование» начинается с рассмотрения двух проблем: 1) о разграничении имен и глаголов; 2) о разграничении сфер словообразования и словоизменения (с. 15).

Разграничение имен и глаголов теснейшим образом связано с проблемой глагольно-именной омонимии — проблемой, имеющей длительную историю. Предположение А. М. Щербака о том, что «в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие-состояние, иначе был синкретичным» (с. 17), которое в основном согласуется с таковыми Н. К. Дмитриева, и Э. В. Севортяна (с. 16—17), не может быть принято; следовало бы — для полноты картины — рассмотреть и мнение Б. М. Юнусалиева (изложенное в книге: «Киргизская лексикология». Ч. I. Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959).

Мне представляется, что глагольно-именная омонимия является результатом конверсии, заключающейся в совпадении в единой звуковой форме разных по происхождению слов².

Вопросу разграничения словообразования и словоизменения автор справедливо уделяет особое внимание

¹ Библиографию см.: И. Н. Шервашидзе. Рецензируемое издание, стр. 119—127; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980; A. v. Gabain. Alttürkische Grammatik. 3 Auflage, Wiesbaden, 1974; T. Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic. The Hague, 1968.

² Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников (с. 79—82); K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, стр. 19; Н. А. Баскаков. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, стр. 65 и сл.

(с. 18—20). «Показатели словоизменения, — пишет автор, — могут следовать только за деривационными или словоизменительными морфемами, но никак не предшествовать им» (с. 18). Это утверждение в целом совершенно справедливое должно быть дополнено некоторыми уточнениями, например, сравним: *baba-lar-ım—baba-m-lar*; *yazmayacak—yazacak değil/yazmayacak değil*; *ev-ler-imiz-de-ki-ler-den* и т. п.

Аффикс (у И. Н. Шервашидзе — вопреки давно устоявшейся традиции — суффикс) глагольного отрицания автор затрудняется отнести «со всей определенностью либо к сфере словообразования, либо к сфере словоизменения» и определяет его как формант, «находящийся на стыке двух сфер — сферы словообразования и сферы словоизменения» (с. 20; см. еще: с. 48—49).

Отрицание как категория диалектики, — такая «логическая операция, с помощью которой из данного высказывания порождается новое высказывание», следовательно, отрицание, выраженное в словесной форме, является словообразованием.

В разделе «Словообразование глаголов от именных основ» обстоятельно рассматриваются представленные в тюркских рунических памятниках примеры. Афф. -га/-гә, который нередко рассматривается как комбинаторный вариант афф. -la/-lä далеко не во всех случаях является таковым. И. Н. Шервашидзе справедливо отмечает: «...форма -га — этимологически не совсем ясная форма» (с. 22). При звукоподражательных основах афф. -га/-гә состоит, по-видимому, из двух элементов -г+/-а/-ä: *mığa* — 'мычать' <*mıgır+а*; *jaŋga* <*jaŋır+а*; ср.: тур. *titir+ä* > *titrä* — 'дрожать'. Известно, что звуко-образо-подражательные односложные основы получают дальнейшее морфологическое развитие путем наращення морфем 𐰇𐰺 ~ 𐰇𐰺.

Парный — по мнению И. Н. Шервашидзе — глагол с афф. -а/-ä: *sıyta-joyla* — 'оплакивать' служит для передачи двух значений, отражающих поминально-погребальную традицию древних тюрков: *sıyta* — 'рыдать', *joyla* — 'устраивать тризну'/приносить жертву на тризне'(?).

Категория залога (с. 30—43) в изложении автора — в соответствии с традицией — имеет следующие разновидности: основной, возвратный, страдательный, взаимно-совместный.

И. Н. Шервашидзе, справедливо уделяющий особое внимание определению статуса каждой морфологической категории: словообразование — словоизменение, ставит вопрос: «Относится ли суффиксы, выражающие залоговые значения, к сфере словообразования или к сфере словоизменения? Как отмечалось выше, демаркационная линия между показателями словообразования и показателями словоизменения проходит через отрицательную форму (наши возражения против этого толкования см. ниже) и, следовательно, согласно этому критерию, залоговые форманты остаются в

сфере словообразования» (с. 31). Однако затем автор приходит к заключению: «Залоговые показатели... сближаются с формами словоизменения по тем особенностям, что в семантическом плане они не столько создают новое лексическое значение, сколько модифицируют его» (с. 32).

Категория залога является, с одной стороны, определенной словообразовательной моделью, а с другой — по своим грамматическим функциям — относится к одному из типов словоизменения (формообразования), отчетливо обнаруживаемому в различных отношениях, проявляющихся между действующим лицом и самим действием. Тесное взаимодействие грамматического и лексического начал в сфере образования залогов проявляется в том, что аффиксы залогов иногда (в зависимости от лексического значения) придают исходной основе не залоговые, а новое лексическое значение, то есть служат не формообразованию, а словообразованию: тур. *qel-* — 'приходить', *qel-iş-* — 'развиваться', *sev-* — 'любить', *sev-in-* — 'радоваться'³.

Раздел «Категория залогов», как, впрочем, и все другие разделы, разработан весьма обстоятельно, хотя, конечно, не обошлось и здесь без мелких погрешностей: например, форма *toıur* (с. 41) объясняется как понудительный залог от *toı-* — 'восходить (о светилах)'; однако в контексте приведенного примера: *kıñ toıurıu* слово *toıur* является субстантивированным причастием.

Переходя к рассмотрению аналитических форм глагола (с. 43 и сл.), автор указывает (в соответствии с традицией) две группы таких глаголов: сложно-отыменные и сложно-вербальные. В первой группе в качестве второго компонента выступают глаголы *bol-* — 'становиться' и *qıl-* — 'делать'; при этом из данной системы справедливо устраняется глагол *är-* — 'быть'.

Возникает естественный вопрос: можно ли глагол *bol-* признать компонентом аналитической формы глагола в составе, например, *qaıap bol-* — 'становиться каганом'? Является ли данное и подобные ему словосочетания сложным словом, выражающим единое понятие? Возникает также вопрос, может ли гл. *bol-* функционально соответствовать, например, афф. -la/-lä? По-видимому, и сам автор сомневается, так как заявляет: «...нет ни одного случая, в котором можно было бы усмотреть разрыв границы между сочетанием *R+bol*» (с. 44).

По-видимому, гл. *bol-* в подобных случаях выступает в функции глагола-связки, как и глагол *är-* (см. с. 45). Гл. *qıl-* по своим функциям (в сочетании с именами

³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников, § 316; его же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 403.

существительными) соответствует афф. -la/-lä.

В разделе «Словоизменение» (с. 53 и сл.) анализируются финитные формы, т. е. формы, могущие выступать в качестве самостоятельного сказуемого» (с. 53).

Нефинитные формы — деепричастия и причастия, по мнению автора (с. 86—105), не входят в разряд словоизменений (?!).

«Наклонений в языке ТРП, — пишет автор, — правомерно выделить два: изъявительное и повелительно-желательное» (с. 53), хотя с достаточным основанием можно и должно различать повелительное и желательное наклонения.

Весьма обстоятельно с многими тонкими наблюдениями рассматриваются названные наклонения.

При описании личных аффиксов прошедшего очевидного совершенного времени (обычно именуемого прошедшим категорическим) афф. 3-го лица представлен гласным -i, -î, что позволяет автору (справедливо) утверждать, что аффиксом этой формы «следует считать согласный -t, -d» (с. 54—55). Приняв это утверждение, мы тем самым возвращаемся к давнему предположению о происхождении аффикса этого времени из масдара на -t: $yazıt + i >$

$yaz \frac{t}{d} \bar{i}$.

Обстоятельно рассматриваются и другие временные формы изъявительного наклонения, сводная таблица которых приведена на стр. 73.

При определении ранга условной формы на -sar/-seg (с. 75—77), довольно широко представленной в тюркских рунических памятниках, автор закономерно ставит вопрос: можно ли этой форме присвоить статус наклонения, имея в виду недостаточность парадигм и отсутствие показателей лица (с. 75).

В разделе «Повелительно-желательное наклонение» (с. 77), как, впрочем, и в других разделах работы, автор обстоятельно анализирует форманты этого наклонения.

Формы *biliñ, bilinlär* «следует, — по мнению И. Н. Шервашидзе, — интерпретировать поначалу как именные формы со значением „ваше знание“ и „ваши знания“». «Недаром, — продолжает автор, — В. В. Радлов говорил, что суффикс -yıl... восходит к глаголу qıl- ‘делать’, т. е. qıl ‘делай’... В таком случае форму типа *äşidgil* можно интерпретировать как „делай слушание!“. Со временем именной генезис императивно-желательных форм исчез, и эти конструкции начали восприниматься как типичные представители разветвленной глагольной парадигмы» (с. 81). Сказанное приводит автора к заключению: «...суффиксы повелительно-желательного наклонения свидетельствуют либо о нерасчлененности имен и глаголов на первой стадии развития тюркских языков, либо об именном генезисе этих глагольных форм» (с. 81).

Предположение В. В. Радлова о происхождении афф. -yıl < gıl- ‘делать’ несостоятельно⁴; нечеткая позиция автора исследования («либо-либо») при рассмотрении возможных путей образования форм повелительно-желательного наклонения не может служить основой для решения проблемы.

И. Н. Шервашидзе три формы императива, используемые в одном предложении надписи Тоньюкука (Тон 34): *olugñ, ugñil, basıtma*, квалифицировал как синонимичные (с. 82); необходимо условиться, что считать синонимами — если самое общее содержание формы, то, пожалуй, это так, но в данном случае формы эти обладают существенным различием: нулевая морфема — исходная — служит для выражения повеления, не окрашенного каким-либо дополнительным оттенком; морфема -ñ — служит для категорического приказания одному или многим лицам; морфема -yıl — служит для почтительного приказания-просьбы.

Автор справедливо замечает, что деепричастие на -rap (наряду с деепричастием на *är*) ставит ряд вопросов: этимологически состав деепричастия на *är* и его семантика по отношению к деепричастию на *är*.

И. Н. Шервашидзе поддерживает предположение К. Брокельмана об именной природе деепричастия на *är*, а деепричастие на *är* считает формой древнего орудийного падежа от девербативного имени, которое стало функционировать в качестве деепричастия (с. 90). Однако существуют и другие предположения о составе этого деепричастия; например, по В. Бангу⁵, *rap* < *är* + Allativ auf-an. Не исключено (пожалуй, наиболее вероятно), что деепр. *är* на *är* (*är* *banı, är* *banın, är* *banın*) < *är* *ap* *ab* + усилительно-утвердительная частица — *an*; ср.: турецк. *alıp* и *alıp* *ta/da*, где *ta/da* — усилительная частица.

Рассматривая формы *täjin* и *tär*, автор приходит к ничем не подтвержденному заключению, что «...форма *täjin* соотносится с настоящим временем, тогда как форма *tär* от той же основы — с прошедшим временем» (с. 98).

В разделе «Причастие» (с. 97) говорится, что «причастные формы образуются посредством специальных морфем, едва ли не каждая из которых может выступать в трех морфологических функциях: 1) как причастие, в строгом терминологическом

⁴ Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. Грамматика языка древнетюркских памятников, § 328.

⁵ См.: W. Bang. *Koktürkischen zum Osmanische. I*, § 54; ср. также: Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 65; К. Н. Menges. *The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies*. Wiesbaden, 1968, стр. 135—136.

смысле этого слова; 2) как форма времени или знаменательный компонент аналитической временной формы и 3) как субстантивная форма, могущая взаимодействовать с суффиксами принадлежности или падежей» (с. 97). Все сказанное имеет прямое отношение к пониманию природы и функций тюркских причастий, которые не являются таковыми «в строгом терминологическом смысле этого слова».

Исследование И. Н. Шервашидзе заключается «Приложением» (с. 109), в котором представлен «Фрагмент характеристики графем и фонемного состава языка тюрк-

ских рунических памятников», весьма полезной своим четким изложением.

В заключение следует отметить, что И. Н. Шервашидзе удалось обстоятельно развить и, в ряде случаев, уточнить ранее сделанные наблюдения над формами глагола тюркских рунических памятников, их составом, семантикой и синтаксическими функциями и тем самым внести существенный вклад в дальнейшее изучение этой весьма важной отрасли тюркского языкознания.

А. Н. Кононов

«TURCOLOGICA. 1986». К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ

АКАДЕМИКА А. Н. КОНОНОВА

ИЗД-ВО «НАУКА», ЛЕНИНГРАД, 1986, 302 стр.

Рецензируемое издание включает статьи по языкознанию, литературоведению и истории.

Сборник открывается статьей С. Н. Иванова «Путь ученого», посвященной многолетней научной и педагогической деятельности академика Андрея Николаевича Кононова, крупнейшего советского тюрколога. Здесь же приводится библиография печатных работ А. Н. Кононова, изданных в 1980—1985 годах, составленная А. П. Векиловым. В статье А. Д. Желтякова «Академик А. Н. Кононов как историк русского и советского востоковедения» показан большой вклад, внесенный А. Н. Кононовым в изучение истории отечественного востоковедения, особенно истории становления и развития русской и советской тюркологии.

В сборнике широко представлена лингвистическая тематика.

В статье Н. А. Баскакова «Микроэтнонимы огузских этнических групп Закавказья» этнонимы рассматриваются на основе их смысловой структуры.

Г. Ф. Благова в статье «О языковой ситуации в тимуридском Мавераннахре (рубеж XV—XVI вв.)» останавливается на основных компонентах языкового состояния в Мавераннахре XV—XVI веков (тюркские диалекты карлукского, огузского и кыпчакского типа, а также ирано-язычные диалекты). В статье дается характеристика письменного языка, включающего язык художественной литературы

(наддиалектный чагатайский тюрки), канцелярский язык (главным образом персидский, частично чагатайский), язык религии (арабский). Автор приходит к заключению, что наддиалектный тюрки был наиболее близок к диалектам Ферганы, прежде всего к говору Анджиана.

Статья Н. З. Гаджиевой «О некоторых трудных вопросах методики изучения истории тюркских языков» посвящена проблеме использования типологических черт и данных ареальных исследований для изучения истории формирования кыпчакских и огузских языков. В статье обосновывается необходимость применения комплексной методики.

В статье Э. А. Груниной «О синтаксическом времени (на материале турецкого языка)» исследуется категория времени турецких финитных форм *ıyog*, *-(')g*, *-di* и *-miş* в плане противопоставления их по линии акциональности—неакциональности.

В. Г. Гузев в статье «К вопросу о „категории лица“ в тюркской морфологии» анализирует данную категорию на основе четкого различения понятий «формообразование» (образование форм как носителей категориальных значений) и «формоизменение» (изменение форм, не модифицирующее их категориальные значения).

В статье Д. М. Насилова «К соотношению лексических и грамматических значений в тюркских акциональных формах» на конкретном языковом материале показано тесное переплетение лексических и грамма-

тических значений в формах, образованных с помощью показателей, выражающих характеристики развертывания процесса, то есть способ действия. Делается вывод о том, что жесткая классификация в данном случае оказывается нерезультативной.

Б. А. Серебrenников в статье «В поисках истории грамматических форм» рассматривает параллелизм способов образования страдательного залога в тюркских и финно-угорских языках, состав аффикса относительных прилагательных на *-лыг* в тюркских языках, возможную связь аффиксов показателей наклонений и показателей лативов (направительных падежей), происхождение показателя настоящего времени *-дыр* в тюркских языках Сибири и некоторых падежных аффиксов в кыпчакских языках.

В статье Э. Р. Тенишева «О языке поэмы Кул Гали „Кысса-и Юсуф“» подробно рассматривается язык одного из наиболее значительных тюркоязычных художественных произведений XIII века. На основе данных фонетики, морфологии и лексики автор приходит к заключению, что в поэме в равной степени сочетались хорезмско-тюркские и огузские языковые традиции. В связи с этим затрагивается вопрос о литературном языке Поволжья в XIII—XIV веках. Убедительно показано, что в Поволжье использовалось несколько региональных вариантов литературного языка. Язык поэмы представляет собой один из вариантов старотатарского (или древнетатарского) литературного языка.

Л. Ю. Тугушева в статье «О *l* в раннесредневековом уйгурском литературном языке» прослеживает функционирование элемента *l* в качестве ритмического организатора на сверхсегментном уровне, не несущего лексического и грамматического значения.

Статья Э. А. Умарова «Из материалов к исторической фонетике узбекского языка (по словарю „Бадаи ал-лугат“)» посвящена изучению вокализма староузбекского языка на основе данных староузбекско-персидского словаря XV века. Автор отмечает, что в XV веке гласные различались долготой и краткостью, а это способствовало широкому использованию метрики аруз в узбекской поэзии.

Ряд статей посвящен вопросам лексикологии. Так, И. Г. Добродомов в статье «Эмилдеш — имильдеш» уточняет форму этого тюркского слова с помощью русских письменных исторических источников. В статье О. Т. Молчановой «Желтые цвета в алтайском ономастиконе» говорится об использовании слов *сары* 'желтый', *куба* 'бледно-желтый', *мутный* и *куу* 'бледно-желтый' в алтайских географических названиях. В статье Л. П. Потапова «Сакральное значение слова „богатый“ в алтае-саянских тюркских языках (по этнографическим материалам)» рассматривается употребление слов *баян*, *балт*, *бар*

со значениями «бог», «священный» алтае-саянскими тюрками.

Текстологические исследования представлены статьями Д. Д. Васильева «Самая северная руническая надпись на Енисее», И. В. Кормушина «Текстологические разыскания в области енисейской руники (к вопросу о женских поминальных надписях)», О. В. Васильевой «Турецкие рукописи в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Художественная литература)» и И. Е. Петросян «О трех анонимных рукописях Института востоковедения Академии наук СССР».

Значительное место в книге занимают исследования по литературоведению.

Статья Г. А. Давидовой «Из эпистолярного наследия Алишера Навои» посвящена сборнику писем «Муншаат», содержащему образцы произведений эпистолярного жанра на тюркском языке. Автором дается его описание и прилагается перевод одного из писем.

В статье А. Е. Мартынцева «К проблеме „ритм и метр“ в тюркоязычном классическом стихосложении» на материале турецкой классической поэзии исследуется процесс освоения тюркоязычной поэзией метрики аруз.

Е. И. Маштакова в статье «На рубеже литературных эпох („Жизнеописание Зихни“)» показывает, как особенности турецкой литературы первой половины XIX века нашли отражение в автобиографическом произведении турецкого поэта Байбуртлу Зихни «Книга приключений Зихни». Автор уточняет типологические особенности турецкой литературы первой половины XIX века.

В статье И. В. Стеблевой «Об одном мифологическом персонаже турецкой волшебной сказки» прослеживается связь между мифологическим образом Деда-садовника в турецкой волшебной сказке и представлениями о растительных божествах малоазийского происхождения, заимствованными тюрками-сельджуками у местного населения после их прихода в Малую Азию.

М. С. Фомкин в статье «Особенности содержательной поэтики тюркских стихов Султана Веледа» анализирует некоторые образы и символы в суфийской тюркоязычной литературе.

В сборнике широко представлена историческая тематика.

В статье Н. А. Дулиной «Из истории зарождения представительных институтов в Османской империи (40-е годы XIX века)» рассматривается участие выборных лиц от провинций в работе Высшего Совета юстиции Османской империи (высшего законодательного органа) и междоусобиц по благоустройству.

Статья К. А. Жукова «Османские хроники XV—XVII веков о создании войска „яя ве мюселлем“» описывает историю

создания этих войск и их роль в военной системе Турции до 1453 года.

В статье С. М. Иванова «О совершенствовании терминологического аппарата в туркологических исследованиях» уточняется содержание некоторых терминов, используемых в работах по истории Турции. Автор показывает, что ряд экономических категорий, получивших развитие при капитализме, таких, как «капитал», «государственный долг», «банк» и другие, в условиях переходного, преимущественно феодального общества Турции XIX—XX веков во многом перестают выражать сущность отношений в буржуазном обществе; капиталистические формы наполняются традиционными восточно-феодальными содержанием. Это относится и к более емким, синтезирующим понятиям. Так, понятие «абсолютизм» в Турции качественно отличается от понятия абсолютизма, принятого в Европе.

Статья И. Е. Петросян и Ю. А. Петросяна «О периодизации „эпохи реформ“ в Османской империи» посвящена вопросу, имеющему большое значение для выявления особенностей этих реформ. На основе глубокого изучения исторических процессов, происходивших в Османской империи в конце XVIII — начале XX века, авторы выделяют три этапа реформенного периода буржуазной социальной революции в Османской империи, в процессе которых создавались элементы капиталистического уклада в базисе и надстройке. Первый этап (1789—1830 гг.) связан с правлением султанов Селима III и Махмуда II, осуществивших военную реформу, второй — с деятельностью высшей прослойки новой бюрократии, которая искала поддержки своим начинаниям не только у верховной власти, но и в более широких слоях интеллигенции (40-е — начало 60-х годов XIX века). Третий этап — период проведения в жизнь самой радикальной политической реформы — ограничения власти султана с помощью конституции, что было осуществлено только в результате младотурецкой революции 1908 года (60-е годы XIX века — 1908 год).

В статье Ю. А. Петросяна «Из истории турецкой эмигрантской прессы начала XX века» впервые рассматривается деятельность турецкой эмигрантской газеты «Анадолу», выходящей в 1902 году в Каире, и о которой турецкие историки только вскользь упоминают. Изучение материалов газеты позволило автору заключить, что ее издатели поддерживали борьбу с абсолютизмом Абдул-Хамида II на базе традиционных институтов мусульманского общества и убеждали читателя в необходимости распространения просвещения для прогресса Турции. Особенно примечательно то, что газета пыталась примкнуть к тюркистским позициям, которые не были характерны для младотурок до 1908 года.

С. Г. Кляшторный в статье «Кыпчаки в рунических памятниках» доказывает, что эт-

нонимы *сир* (тюркские рунические памятники) и *кыбчак* (уйгурские рунические памятники) тождественны. В свою очередь *сир* тождествен китайскому *сеяньто* — название, под которым племя *сир* упоминается в китайских источниках. В статье исследуется история *сеяньто* по китайским памятникам, причем отмечается, что первоначально существовали племена *се* и *яньто*. После покорения племени *яньто* соседним племенем *се* (*сир*) китайские источники стали называть новое племенное образование *сеяньто*. В тюркских памятниках оно называется только по имени победившего племени (*сир*). В статье подробно излагается история *сеяньто* (*сир*) в VI—VII веках, его возвышение и разгром уйгурами в 646 году, вхождение в племенной союз с тюрками, в котором главенствующее положение занимали тюрки. Автор приходит к заключению, что замена этнонима *сир* этнонимом *кыбчак* (после 735 года этноним *сир* не встречается), имеющим уничижительное значение «неудачный», «злополучный», «никчемный», «злосчастный», было обусловлено тем, что этноним *кыбчак* должен был защитить племя *сир* от мести духов-предков враждебного им племени уйгуров.

Статья Т. И. Султанова «„Записки“ Бабура как источник по истории моголов восточного Туркестана и Средней Азии» исследует этот памятник в источниковедческом аспекте. В нем содержится описание обычаев и обрядов моголов, состояния их войска, приводятся названия могольских племен и повествуется о службе моголов различным тимуридским правителям, а также характеризуются могольские правители эпохи Бабура.

В статье А. П. Григорьева «Формуляр-золотоордынских жалованных грамот» рассматривается структура этих грамот, исследуется состав и содержание их формуляра, который, по мнению автора, состоял из пяти статей: богословия, обращения, объявления о пожаловании, условий пожалования и удостоверения.

Истории отечественного востоковедения посвящены статьи С. Н. Иванова и Ф. Д. Ашнина.

В большой статье С. Н. Иванова «Туркология в Ленинградском университете» подробно освещается история туркологических исследований и преподавания тюркских языков в Петербургском — Ленинградском университете начиная с 1822 года, выделяются ее основные этапы. Автор указывает, что в дореволюционный период были заложены основы русской классической туркологии, достигнуто гармоничное сочетание научной деятельности и преподавания тюркских языков. Особо отмечается большой вклад, внесенный русскими советскими туркологами в дело культурного строительства в тюркоязычных республиках нашей страны и подготовки национальных кадров туркологов.

В статье Ф. Д. Ашнина «Знакомые нез-

накомцы, или Кто стоит за криптонимом» устанавливается авторство рецензии на работу русского монголоведа А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (Казань, 1849): рецензия была написана выдающимися тюркологами Н. И. Ильминским и И. Н. Березиным.

Благодаря большому тематическому разнообразию и высокому научному уровню материалов рецензируемый сборник, несомненно, с интересом будет встречен тюркологами нашей страны и зарубежными учеными.

В. Г. Кондратьев

М. Ф. ЧЕРНОВ. ФРАЗЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, ЧЕБОКСАРЫ, 1985, 174 стр.

Рецензируемая монография М. Ф. Чернова посвящена почти совершенно неизученной в чувашском языкознании проблеме — фразеологии.

Монография включает: «Введение», три главы и «Заключение». По-видимому, ограниченный объем книги не позволил автору ввести в книгу раздел «Фразеологизмы и смежные с ними структуры», как известно, основательно разработанный М. Ф. Черновым. Поэтому автору приходится часто ссылаться на собственные работы при рассмотрении ряда смежных вопросов¹.

«Введение» представляет собой краткий обзор истории изучения тюркской фразеологии, прежде всего чувашской (с. 6).

В первой главе «Предмет фразеологии чувашского языка как лингвистической дисциплины. Фразеологический состав чувашского языка» дается определение предмета фразеологии и говорится о фразеологическом составе чувашского языка, то есть рассматриваются ключевые проблемы теории фразеологии, в решении которых лингвисты пока не пришли к единому мнению. При определении фразеологизма М. Ф. Чернов исходит из общеизвестного положения теоретического языкознания. Согласно этому положению в любой языковой системе на всех ее структурных уровнях соединениям значимых элементов языка, создаваемых на основе установившихся в языке правил или общих закономерностей, их интеграции, противопоставлены комбинации языковых единиц, структура которых «не подчиняется» этим правилам и представляет собой то или иное отступ-

ление от них или остается вне общих законов сочетаемости. Такие соединения элементов языка существуют в нем как несвободные образования, то есть как единицы языка. Отступления от правил интеграции значимых единиц языка получили довольно широкое распространение и на уровне сочетаний лексем. По утверждению М. Ф. Чернова, фразеологизмом, или фразеологической единицей, является «любое соединение слов, представляющее собой отступление от существующих в языке закономерностей интеграции лексем как значимых единиц языка, т. е. любое несвободное сочетание слов» (с. 16). Таким образом, автор книги относит к фразеологии не все случаи отступления или отклонения от правил сочетаемости элементов языка, как в последнее время полагают некоторые исследователи, а только те, которые происходят на уровне сочетаний словесных единиц. Тем самым он сохраняет традиционную связь понятия «фразеологизм» с соединениями лексических единиц.

Правоммерно утверждение М. Ф. Чернова, что «фразеологизмы, как и другие значимые структурные единицы языка, характеризуются комплексом дифференциальных признаков» (с. 16). Среди них как определяющие, или релевантные, выделяются семантическая спаянность компонентов и их раздельнооформленность (с. 16, 166). Другие признаки — устойчивое соотношение значения и определенного лексико-грамматического состава, их воспроизводимость в речи — определяются семантической связанностью словесных компонентов. На основе учета всех дифференциальных признаков, свойственных фразеологизму, ему дается следующая дефиниция: «фразеологизм — это семантически несвободное сочетание слов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся устойчивым соотношением значения и

¹ М. Ф. Чернов. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. Чебоксары, 1973; *его же*. Чувашско-русский фразеологический словарь. Глагольно-именные фразеологизмы. Чебоксары, 1982.

определенного лексико-грамматического состава» (с. 19). На наш взгляд, это определение фразеологизма точно отражает сущность данного понятия. Важной особенностью его является всеобъемлемость. Дефиниция фразеологизма М. Ф. Чернова охватывает всю совокупность несвободных сочетаний слов: метафорических и неметафорических, идиоматических и неидиоматических, образных и необразных (или номинативных и экспрессивно-оценочных), со структурой непредикативных и предикативных (коммуникативных) единиц.

Следует особо отметить, что определение фразеологизма, данное в книге М. Ф. Чернова, не отвергает другие его дефиниции, существующие в языкознании, а скорее всего уточняет их.

Однако, как нам кажется, определение фразеологической единицы значительно выиграло бы, вернее, стало бы более точным и полным, если бы автор отразил в нем признак конвенциональности, или социальной закреплённости, присущей фразеологизмам. Известно, что последние становятся единицами языка лишь тогда, когда начинают восприниматься как общепринятые языковые образования.

Особенно большой интерес с теоретической точки зрения представляет часть первой главы, посвященная фразеологическому составу чувашского языка. При решении проблемы состава фразеологизмов в исследуемом языке М. Ф. Чернов основывается на выводах современного языкознания в области теории номинации. В последнее время утвердилось мнение, что фразеологическая связанность во многих отношениях обусловлена не прямой косвенной номинацией фактов действительности². М. Ф. Чернов данное теоретическое положение подтверждает на материале чувашского языка. Основываясь на разнообразии функций слов, обусловленных опосредованным отображением фактов внеязыковой действительности, автор выделяет в чувашском языке три вида связанности слов: 1) вызванную функцией контекстуально обусловленной номинации (например, *нӳрӗ сын* 'вялый человек', *ӳйтӑ вилӗмӗ* 'собачья смерть', *сар кӗркунне* 'золотая осень'); 2) обусловленную структурной функцией (например, *ӑс тыт* 'надумать', *хӗне кай* 'впасть в продолжительную, хроническую болезнь', *упа кӑткӑ* 'крупный муравей'); 3) возникшую на основе совместной номинации слов (например, *тӑм ҫамка* 'глупый, глупец', *хуп турттар* 'крепко спать'). Автор дает подробную характеристику каждого из этих видов.

Выводы автора о фразеологическом составе чувашского языка весьма интересны.

Впервые в тюркологии им подробно рассматриваются типы связанности значений слов на основе теории номинации. Важно отметить, что состав определяемых автором фразеологических единиц адекватно соотносится с дефиницией фразеологизма. Однако мы полагаем, что вопрос о типах связанности слов этим не исчерпывается, и допускаем, что все разнообразие фактов языка, обусловленных косвенной номинацией, не укладывается в рамки трех выделенных типов. Это тем более правомерно, что в языке встречаются случаи связанности, вызванные узкой сочетаемостью, определяемые самой природой слова (ср.: *шартлама сивӗ* 'трескучий мороз', *яр уҫса яр* 'открыть настезь'). По-видимому, хорошо осознавая это, автор рецензируемого исследования пишет, что классификация типов связанности слов «в известной степени носит условный, схематичный характер и это проявляется в том, что выделенные типы не всегда наблюдаются в чистом виде, нередко они взаимопроницают и взаимопереходят» (разрядка моя. — З. У.) (с. 39). Дальнейшее, более глубокое исследование проблемы связанности слов, чрезвычайно важной для теории и практики, поможет вскрыть и определить и другие закономерности ограниченной сочетаемости словесных единиц. Несомненная заслуга автора книги заключается в том, что он впервые в чувашском языкознании и тюркологии делает попытку определить типы несвободной сочетаемости слов.

Установление фразеологического состава чувашского языка позволило автору четко выделить два структурно-семантических типа фразеологизмов: фразеологические сочетания и идиоматические сочетания, или идиомы-фразеологизмы.

Вторая глава книги посвящена устойчивым словесным комплексам, квалифицируемым автором как фразеологические сочетания. Эти соединения по смысловому содержанию отличаются исключительно большим разнообразием и сложностью, их систематическое описание представляет значительные трудности. Из материала второй главы видно, что М. Ф. Чернов проанализировал огромный фактический материал и на этой основе создал стройную научную классификацию фразеологических сочетаний с учетом их функциональных и структурно-семантических особенностей.

Автор монографии очень кратко останавливается на истории изучения фразеологических сочетаний. Как известно, до сих пор лингвисты по-разному оценивают сущность этих своеобразных словесных оборотов. В русистике им уделяется много внимания, в тюркологии же эти сочетания в состав фразеологии не включаются или же включаются в незначительном количестве. М. Ф. Чернов в интерпретации природы фразеологического сочетания придерживается точки зрения академика В. В.

² См.: «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972, стр. 479—509; «Языковая номинация. Виды наименований», М., 1977.

Виноградова и применяет ее на материале чувашского языка.

Всесторонне рассмотрев признаки фразеологических сочетаний, М. Ф. Чернов глубоко раскрывает сущность фразеологизмов и дает им следующее определение: «Фразеологическое сочетание — это семантически несвободное сочетание слов с односторонней смысловой зависимостью компонентов, воспроизводимое в речи как готовая единица языка, характеризующаяся аналитичностью выражаемого смысла, отсутствием отношения грамматической связи между компонентами и устойчивым соотношением значения и лексико-грамматических средств его выражения» (с. 52). Такая интерпретация фразеологического сочетания не противоречит общему определению фразеологизма, а исходит из него и соотносится с ним как частное с общим.

Во второй части рассматриваемой главы анализируются функциональные и структурно-семантические особенности фразеологических сочетаний. Автор правомерно дает семантико-грамматическую классификацию фразеологических сочетаний в тесной связи с их функциональной характеристикой. В зависимости от принадлежности условного стержневого компонента к той или иной части речи М. Ф. Чернов выделяет два семантико-грамматических разряда фразеологических сочетаний: субстантивные и глагольно-именные. Каждый из выделенных разрядов получил глубокую, научно-последовательную характеристику на основе тщательного анализа большого фактического материала художественной и публицистической литературы, а также произведений устного поэтического творчества.

В главе о фразеологических сочетаниях проблема решается многопланово и основательно. Тем не менее возникает немало вопросов, которые требуют самостоятельного освещения. Это касается прежде всего сочетаний с глагольным компонентом *ту* 'делать'. Автор в своем исследовании главным образом оперирует сочетаниями слов со стержневым компонентом *ту*, в которых первыми компонентами выступают исконно чувашские имена существительные (например, *халл ту* 1) 'приветствовать'; 2) 'проявлять гостеприимство'; *хана ту* 'угощать'). В разговорном языке, в двуязычных словарях встречается большое количество словесных оборотов типа *инвентаризация ту* 'инвентаризировать, производить инвентаризацию'. Свое отношение к подобным оборотам автор почему-то не выразил. Однако в целом работа М. Ф. Чернова заслуживает высокой оценки и является основополагающей в изучении фразеологических словосочетаний в чувашском языке.

Третья глава посвящена идиоматическим сочетаниям чувашского языка. М. Ф. Чернов считает определяющим признаком идиом-фразеологизмов их семантическую

неделимость, то есть невыводимость значения целого из значений составляющих частей. Он утверждает, что этот признак, свойственный фразеологизмам, характеризующимся идиоматичностью, не разделяет, а объединяет фразеологические единства и фразеологические сращения, рассматривая обе разновидности фразеологизмов как единый тип. Таким образом, М. Ф. Чернов приходит к выводу, что установленные В. В. Виноградовым два семантических типа фразеологических единиц — единства и сращения — по особенностям своей структуры и семантики фактически не различаются: те и другие характеризуются одним и тем же важным признаком — семантической нечленимостью, основанной на идиоматичности.

Выделение В. В. Виноградовым в определенной части фразеологизмов двух разновидностей по сути дела отражает мотивированность их значения с точки зрения синхронии. Имея это в виду, М. Ф. Чернов подразделяет идиомы-фразеологизмы на мотивированные (например, *кукша пуç* 'одуванчик', *кара çавăр* 'болтун', *йыл пулли пек* 'маленький и живой') и немотивированные (например, *турти кёске* 'вспыльчивый', *питне кёссе çеленё* 'у него нет стыда').

В книге обстоятельно сопоставляются идиоматические сочетания со свободными соединениями слов и другими структурно-семантическими типами фразеологизмов — фразеологическими сочетаниями. Все это отразилось в дефиниции идиомы-фразеологизма (с. 98). В качестве одного из дифференциальных признаков идиоматических сочетаний выделяется их соотносительность по категориальному значению с определенными лексико-грамматическими разрядами слов. С учетом этого и производится основная их классификация. По соотносительности с той или иной частью речи в современном чувашском языке автором определяются четыре семантико-грамматических разряда идиоматических сочетаний: субстантивные, адъективные, адverbиальные и глагольные. В монографии каждый из названных разрядов получил глубокую, многоаспектную функциональную, структурно-семантическую характеристику. И при описании семантико-функциональных и грамматических особенностей идиоматических сочетаний автор исходит из их соотносительности с лексическими единицами. Это, на наш взгляд, вполне правомерно, ибо исследуемые словесные единства по своей индивидуальной семантике и категориальным свойствам соотносятся со словами.

Нередко в лингвистической литературе, особенно в тюркологии, фразеологические единицы рассматриваются лишь как образно-экспрессивное средство языка. М. Ф. Чернов к определению функционального значения фразеологизмов подходит более дифференцированно и широко. На богатом

фактическом материале он показывает, что идиомы-фразеологизмы и фразеологические сочетания по своей структуре и семантике, хотя и представляют единое целое, однако с точки зрения выполняемых ими функций подразделяются на две группы: 1) фразеологизмы с номинативной функцией и 2) фразеологизмы с экспрессивно-оценочной функцией. Назначение первых состоит в номинации предметов, явлений, свойств, качеств, процессов, а также соответствующих понятий об этих предметах (явлениях и т. п.), не осложняемых добавочными оттенками значений. Назначение же вторых — совмещать в себе номинативную и экспрессивно-оценочную функции при определяющей роли последней.

Таким образом, М. Ф. Чернов рассматривает фразеологизмы не только как образно-изобразительные средства языка, но и как элементы предметной номинации.

В целом рецензируемая монография М. Ф. Чернова представляет собой значительный вклад в развитие теории чувашской и тюркской фразеологии. Она имеет также большое значение для теории и практики лексикографии и фразеографии. Положения книги могут быть успешно использованы при составлении учебно-методических пособий по современному чувашскому языку и в педагогической практике.

З. Ураксин

Т. Х. ХАЙРУТДИНОВА. ГОВОР ЗЛАТОУСТОВСКИХ ТАТАР

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КАЗАНЬ, 1985, 157 стр.

Рецензируемая работа посвящена актуальной для татарского языкознания проблеме — синхронному описанию неисследованного говора златоустовских татар.

Во введении автор впервые останавливается на истории заселения татарами изучаемой территории. На основе данных архивных материалов и источников по истории Башкирской АССР автор устанавливает, что заселение татарами исследуемой территории происходило в несколько этапов — с конца XVII и до середины XIX века. Т. Х. Хайрутдинова пишет, что заселение было двояким: государственным и свободным. В первом принимали участие служилые татары — мишари. Обширные свободные земли привлекали также население из Поволжья. Важным, на наш взгляд, является заключение автора, что этнонимы «мишари» и «тептяри» включали как этническое, так и сословное понятия. «Мишари и тептяри жили и живут в большинстве случаев в одних и тех же селениях, — пишет Т. Х. Хайрутдинова. — В языковом, этнографическом, культурном отношении они не отличаются друг от друга» (с. 16). Основная часть монографии посвящена исследованию говора златоустовских татар, составляющих компактную группу населения в Дуванском, Кигинском, Мечетлинском, Салаватском районах и в дер. Никутино (Верхняя Белянка) Белокатайского района Башкирской АССР.

В первой главе обстоятельно анализируется фонетический строй названного гово-

ра: описывается звуковой состав, отмечаются его особенности, дается характеристика звуковых соответствий и основных фонетических процессов, протекающих в говоре.

Система гласных включает, как и в татарском литературном языке, десять фонем. Подробно описывается в работе артикуляция каждой из них, приводится богатый иллюстративный материал, выявляются совпадения с говорами среднего диалекта. Особое внимание обращается автором на нарушения соответствий гласных говора гласным нормативного языка: употребление *э* вместо *и*, *у* вместо *о* указывает на близость исследуемого говора говорам мишарского диалекта; наличие *и ~ э* свидетельствует о сходстве говора с говорами татар западных и юго-западных районов БАССР.

Тщательное изучение соответствия широких и узких гласных, а также гласных переднего и заднего ряда указывает на принадлежность говора системе татарского языка. Весьма любопытны особенности проявления гармонии гласных — в частности, губная гармония в говоре в отношении *о* и *ө* (с. 25) не свойственна айскому говору башкирского языка, территориально близкого к говору златоустовских татар. Таким образом, в системе вокализма говора расхождений с татарским языком не отмечается. Рассматривая фонему *у*, автор пишет: «Гласный *у* употребляется только в первом слоге слова: *урын* — место, *сул* — левый, *туры* — прямой и т. д.» (с. 20). То

же самое говорится и о фонеме *y*. Конечно же, фонемы *y*, *у* в говоре не имеют позиционных ограничений, о чем свидетельствуют примеры *камзул* (с. 25), *сыбуза* (с. 85) и отглагольные имена на *-y/-у*, и, следовательно, в данном случае, как и во многих других, говор совпадает с литературным языком.

Исследуя систему согласных фонем, автор приходит к заключению о наличии в говоре следующих особенностей, общих с говорами всех трех диалектов татарского языка: наличие глубокозаднеязычных *к*, *б*, *х* — как в говорах среднего диалекта; оглушение *б* перед глухим *т*, озвончение *к*, *г* в интервокальной позиции отдельных слов, соответствие среднеязычного звонкого спиранта *й* нормативному *ж* — как в мишарском диалекте; общим с говорами восточного диалекта является оглушение *б*, *г* между гласными в некоторых словах, а также упомянутое *й*-оканье.

Говор златоустовских татар обнаруживает некоторые общие черты и с башкирскими говорами — систематическое соответствие *с—ч* (*салгы* — литер. *чалгы* 'коса', *сискә—чәчәк* 'цветок', *алгас—алгач* 'взяв'); наличие палатализованного *ж'* вместо переднеязычного звонкого *ж* в арабо-персидских заимствованиях и в отдельных татарских словах. Соответствие *с—ч* автор считает результатом влияния башкирских говоров на исследуемый говор (с. 30).

Во второй главе Т. Х. Хайрутдинова рассматривает грамматический строй говора как систему. Диалектные формы сравниваются с соответствующими формами, бытующими в татарских и башкирских говорах. Части речи златоустовского говора и их грамматические категории в основном не отличаются от соответствующих литературных форм татарского языка: употребление конструкции типа *барасым килә*, имени действия на *-ыш/-еш*, выражения

многократности посредством аффиксов *-ыштыр/-ештер*, *-қала/-кәлә*, причастия на *-ыр/-ер*, инфинитива на *-ырга/-ерга* и т. д. В изучаемом говоре имеется некоторое морфологическое сходство с башкирскими говорами, например, повелительное наклонение на *-ың/-ең* и форма на *-ырга итә*.

Подробно остановившись на грамматических особенностях говора, автор, однако, не рассматривает посессивное склонение имен существительных, не отвечает на вопрос: можно ли считать, например, показатель направительного падежа *-га/-гә*, *-қа/-кә* (с. 52) единственным в говоре.

В третьей главе (с. 102—140) дается лексико-семантический анализ диалектной лексики говора в сравнении с другими говорами татарского языка, а также с другими тюркскими языками.

Изучение лексики говора златоустовских татар показывает, что основной его лексический фонд является общим с татарским литературным языком. Диалектная лексика имеет много общего с лексикой говоров среднего и мишарского диалектов. Кроме того, в говоре имеется определенное число слов, общих с говорами восточного диалекта татарского языка: автор считает это результатом влияния экстралингвистических факторов. Говор включает довольно большое количество слов башкирского языка.

Анализ обширного языкового материала позволяет автору заключить, что говор златоустовских татар относится к среднему диалекту татарского языка, в то же время он испытал определенное влияние соседних башкирских говоров.

Монография Т. Х. Хайрутдиновой написана на основе материалов, собранных автором методом лингвистической географии во время диалектологических экспедиций.

Я. С. Ахметгалева

В. Х. ХАКОВ. ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕНЕҢ СОВЕТ ЧОРЫНДА ҮСЕШЕ (20—30-нчы еллар)

КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫ НӘШРИЯТЫ, 1985, 150 стр.

Книга В. Х. Хакова посвящена изучению развития татарского литературного языка в 20—30-е годы. Этот период становления и активного функционирования не только татарского, но и многих других тюркских языков народов СССР представляет особый интерес, ибо именно в эти годы в нашей стране шло интенсивное языковое стро-

ительство и формирование ряда литературных языков на общенародной основе. До рецензируемой книги специальных работ, посвященных данной проблеме, не было.

В первой главе монографии «Развитие татарской лингвистики и литературного языка после Великой Октябрьской социалистической революции» прослеживается ог-

ромная работа, проделанная в республике в области языкового строительства в 20—30-е годы.

Еще в 1918 году в Казани состоялся Третий Всероссийский съезд учителей-мусульман, на котором была создана Научная коллегия (впоследствии преобразованная в Академический центр), занимавшаяся разработкой лексических, фонетических и грамматических норм татарского языка.

В 1919 году в Казани на Всероссийской лингвистической конференции был рассмотрен ряд вопросов совершенствования алфавита и орфографии татарского языка. В работе конференции участвовали такие видные ученые, как М. Субхи, А. Н. Самойлович, Н. Ф. Катаров, С. Е. Малов, В. А. Богородицкий, Н. И. Ашмарин и др.

25 июня 1921 года был издан декрет ЦИК Совета Народных Комиссаров Татарстана о функционировании и развитии татарского языка, а в 1922 году было принято правительственное постановление о преподавании татарского языка во всех средних, высших и профессионально-технических учебных заведениях Татарии.

Следствием языкового строительства в Татарии явилось интенсивное развитие татарского языкознания. В 20-е годы появились научные и практические работы по татарскому языку, предпринимались энергичные шаги по установлению лексических, фонетических, грамматических и стилистических норм литературного языка. Татарская лингвистика начинает развиваться в органической связи с общественной жизнью, ее культурными задачами. Выдающиеся татарские языковеды Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Г. Шараф, Х. Бадиги, Г. Аппаров, М. Курбангалиев, Г. Нугайбек внесли значительную лепту в развитие тюркологической науки того периода, успешно продолжив традиции казанской лингвистической школы.

Развитие татарского языкознания в 20—30-е годы благотворно повлияло на преподавание в учебных заведениях родного языка, на разработку новой, более совершенной методики его преподавания. Подготавливались и издавались соответствующие учебники и учебные пособия.

В первой главе В. Х. Хаков, опираясь на тщательный анализ обширного фактического материала, характеризует процесс развития татарского литературного языка в советский период как дальнейшее его совершенствование на основе письменных традиций и живой народной речи с широким использованием при этом внутренних возможностей татарского языка, а также экстралингвистических факторов.

Разработка языковых норм при этом проходила в условиях острой борьбы представителей различных воззрений на развитие литературного языка. Мнения расходились прежде всего по вопросу о заимствованиях. Одни языковеды выступали за разумное использование в необходимых слу-

чаях как арабских и персидских заимствований, так и русских и интернациональных слов, понятных и доступных народу; другие ратовали за неограниченное заимствование арабизмов и персизмов без особой в том нужды, к тому же непонятных основной массе носителей татарского языка. Некоторые ученые считали оправданными лишь интернациональные заимствования. Были и пуристы, отвергавшие любые заимствования. Все эти течения нашли широкое освещение в рецензируемой работе.

Эволюция татарского литературного языка советского периода, связанная с глубокими изменениями в социальной жизни общества, особенно сильно сказалась на его лексико-семантической системе. Поэтому история разработки и установления лексических норм татарского литературного языка в послеоктябрьский период занимает в книге большое место.

Во второй главе книги найдено освещение деятельности официальных правительственных органов и комиссий по практическим проблемам лексического состава языка.

В 1921 году в Казани при Наркомпросе Татарской АССР была создана терминологическая комиссия, а в Уфе при Наркомпросе Башкирии — комиссия по проблемам лексических норм татарского языка.

В разработке проблем лексического состава и литературного нормирования татарского языка в новых условиях на основе общенародного языка особую роль сыграли «Тезисы по совершенствованию татарского языка», предложенные Г. Ибрагимовым на съезде татаро-башкирских работников просвещения, состоявшемся в 1924 году в Москве. Положения этих тезисов легли в основу развития лексико-семантической системы современного литературного татарского языка. Они сводятся к следующему:

1. Главным источником развития лексики являются собственные средства языка. При этом для выражения новых понятий соответствующие существующие татарские слова обогащаются новыми значениями; морфологическим и синтаксическим способами создаются новые лексические средства выражения. 2. При необходимости калькируются русские слова. 3. В тех случаях, когда невозможно выразить новые понятия собственными средствами татарского языка, заимствуются русские и интернациональные слова. Что касается арабизмов и персизмов, имеющихся в татарском языке, то в «Тезисах» рекомендовалось заменять непонятные народу арабо-персидские заимствования собственными татарскими словами, а также русизмами и интернационализмами, употребляющимися в разговорной речи. А те арабизмы и персизмы, которые уже глубоко усвоены народом, должны сохраниться в литературном языке. Что касается вопроса о русских заимствованиях, то предписывалось употреблять их лишь в тех

случаях, когда для выражения того или иного понятия собственных языковых средств не хватало.

В монографии В. Х. Хакова исследуется имевший место в 20—30-е годы интенсивный процесс обогащения лексики литературного языка за счет живой разговорной речи и просторечных слов. В ней рассматриваются также изменения в лексике, связанные с полисемантичным содержанием слов, и лексическое наполнение отдельных функциональных стилей. Подробно останавливается автор и на лексических заимствованиях. Им раскрываются особенности употребления и перспективы развития арабизмов и персизмов, русизмов и интернационализмов в татарском языке.

Одна из важных задач в области языкового строительства заключалась в быстрейшем упорядочении алфавита и орфографии татарского языка, в разработке орфоэпических норм. Эта работа велась под знаком приближения литературного языка к разговорной речи. Данным проблемам посвящена третья глава книги В. Х. Хакова «Фонетические нормы литературного языка», где рассматриваются вопросы вокализма, сингармонизма, консонантизма и нормирования заимствований.

Лексический состав татарского литературного языка в советский период значительно расширился за счет образования новых слов морфологическим и синтаксическим способами. Четвертая глава книги посвящена словообразованию в татарском языке, прежде всего имен существительных, прилагательных и глаголов, при помощи соответствующих аффиксов. Интересно, на наш взгляд, определение автором семантических особенностей словообразовательных аффиксов.

Расширение лексического состава языка в советский период, активизация словообразования происходят также посредством сложения и сочетания отдельных лексем. Автором исследуются многие сложные, парные, составные и сложносокращенные

слова, образовавшиеся в послеоктябрьский период.

Развитие норм татарского литературного языка в этот период отразилось и на его грамматическом строе. Как справедливо утверждает автор в пятой главе, посвященной грамматическим и стилистическим особенностям языка, его грамматическая структура в те годы развивалась на основе внутренних возможностей общенародного разговорного языка и давних традиций языка классической татарской литературы.

Для 20—30-х годов было характерно расширение функций отдельных морфологических форм, выпадение из употребления грамматических особенностей огузского и чагатайского происхождения, бытовавших лишь в книжном языке, замена некоторых морфологических форм старотатарского литературного языка грамматическими формами общенародного языка. Этот процесс нашел соответствующее отражение в монографии.

Справедливым представляется утверждение автора о более активном употреблении в указанный период и таких синтаксических форм, как обособленные и однородные члены предложения, вводные слова и предложения, вставные и присоединительные конструкции, сложноподчиненные предложения аналитического типа и т. д.

Рецензируемая монография богато иллюстрирована примерами, включает библиографию, охватывающую обширную литературу исследуемого периода, архивные и рукописные материалы.

Работа В. Х. Хакова «Развитие татарского литературного языка в советский период» — заметное явление в татарском языкознании. Она представляет определенный интерес и для тюркологов, ибо в ней исследуются общие проблемы эволюции тюркских языков народов нашей страны в советский период.

Р. А. Юсупов

«ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»

УФА, 1985, 155 стр.

Изучение диалектов тюркских языков ведется в настоящее время на всех языковых уровнях — фонетическом, грамматическом и лексическом. В последнее время в ряде тюркоязычных республик и областей ведется работа над обобщением диалектологических исследований.

Рецензируемый сборник включает материалы IX конференции по диалектологии тюркских языков, состоявшейся 8—10 сентября 1982 года в Уфе. Он продолжает серию публикаций «Вопросы диалектологии тюркских языков» по материалам проведенных конференций.

Тематика сборника разнообразна. Сюда включены статьи, посвященные проблемам исторической диалектологии, современному состоянию изучения диалектов и говоров, лингвистической географии и языковым контактам. Классификации диалектов рассматриваются в различных аспектах: с точки зрения взаимодействия языков, взаимоотношений диалектов и литературного языка, субстратных форм и т. д.

Сборник включает двадцать восемь статей. В статье М. Ш. Ширалиева «Итоги и задачи диалектологии тюркских языков СССР» дан обзор достижений в области изучения диалектов тюркских языков Советского Союза. В статье отмечается, что фронтальное изучение диалектов и говоров тюркских языков СССР позволило за короткий срок собрать богатейший фактический материал, послуживший основой для создания многочисленных монографических исследований. Изучение диалектов и говоров тюркских языков СССР позволило выделить три относительно самостоятельных направления в советской тюркской диалектологии. Прежде всего — это монографические исследования диалектов. Вторая область изучения — это диалектологическая лексикография. Третья область — лингвистическая география. Указывая на достижения отдельных тюркских языков в области диалектологии, автор подробно останавливается на общесоюзной теме — создании Диалектологического атласа тюркских языков СССР. В статье также указаны важнейшие задачи, стоящие перед диалектологами-тюркологами Советского Союза.

Заслуживает внимания статья Н. Х. Максютовой «Башкирская диалектология (итоги и перспективы)». Автор подробно анализирует достижения башкирской диалектологии начиная с 30-х годов, указывает на роль советских ученых, особенно Н. К. Дмитриева, в развитии башкирского языкознания. Башкирская диалектология за советское время достигла значительных успехов в области монографических исследований. Результатом монографического изучения говоров явились обобщающие труды по двум опорным диалектам с их говорами.

Изучение диалектной структуры и языковых особенностей башкирских говоров в сопоставлении с диалектами других тюркских языков позволило сделать с 1972 года ряд теоретических выводов. Начал собираться материал для «Диалектологического атласа башкирского языка». Работа по созданию атласа сейчас продолжается.

Статья М. З. Закиева «Сравнительно-историческое изучение языков и диалектов и проблема взаимосвязи истории языка и истории этноса» носит теоретический характер. Она представляет собой ценное научное исследование, способствующее разработке указанных выше проблем. Взаимосвязь истории языка и истории этноса, сравнительно-историческое изучение язы-

ков и диалектов — наиболее важные и актуальные проблемы. Автор отмечает, что сравнительно-историческое языкознание выдвигает «задачу установления архетипов праязыка, который понимается обычно только как гипотетическое состояние языка-основы. Сравнительно-историческое изучение родственных языков и диалектов предоставляет в распоряжение историков лингвистическую информацию об этногенезе народов, о дописьменных периодах их истории, о культуре и взаимных контактах древних народов» (с. 20).

За годы Советской власти ученые тюркоязычных союзных и автономных республик, автономных областей и центральных научных учреждений достигли значительных успехов в сравнительно-историческом изучении языков и диалектов, в накоплении языкового материала для тюркской этнической истории. Для воссоздания дописменной истории тюркоязычных этносов необходимо системное обобщение данных сравнительно-исторического языкознания, этнографии, археологии и т. д.

В. Л. Гукасян в статье «Значение диалектных данных в изучении истории языка», основываясь на данных древних письменных источников (древнегреческих, армянских, грузинских и других), а также азербайджанских и древнетюркских письменных памятников, интерпретирует диалектные данные азербайджанских диалектов и говоров в историческом аспекте.

Определенная часть статей сборника посвящена итогам работы над диалектологическими атласами отдельных тюркских языков. В статье Д. С. Насырова «Изучение диалектов и говоров каракалпакского языка методом лингвистической географии» рассматриваются результаты диалектологических исследований, определяются изоглоссы диалектных явлений каракалпакского языка по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике.

В статье Г. Б. Бакиновой «О положении изоглосс в диалектологическом атласе киргизского языка» отмечается, что результаты картографирования диалектных данных киргизского языка раскрыли ряд существенных фактов, имеющих первостепенное значение для определения и уточнения его современного и древнего состояния.

Диалектное членение отдельных тюркских языков до сих пор остается важной проблемой диалектологии. В одних тюркских языках этот вопрос почти полностью решен, в других остается до сих пор спорным. С этой точки зрения определенный интерес представляют статьи «Диалектное членение узбекского языка» А. Шерматова и «О диалектном членении кумыкского языка» Н. Х. Ольмесова и Н. Э. Гаджихмедова. На основании большого фактического материала А. Шерматов в узбекских говорах выделяет четыре диалектные зоны: 1) карлукскую; 2) кыпчакскую; 3) огузскую и 4) разнородную, или смешанную.

Основываясь на историко-лингвистических фактах, автор определяет ареал каждой из этих диалектных зон.

Н. Х. Ольмесов и Н. Э. Гаджихмедов выделяют в кумыкском языке три наречия: южное, северное и среднее. В состав южного наречия ими включаются кайтакский и подгорный диалекты, северного — хасавюртовский и терский, среднего — буйнакский диалект.

Часть статей сборника посвящена фиксации и интерпретации отдельных грамматических форм в отдельных тюркских языках. Например, Л. А. Покровская в работе «Эволюция формы настоящего времени глагола в диалектах гагаузского языка» прослеживает развитие употребляемых в гагаузских диалектах форм настоящего времени и указывает, какую эволюцию претерпели формы *-эр/-ер*, *-ыэр/-иер*; *-ый/-ий*; *-ыйер/-ийер*, *-йер/-йор* и т. д. Автор отмечает, что в глагольной форме типа *али йорир*, *гели йерир/йүрүр* ударение, естественно, падает на деепричастную основу (*али, гели*), но не на причастную форму служебного глагола (*йерир*). Однако по мере стяжения звуков причастия служебного глагола и превращения его по смыслу в формальный показатель, аффикс настоящего времени *йорир > йо:р > йор*, *йерир > йе:р/йе:р*; *йүрүр > йү:р*, в силу известной тенденции тюркских языков фиксировать ударение на последнем слоге, в ряде диалектов огузско-тюркских языков «перетянул» на себя основное ударение в форме настоящего времени. Таким путем образовались формы типа *алийо:р > алийор > алийер*. Со временем безударный гласный деепричастной основы постепенно редуцировался, и в результате фонетических стяжений образовалась гагаузская форма типа *алэр, гидер* (с. 74—75).

Интересна работа Ш. Насырова «Формы настоящего времени в узбекских говорах карлуко-чигиле-уйгурского наречия». В диалектах и говорах узбекского языка настоящее время глагола по смысловым оттенкам и формальным показателям отличается от всех других временных форм. Автор объясняет это прежде всего сложностью этногенетического процесса, в условиях которого происходило формирование узбекского народа. Он останавливается на формах, которые образуются с помощью аффиксов *-йап*, *-йат* и *-ват*. Например: *борйәнмәк*, *келйәтмәк* 'иду'. Отмеченные им факты имеют важное значение для изучения как узбекского языка, так и тюркских языков вообще.

Как известно, в диалектах и говорах сохраняются древнейшие реликтовые элементы, проливающие свет на некоторые вопросы истории того или иного языка и его исторической грамматики. В статье М. Исламова «Об одной древней форме возвратного местоимения» интерпретируются редчайшие в тюркских языках формы возвратного местоимения, встречающиеся в

диалектах и говорах азербайджанского языка, которые образуются повтором личных местоимений.

Сравнительное изучение диалектных данных тюркских языков имеет большое значение для изучения их истории. Статья Г. К. Гулиева «Древние лексические параллели в диалектах азербайджанского и башкирского языков» посвящена сопоставлению древних лексических фактов, сохранившихся в диалектах азербайджанского и башкирского языков.

Разнообразие падежных форм в узбекских говорах посвящена статья А. Ишаева «Формы падежей в узбекских говорах». Автору удалось обнаружить в узбекских говорах параллельное употребление тридцати вариантов падежных форм.

Диалектная фразеология относится к мало исследованным областям тюркской лексики. В статье З. Г. Ураксина «Некоторые вопросы изучения диалектной лексики и фразеологии башкирского языка» рассматриваются названия насекомых в башкирских говорах и ставится вопрос о необходимости изучения диалектной фразеологии. Автором установлено, что некоторые виды насекомых в тюркских языках и их диалектах или даже в группе языков имеют общие наименования, другие названия характерны только для отдельных тюркских языков и носят локальный характер. Диалектная фразеология имеет самостоятельные аспекты исследования. Одним из них является, как полагает автор, сравнительное изучение данного материала на межъязыковом уровне. Анализ должен подвергаться лексический состав, структура фразеологизма, его образная основа, форма и семантика.

Проблемы языковых контактов, взаимодействие языков и проблема субстрата всегда привлекали внимание лингвистов. В сборнике опубликован ряд статей, посвященных этой проблеме: В. К. Кельмакова «К вопросу о болгарском субстрате в языке бессермян», У. Ф. Надергулова «Формирование говора в условиях межъязыковых контактов», Н. И. Исанбаева «К вопросу о проницаемости морфологических явлений при взаимодействии языков», С. Омарбекова «Ареал начальных звонких согласных в казахских говорах контактных зон».

Статья Ф. Р. Зейналова «Огузо-сельджукские памятники и их отношение к диалектам азербайджанского языка» посвящена языковым особенностям огузо-сельджукских памятников «Чархнаме» («Книга фортун») Факиха, поэмы «Юсиф и Зулейха» Шайяда Хамзы, эпоса «Ахмед Харам», сопоставляемым с материалами диалектов и говоров азербайджанского языка. Автор обнаружил в указанных памятниках ряд интересных фонетических, лексических и грамматических особенностей, сохранившихся в диалектах и говорах азербайджанского языка, имеющих значение для истории языка.

Ряд статей сборника посвящен освещению конкретных вопросов отдельных тюркских языков: Д. Сайтова «О монографическом исследовании диалектов и говоров каракалпакского языка», И. М. Отарова «Лексические различия между диалектами карачаево-балкарского языка», А. М. Поповского «Тюркские заимствования в южном регионе украинского языка (На материалах степной Украины XVII—XIX вв.)», М. И. Дильмухаметова «Особенности наклонений глагола в говоре среднеуральских башкир», Дж. М. Хангишиева «Геминаты в диалектах кумыкского языка», С. Г.

Гильмановой «Названия мясных продуктов в говорах башкирского языка», Г. Г. Гареевой «Названия женских украшений в башкирских говорах», Ф. Ю. Юсупова «Некоторые итоги изучения причастных форм диалектов татарского языка», Э. Ф. Ишбердина «О некоторых звуковых соответствиях в башкирских говорах». В этих статьях рассматриваются конкретные языковые факты, имеющие определенное научное значение.

М. И. Исламов

Н Е К Р О Л О Г И

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОНОНОВ

30 октября 1986 года скончался Андрей Николаевич Кононов, крупнейший советский тюрколог, признанный глава советской тюркологической школы, председатель Советского комитета тюркологов. Многочисленные труды Андрея Николаевича по изучению грамматического строя тюркских языков, по текстологии и лексикологии, по истории востоковедения и тюркологии широко известны как в нашей стране, так и за ее рубежами.

А. Н. Кононов родился 27 октября 1906 года в Петербурге в семье служащего завода «Арсенал». По завершении среднего образования в 1924 году он два года работал на заводе «Красный выборжец». В 1930 году А. Н. Кононов закончил турецкое отделение Ленинградского восточного института. Здесь его учителями были крупнейшие востоковеды того времени —

В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Е. Э. Бертельс, Н. К. Дмитриев. Начав свою педагогическую и научную деятельность в Ленинградском восточном институте (1932—1938), в дальнейшем А. Н. Кононов работал в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР (1938—1986) сперва старшим научным сотрудником, а затем заведующим отделением (1961—1963) и в Ленинградском государственном университете — преподавателем (1934—1940), доцентом (1940—1950), профессором (1950—1981), заведующим кафедрой тюркской филологии (1949—1972), деканом восточного факультета (1953—1954).

За выдающиеся научные заслуги и заслуги в деле подготовки научных кадров А. Н. Кононов был избран членом-корреспондентом (1958) и действительным членом (1974) Академии наук СССР, награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов и «Знак Почета». Признание научных достижений Андрея Николаевича Коконова выразилось и в избрании его почетным членом Турецкого лингвистического общества, почетным членом Научного общества венгерских ориенталистов, иностранным членом Венгерской академии наук, почетным членом Польского товарищества востоковедов, почетным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, членом-корреспондентом Финно-угорского научного общества Финляндии, иностранным членом Финской академии наук и литературы.

А. Н. Кононов был тюркологом-востоковедом, и в этом определении акцент можно ставить на обоих слагаемых. Как востоковед, он был прямым наследником замечательной плеяды ориенталистов петербургской—ленинградской школы. Он унаследовал от них безграничную преданность науке, живой и действенный интерес ко всем проявлениям культуры Востока, органическое понимание гражданской нап-

равленности востоковедения. Верность традициям отечественного востоковедения и убежденность в том, что ориенталистика по самой природе своей — наука комплексная, требующая от ученого разносторонних и глубоких знаний, — отличительные черты А. Н. Кононова как исследователя. Разнообразны были проявления этих качеств в повседневной работе ученого: пристрастный интерес ко всей востоксведческой литературе и соответствующая этому интересу эрудиция, живое и деятельное участие во многих научных и организационных начинаниях в различных областях востоковедческой науки, пытливые проникновения в научное наследие крупнейших востоковедов прошлого, активное содействие развитию востоковедных знаний.

Эти свойства ученого-востоковеда получили в научной и педагогической деятельности А. Н. Кононова совершенно оригинальное претворение в его исследовательской практике ученого-тюрколога. Путь более чем полувекового служения Андрея Николаевича тюркологии — это путь советского ученого, неизменно способствовавшего своими трудами осуществлению самых насущных задач, выдвигавшихся практикой революционных социалистических преобразований и национально-культурного строительства в тюркоязычных республиках и областях нашей страны. А. Н. Кононов принадлежал к тому поколению советских тюркологов, трудами которых было осуществлено «фронтальное» изучение грамматики тюркских языков: его «Грамматика узбекского языка» (1948), развивающая те принципы, которые были обоснованы им ранее в двух грамматиках турецкого языка (1934, 1941), явилась звеном в цепи грамматических трудов по различным тюркским языкам, созданных советскими учеными.

Изучение грамматического строя тюркских языков в течение всей научной деятельности А. Н. Кононова занимало в ней ведущее место. Значительными этапами этой работы, отмеченной многими исследованиями, явились капитальные грамматики турецкого (1956) и узбекского (1960) языков. За первую из этих работ автору была присуждена первая премия Ленинградского государственного университета за 1957 год. Воззрения А. Н. Кононова на грамматический строй тюркских языков в последние годы обогатились новыми концептуальными убеждениями относительно многих главных проблем исторической грамматики тюркских языков: им была предложена новая и оригинальная точка зрения на саму природу тюркской агглютинации.

А. Н. Кононов неоднократно высказывал убеждение, что научная работа в области востоковедения немислива без обращения к рукописям — основным источникам всех наших знаний о Востоке. Сам Андрей Ни-

колаевич всегда был верен этому своему убеждению: им были выполнены по многочисленным спискам сводные критические тексты двух интереснейших сочинений средневекового Востока — «Махбуб ул-кулуб» («Возлюбленный сердец») Алишера Навои (1948) и «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен») Абу-л-Гази-хана (1958). Историко-филологические комментарии ко второму из названных сочинений представляют собой образец глубокого проникновения в содержание источника и истолкования текста на историко-культурном фоне.

Чрезвычайно широк и многообразен был интерес А. Н. Кононова к истории востоковедения, к процессу становления отечественного востоковедения как науки. В этой сфере он был прямым продолжателем соответствующих трудов В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. Многочисленные его работы в этой области охватывают собою огромный исторический период — от первых упоминаний в русских летописях о контактах Древней Руси с Востоком вплоть до блестящего развития отечественной ориенталистики в прошлом веке. Закономерным рубежом этих исканий стали две книги А. Н. Кононова — «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (два издания — 1972 и 1982) и «Библиографический словарь отечественных тюркологов» (1974), второе издание которого, существенно дополненное, было подготовлено Андреем Николаевичем буквально накануне кончины.

В трудах А. Н. Кононова обоснованы и развиты многие новые идеи, которые послужили углублению и насыщению доказательств самых существенных представлений о строе тюркских языков, о тюркоязычной культуре, о рукописных ее сокровищах, об истории тюркологических знаний и с гутях развития отечественного востоковедения. Если задаться целью суммарно охватить эти идеи, то следует упомянуть подчеркнутую морфологическую интерпретацию тюркской грамматики, приведшую ученого к новому пониманию самой природы агглютинативного строя тюркских языков, в котором фузионные процессы обуславливали последовательное историческое преосмысление различных формальных показателей; в области тюркского синтаксиса — обоснование особой роли бессоюзного подчинения; в области исторической грамматики тюркских языков — обобщение взглядов на грамматический строй языка тюркских рунических памятников как на ключ к пониманию многих особенностей современных тюркских языков; в сфере истории тюркологии — глубокую преемственность нынешних тюркологических знаний от их «предысторического» бытования в разнообразных русско-тюркских отношениях.

Глубоко заинтересованное отношение к

той науке, которой он столь преданно служил, сочеталось в А. Н. Кононове со столь же глубоким интересом к людям, работающим в востоковедении. Он воспитал несколько поколений тюркологов, проявляя неизменное чуткое внимание ко всем их замыслам и начинаниям. Огромная эрудиция, постоянная поглощенность иска-

ниями, справедливость, объективность и доброжелательность — вот те качества А. Н. Кононова, которые снискали ему любовь и уважение учеников и коллег.

Светлая память о большом ученом и замечательном человеке Андрее Николаевиче Кононове навсегда сохранится в сердцах тех, кому довелось общаться с ним.

**СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ,
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ».**

ВОРОШИЛ ЛЕВОНОВИЧ ГУКАСЯН

11 октября 1986 года на пятьдесят четвертом году жизни скоропостижно скончался видный азербайджанский языковед, старший научный сотрудник Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, доктор филологических наук Ворошил Левонович Гукасян.

В. Л. Гукасян родился 9 января 1932 года в селе Нидж Куткашенского района Азербайджанской ССР в семье крестьянина-бедняка. В детстве наряду с родным удинским он овладел также русским, азербайджанским и армянским языками. В 1955 году В. Л. Гукасян окончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова

и стал работать сперва ответственным секретарем сиазанской районной газеты, затем редактором в издательстве Академии наук Азербайджанской ССР и позднее — сотрудником главной редакции Министерства сельского хозяйства Азербайджанской ССР. С 1960 года и до конца жизни он работал в системе Академии наук Азербайджанской ССР вначале в должности младшего научного сотрудника, а с 1967 по 1980 год — старшего научного сотрудника Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР. С 1980 года В. Л. Гукасян заведовал отделом древней истории азербайджанского языка этого института, а в последнее время руководил группой исторического словаря азербайджанского языка.

В 1966 году В. Л. Гукасян успешно защитил кандидатскую диссертацию «Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка», а в 1973 году — докторскую «Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков».

Научные интересы В. Л. Гукасяна характеризовались многогранностью и широтой. Исследование удинского языка было одним из главных направлений в его научной деятельности. Он является автором «Удинско-азербайджанско-русского словаря» (1974). Его многочисленные статьи посвящены терминам родства и культа в удинском языке, ниджскому диалекту удинского языка, взаимоотношениям азербайджанского и удинского языков, фразеологии удинского языка, иранско-удинским языковым контактам, тюркизмам в удинском языке и т. д. Одновременно он занимался дешифровкой албанских надписей и историей албанской письменности, опубли-

ковав по этим вопросам целый ряд статей в гг. Баку, Тбилиси, Москва, Париж.

Последние пятнадцать лет В. Л. Гукасян уделял много внимания изучению древней истории азербайджанского языка и этногенеза азербайджанского народа, опубликовав по этим проблемам более сорока научных статей. В соавторстве с В. И. Аслановым им была написана монография «Исследования по истории азербайджанского языка дописьменного периода» (1986). Им опубликованы также статьи, посвященные различным вопросам топонимики и социолингвистики Азербайджана.

В. Л. Гукасян являлся одним из научных консультантов «Азербайджанской Советской Энциклопедии», членом редколе-

гии второго тома многотомной «Истории Азербайджана», членом советов — по защите докторских диссертаций при Институте языкознания им. Насими и по защите кандидатских диссертаций при Азербайджанском педагогическом институте русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова.

В. Л. Гукасян подготовил более десяти кандидатов наук.

Светлая память о талантливом и трудолюбивом ученом, чутком и отзывчивом товарище Ворошиле Левоновиче Гукасяне всегда будет жить в сердцах его коллег, друзей и учеников.

З. И. Будагова, Н. Х. Мамедов

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. Г. Нигматов (Бухара), Р. Халмурадов (Самарканд). О критериях выделения обстоятельства как члена предложения 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Л. Ш. Арсланов (Елабуга). О взаимодействии языков карагашей и юртовских татар (ногайцев) с казахским языком 11

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Х.-М. А. Сабанчиев (Нальчик). Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX—начале XX века 16

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров, Ф. Л. Мазитова (Казань). Становление и развитие фамилий в татарской антропонимии 22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. М. Щербак (Ленинград). Место наречия в исторических грамматиках тюркских языков 32
П. И. Кузнецов (Москва). О происхождении аффиксов глагольного отрицания -ba/-bā, -ra/-rā, -ta/-tā 37

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Н. Э. Гаджихмедов (Махачкала). Еще раз о видах тюркского глагола 44
А. Матгазиев, С. Муминов (Фергана). Роль мотивации в образовании номинативных средств узбекского языка 50
Д. А. Салихова (Елабуга). Об одном морфонологическом явлении в татарском языке 56
А. Н. Нурманов, М. М. Саидханов (Андижан). Паралингвистические средства выражения утверждения и отрицания 61
Ю. В. Щека (Москва). Предикативные конструкции с полнозначными фиксированными элементами в турецкой разговорной речи 70
К. Б. Бектаев (Чимкент), Р. Г. Пиотровский (Ленинград). Автоматическая переработка текста. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта 80
М. Б. Симеонов (Кырджали, НРБ). Еще раз по поводу надписи из Фыркалы 85
Н. З. Донадзе (Москва). Лингвистический атлас Европы и его тюркский ареал 87

РЕЦЕНЗИИ

<u>А. П. Кочичев</u> (Ленинград). И. Н. Шервашидзе. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей	90
В. Г. Кондратьев (Ленинград). «Turcologica. 1986».	93
З. Ураксин (Уфа). М. Ф. Чернов. Фразеология современного чувашского языка	96
Я. С. Ахметгалиева (Ленинград). Т. Х. Хайрутдинова. Говор златоустовских татар	99
Р. А. Юсупов (Казань). В. Х. Хаков. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше (20—30-нчы еллар)	100
М. И. Исламов (Баку). «Вопросы диалектологии тюркских языков»	102

НЕКРОЛОГИ

<u>Андрей Николаевич Кононов</u>	106
<u>Ворошил Левонович Гукасян</u>	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

Kh. G. Nigmatov (Bucharā), R. Khalmuradov (Samarkand). On criterions of adverbial modifier distinguishing as sentence parts	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

L. Sh. Arslanov (Yelabuga). On reciprocity of the Karagash and Yurt Tatar (No-gay) languages with the Kazakh language	11
---	----

QUESTIONS OF FOLKLORISTICS

Kh.-M. A. Sabanchiyev (Nalchik). From the history of collecting and studying the Balkar and Karachai folklore in the late of XIX—early of XX	15
--	----

ONOMASTICS

G. F. Sattarov, F. L. Mazitova (Kazan). The making and development of surnames in Tatar antropology	22
---	----

DISCUSSIONS

A. M. Tsherbak (Leningrad). Adverb place in historical grammars of the Turkic languages	32
P. I. Kuznetsov (Moscow). On verbal negation affixes origin -ba/-bä, -pa/pä, -ma/-mä	37

REPORTS, SURVEYS

N. E. Gadjiakhmedov (Makhachkala). Once more about the aspects of the Turkic verb	44
A. Matgazyiev, S. Muminov (Fergana). The role of motivations in forming of nominative means of Uzbek	50
D. A. Salihova (Yelabuga). One morphonological phenomenon in Tatar	56

A. N. Nurmanov, M. M. Saidkhanov (Andijan). Paralinguistic means of expression of affirmation and negation	61
Y. V. Tsheka (Moscow). Predicative constructions with autonomons fixed elements in the Turkish spoken language	70
K. B. Bektayev (Chimkent), R. G. Piotrowski (Leningrad). Automatic remaking of text. Linguistic aspects of artificial intellect	80
M. B. Simeonov (Kyrdjaly, Bulgaria). Once more about the inscription from Fyrkaly	85
V. Z. Donadze (Moscow). Linguistic atlas of Europe and its turkic	87

REVIEWS

A. N. Kononov (Leningrad). И. Н. Шервашидзе. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей	90
V. G. Kondratyev (Leningrad). «Turcologica. 1986»	93
Z. Uraksin (Ufa). М. Ф. Чернов. Фразеология современного чувашского языка	96
Y. S. Ahmetgaleyeva (Leningrad). Т. Х. Хайрутдинова. Говор златоустовских татар	99
R. A. Yusupov (Kazan). В. Х. Хаков. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше (20—30-нчы еллар)	100
M. I. Islamov (Baku). «Вопросы диалектологии тюркских языков»	102

OBITUARY

Andrei Nikolaevich Kononov	106
Voroshil Levonovich Gukasyan	108

© «Советская тюркология», 1986 г.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев
Корректоры А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин

Сдано в набор 12.11. 86 г. Подписано к печати 27.02.87 г. ФГ 21523. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 11276. Тираж 2515. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.